

ISSN 1992-2892
ISSN 2500-221X (online)

2025 '1

ЖЕНЩИНА
В РОССИЙСКОМ
ОБЩЕСТВЕ

ЖЕНЩИНА В РОССИЙСКОМ ОБЩЕСТВЕ

Российский научный журнал

№ 1 — 2025

Учредитель ФГБОУ ВО «Ивановский государственный университет»

*Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций.
Реестровая запись ПИ № ФС 77-78824 от 30.07.2020*

*Журнал включен ВАК РФ в перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий,
в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций
на соискание ученых степеней кандидата и доктора наук (ред. от 16.10.2022)*

Редакционный совет:

- О. А. Хасбулатова** (*главный редактор*, Ивановский государственный университет, г. Иваново;
доктор исторических наук, профессор),
- Н. Л. Пушкарёва** (*заместитель главного редактора*, Институт этнологии и антропологии
им. Н. Н. Миклухо-Маклая РАН, г. Москва; доктор исторических наук, профессор),
- М. В. Певная** (Уральский федеральный университет им. первого Президента России
Б. Н. Ельцина, г. Екатеринбург; доктор социологических наук, доцент),
- Т. К. Ростовская** (Институт демографических исследований
Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН, г. Москва;
доктор социологических наук, профессор),
- О. В. Рябов** (Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена,
г. Санкт-Петербург; доктор философских наук, профессор, ведущий научный сотрудник),
- З. Х.-М. Саралиева** (Национальный исследовательский Нижегородский государственный
университет им. Н. И. Лобачевского, г. Нижний Новгород; доктор исторических наук, профессор),
- И. Н. Смирнова** (Ивановский государственный университет, г. Иваново;
кандидат социологических наук, доцент),
- Р. Н. Сулейманова** (Институт истории, языка и литературы Уфимского федерального
исследовательского центра РАН, г. Уфа; доктор исторических наук, главный научный сотрудник),
- Н. А. Шведова** (Институт США и Канады РАН, г. Москва;
доктор политических наук, главный научный сотрудник),
- А. В. Белова** (Тверской государственный университет, г. Тверь;
доктор исторических наук, профессор)

Редакционная коллегия:

- И. С. Клещина** (Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена,
г. Санкт-Петербург; доктор психологических наук, профессор),
- Т. Б. Рябова** (Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена,
г. Санкт-Петербург; доктор социологических наук, профессор),
- Н. С. Рычихина** (*ответственный секретарь*, Ивановский государственный университет,
г. Иваново; кандидат экономических наук, доцент)

Адрес редакции (издателя): 153025 Ивановская обл., г. Иваново, ул. Тимирязева, 5
Тел./факс в Иваново: (8920) 357-58-31. E-mail: winrs@bk.ru

Электронная копия журнала размещена на сайтах
www.womaninrussiansociety.ru, www.elibrary.ru, www.ivanovo.ac.ru

Подписной индекс в каталоге «Пресса России» 41513

© «Женщина в российском обществе», 2025
© ФГБОУ ВО «Ивановский
государственный университет», 2025

WOMAN IN RUSSIAN SOCIETY

Russian Scholarly Journal

No. 1 — 2025

Founder (Constitutor) Ivanovo State University

---

*The journal is registered by the Federal Service for Supervision of Communications,
Information Technology, and Mass Media
Registry entry PI № FS 77-78824 on 30.07.2020*

*The journal is peer-reviewed and recommended
by the Supreme Attestation Commission of the Russian Federation
to publish main results of Doctors and Candidates of Sciences' dissertations (issued on 16.10.2022)*

Editorial Council:

- Prof. **O. A. Khasbulatova**, Dr. Sc. History (*Editor-in-chief*, Ivanovo State University, Ivanovo),
Prof. **N. L. Pushkareva**, Dr. Sc. History (*Vice Editor-in-chief*, N. N. Miklouho-Maclay Institute of Ethnology
and Anthropology of Russian Academy of Sciences, Moscow),
Assoc. Prof. **M. V. Pevnaya**, Dr. Sc. Sociology (Ural Federal University named after the First
President of Russia B. N. Yeltsin, Yekaterinburg),
Prof. **T. K. Rostovskaya**, Dr. Sc. Sociology (Institute for Demographic Research —
Branch of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology
of the Russian Academy of Sciences, Moscow),
Prof. **O. V. Riabov**, Dr. Sc. Philosophy, Leading Researcher
(Herzen State Pedagogical University of Russia, St. Petersburg),
Prof. **Z. M. Saralieva**, Dr. Sc. History (National Research Lobachevsky State University
of Nizhny Novgorod, Nizhny Novgorod),
Assoc. Prof. **I. N. Smirnova** (Ivanovo State University, Ivanovo),
R. N. Suleymanova, Dr. Sc. History, Chief Researcher (Institute of History, Language and Literature
of Ufa Federal Research Centre of Russian Academy of Sciences, Ufa),
N. A. Shvedova, Dr. Sc. Politics, Chief Researcher (Institute of USA and Canada Studies
of Russian Academy of Sciences, Moscow),
Prof. **A. V. Belova**, Dr. Sc. History (Tver State University, Tver)

Editorial Board:

- Prof. **I. S. Kletsina**, Dr. Sc. Psychology (Herzen State Pedagogical University of Russia, St. Petersburg),
Prof. **T. B. Riabova**, Dr. Sc. Sociology (Herzen State Pedagogical University of Russia, St. Petersburg),
Assoc. Prof. **N. S. Rychikhina** (*assistant editor*, Ivanovo State University, Ivanovo)

Editorial Office Address:

153025 Ivanovo region, Ivanovo, Timiriazev str., 5
Tel./Fax: (8920) 357-58-31. E-mail: winrs@bk.ru

The e-copy of the issue can be accessed at
www.womaninrussiansociety.ru, www.elibrary.ru, www.ivanovo.ac.ru

Subscription index in catalogue "Press of RF" 41513

© "Woman in Russian society", 2025
© Ivanovo State University, 2025

К ЧИТАТЕЛЯМ

Уважаемые коллеги!

Перед вами первый номер журнала в 2025 году. Позвольте поприветствовать постоянных и новых читателей журнала, всех, кому небезразличны социальное самочувствие и социальный статус женщин в современном российском обществе.

В текущем году мы надеемся опубликовать научные статьи не только известных, но и новых авторов, специалистов в области политологии, социологии и истории. Редакционная коллегия журнала планирует стать учредителем двух научных конференций.

Будут продолжены проекты по изданию специальных выпусков журнала, поддержке молодых ученых, расширению тематики научных статей.

От имени редакционного совета и редакционной коллегии журнала мы анонсируем новую рубрику — «Выдающиеся женщины России: история и современность». Это будут научные публикации о знаменитых и малоизвестных женщинах, которые внесли существенный вклад в историю России и повышение статуса российских женщин, а также участвуют в государственном, общественном и культурном развитии нашей страны.

Редакционный совет и редакционная коллегия выражают большую благодарность ректорату и издательству Ивановского государственного университета за многолетнюю поддержку.

Мы желаем всем авторам и читателям нашего журнала успехов и благополучия.

*Главный редактор журнала
О. А. Хасбулатова*

СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ SOCIOLOGICAL SCIENCES

Женщина в российском обществе. 2025. № 1. С. 4—22.

Woman in Russian Society. 2025. No. 1. P. 4—22.

Научная статья

УДК 316.356.2:159.923

EDN: <https://elibrary.ru/edzmmzh>

DOI: 10.21064/WinRS.2025.1.1

ОСОБЕННОСТИ ЭГОИЗМА У ЖЕНАТЫХ МУЖЧИН И ЗАМУЖНИХ ЖЕНЩИН

Александр Борисович Синельников

Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова,
г. Москва, Россия, sinalexander@yandex.ru

Аннотация. У женатых мужчин эгоизм проявляется в игнорировании интересов жен и детей. Это часто приводит к распаду семей. После развода такие мужчины не заботятся о детях от бывших жен. Одни из них создают новые семьи, которые часто распадаются по той же причине. Другие не создают новых семей, чтобы не ограничивать свою личную независимость. Эгоистично ориентированные замужние женщины, как правило, игнорируют только интересы своих мужей. В результате их семьи распадаются. Однако даже если их бывшие мужья были хорошими отцами, эти женщины обычно не считают, что их собственное поведение вредит интересам детей. Они убеждены, что могут либо сами правильно воспитать и материально обеспечить ребенка без отца, либо найти ему отчима, который, по их мнению, будет лучше родного отца. Бывшие мужья нередко соглашались с данным мнением своих бывших жен, потому что это освобождает их, как отцов, от забот о своих детях. Эгоизм принимает разные формы в семейной жизни мужчин и женщин. Однако любые его формы разрушают семьи. Необходимо тщательное изучение этой проблемы. Преодоление массового эгоизма является одним из обязательных условий для выхода из демографического кризиса.

Ключевые слова: эгоизм, мужчины, женщины, семья, брак, дети, демографический кризис

Благодарности: исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-28-00518 «Социальное конструирование жизненных стратегий семей с разным числом детей: социолого-демографические исследования», <https://rscf.ru/project/23-28-00518/>.

Для цитирования: Синельников А. Б. Особенности эгоизма у женатых мужчин и замужних женщин // Женщина в российском обществе. 2025. № 1. С. 4—22.

Original article

CHARACTERISTICS OF SELFISHNESS IN MARRIED MEN AND MARRIED WOMEN

Alexander B. Sinelnikov

Lomonosov Moscow State University,
Moscow, Russian Federation, sinalexander@yandex.ru

Abstract. Married men show selfishness in ignoring the interests of their wives and children. This often leads to the breakdown of families. After a divorce, these men do not take care of the children from their ex-wives. Some of them create new families, which often break up for the same reason. Others do not create any new families, so as not to limit their personal independence. Married women tend to be selfish in ignoring the interests of their husbands. As a result, their families fall apart. However, even if their ex-husbands were good fathers, these women generally do not believe that their own behavior harmed the interests of their children. They are convinced that they can either properly raise and financially provide for children without a father, or find them a stepfather, who, in the opinion of these women, will be better than their own father. Ex-husbands often agree with this opinion of their ex-wives because it frees them, as fathers, from caring for their children. Selfishness takes different forms in the family life of men and women. However, any form of selfishness destroys families. A thorough study of this problem is necessary. Overcoming mass selfishness is one of the necessary conditions for overcoming the demographic crisis.

Key words: selfishness, egoism, men, women, family, marriage, children, demographic crisis

Acknowledgments: this work was supported by the Russian Science Foundation under grant № 23-28-00518 “Social construction of life strategies for families with different numbers of children: a socio-demographic studies”, <https://rscf.ru/en/project/23-28-00518/>.

For citation: Sinelnikov, A. B. (2025) Osobennosti egoizma u zhenatykh muzhchin i zamuzhnykh zhenshchin [Characteristics of selfishness in married men and married women], *Zhenshchina v rossiiskom obshchestve*, no. 1, pp. 4—22.

Введение

Основная причина неблагоприятной демографической ситуации и кризиса семьи как социального института состоит в том, что в России, так же как и во многих других странах, очень распространен эгоизм. Люди, которые думают только о себе и не согласны поступаться своими личными интересами ради членов своей семьи, либо не создают семей, либо создают семьи без регистрации брака и (или) без детей, в лучшем случае с одним ребенком, причем такие семьи очень часто распадаются. Для поисков путей решения этой очень важной проблемы необходимо анализировать данные социологических исследований.

Цель статьи состоит в изучении особенностей факторов и последствий распада семей, вызванного эгоистичным поведением мужчин и женщин.

Гипотезой исследования выступает предположение о том, что игнорирование одним из супругов интересов других членов семьи по-разному проявляется у мужчин и женщин.

Эмпирической базой исследования являются материалы опроса ВЦИОМ «Идеальная семья» (2024 г.), а также данные опросов фонда «Общественное мнение» (ФОМ) об уважительности некоторых причин развода (2022 г.) и об отношении к добровольной бездетности (2024 г.)¹.

В качестве методов исследования применялся пересчет, перегруппировка и анализ данных из таблиц, опубликованных на сайтах ВЦИОМ и ФОМ или построенных путем обработки в программе SPSS размещенного на сайте ВЦИОМ массива (базы) микроданных исследования «Идеальная семья».

В процессе этого исследования при проведении опроса респонденты четыре раза выбирали одно из соответствующей пары суждений об идеальной семье (рис. 1).

Просемейное и антисемейное поведение

В первых трех парных суждениях (1-А и 1-В, 2-А и 2-В, 3-А и 3-В) респонденты делали выбор между двумя линиями *семейного* поведения. Следование любой из этих линий может создать проблемы во внутрисемейных отношениях, если не все взрослые члены семьи придерживаются одной и той же линии. Каждая из них имеет свои преимущества и недостатки, но в любом случае речь идет о линиях *семейного* поведения. Однако четвертый парный выбор делается между *антисемейной* (4-А) и *просемейной* (4-В) линиями поведения.

Сущность брака как основы семьи состоит в том, что женатые мужчины и замужние женщины не имеют морального права вести себя так же, как те люди, которые в браке не состоят, живут одни и у себя дома делают все, что им хочется. Состоящие в браке должны считаться с интересами супругов и детей. Даже если супруги не оформляют развод и (или) не разъезжаются из-за жилищных, материальных, юридических или каких-то других проблем, брак является крайне неудачным для того из них, чьи интересы игнорируются. Семья, основанная на столь несчастливом браке, — полная противоположность идеалу.

Степень «просемейности» той или иной линии поведения определяется по тому, какая часть ее сторонников согласна с суждением 4-В, т. е. считают идеальной ту семью, в которой интересы семьи в целом важнее частных интересов отдельных ее членов.

Материальная обеспеченность и личная независимость

Соответствующие данные по линиям поведения 1-А и 1-В приведены на рисунке 2.

¹ Данные парных распределений // ВЦИОМ-Навигатор. 2024. URL: <https://bd.wciom.ru/survey/sputnik/questions/95051c58-1eb2-40ab-8ad7-be3e8667930c/cross/71b38a55-dee2-4e9c-a628-17367cab9c52> (дата обращения: 30.07.2024); Идеальная семья — 2024. Разд.: Массив [база микроданных] // ВЦИОМ. Новости. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/idealnaja-semja-2024> (дата обращения: 30.07.2024); Разводы: «уважительные» и «неуважительные» причины // Фонд «Общественное мнение». 2022. 14 июля. URL: <https://fom.ru/Rabota-i-dom/14750> (дата обращения: 02.09.2022); Репродуктивные установки: отношение россиян к повышению возраста рождения первого ребенка и к тем, кто не хочет иметь детей // Там же. 2024. 8 августа. URL: <https://fom.ru/Rabota-i-dom/1505> (дата обращения: 31.08.2024).

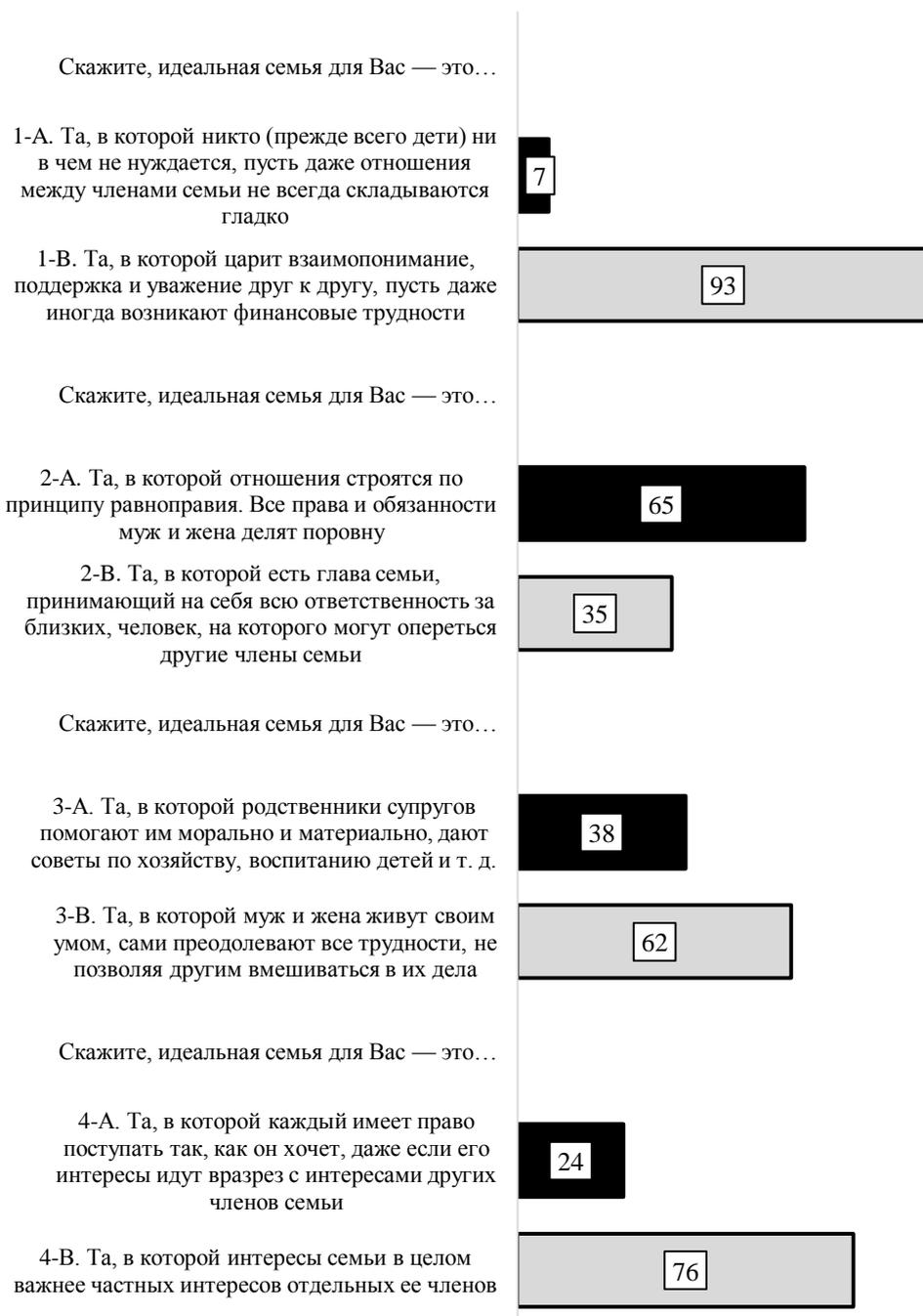
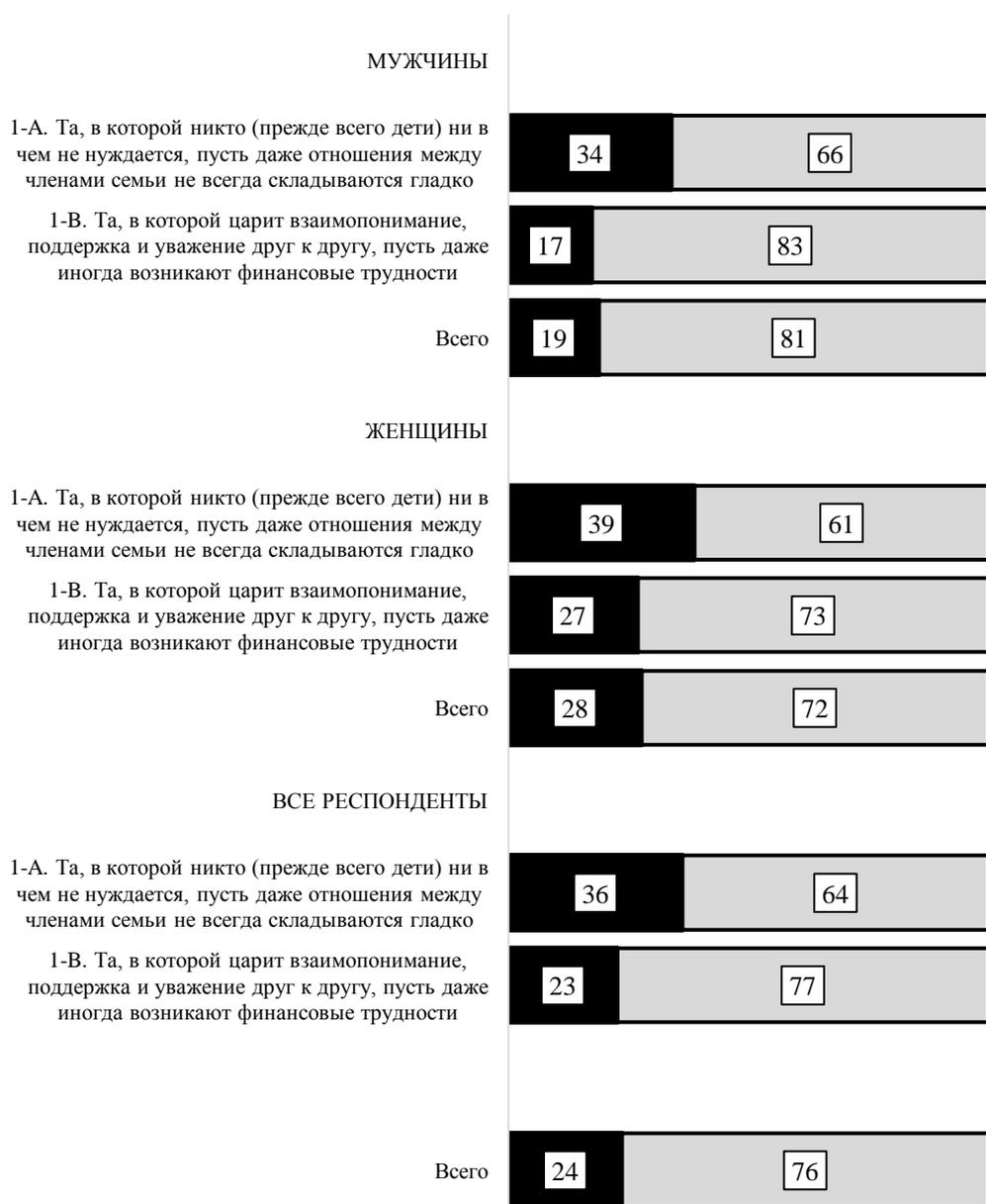

Рис. 1. Доля выбравших одно из двух парных суждений (1-А или 1-В, 2-А или 2-В, 3-А или 3-В, 4-А или 4-В), % к числу сделавших этот выбор²

² Рассчитано по: Идеальная семья — 2024. Разд.: Массив [база микроданных].

■ 4-А. Та, в которой каждый имеет право поступать так, как он хочет, даже если его интересы идут вразрез с интересами других членов семьи

■ 4-В. Та, в которой интересы семьи в целом важнее частных интересов отдельных ее членов

Рис. 2. Доля считающих, что каждый член идеальной семьи имеет право поступать так, как он хочет, даже если его интересы идут вразрез с интересами других ее членов (4-А), или что он не имеет такого права (4-В), % к числу лиц данного пола, выбравших суждение 1-А или 1-В об идеальной семье³

³ Рассчитано по: Там же.

Среди всех респондентов, выбравших суждение 1-А, согласно которому для идеальной семьи богатство важнее добрых отношений между ее членами, 64 % считают (в том числе 66 % мужчин и 61 % женщин), что интересы семьи в целом важнее частных интересов ее отдельных членов. Но у тех респондентов, которые предпочитают суждение 1-В, т. е. полагают, что добрые отношения в семье важнее высокого уровня материальной обеспеченности, эти показатели выше (у всех — 77 %, у мужчин — 83 %, у женщин — 73 %).

Различие в степени просемейности между линиями поведения 1-А и 1-В (в пользу последней) у всех респондентов составляет 13 %, а у мужчин даже 17 %. Оба эти различия статистически значимы ($p < 0,05$). У женщин различие несколько меньше (12 %). Его значимость небесспорна ($p = 0,1$), но направленность данного различия у женщин такая же, как у мужчин. Это показывает, что в целом линия поведения 1-В является более просемейной, чем линия 1-А.

Равенство между супругами и личная независимость

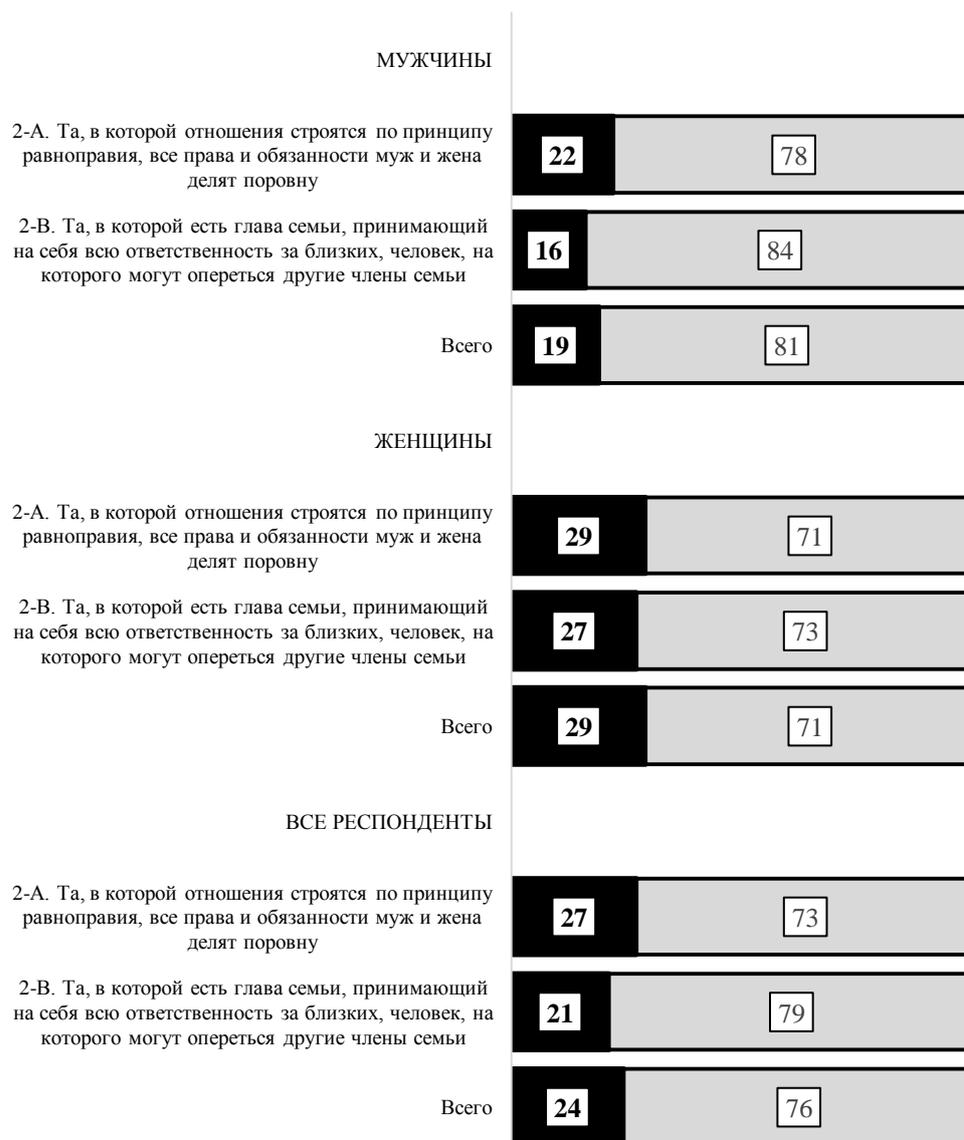
Таким же способом можно сравнить степень просемейности линий поведения 2-А и 2-В (рис. 3).

Степень просемейности «линии равенства супругов» (2-А) у всех респондентов составляет 73 %, у мужчин — 78 %, у женщин — 71 %, а «линии главенства мужа или жены» (2-В) несколько больше — 79, 84 и 73 % соответственно. Различие в степени просемейности между этими двумя линиями поведения (в пользу последней) у всех респондентов и отдельно у мужчин относительно невелико (6 % в обоих случаях), но все же статистически значимо. Однако у женщин данное различие составляет лишь 2 % и не является значимым.

Мужчины, считающие, что в идеальной семье должен быть глава, который берет на себя ответственность за благополучие всех других ее членов, настроены несколько более просемейно, чем те, по мнению которых отношения в семье следует строить по принципу равноправия, а все права и обязанности муж и жена должны делить поровну. Но для женщин обе линии поведения, как направленная на равенство, так и направленная на главенство, являются просемейными почти в одной и той же степени. Вероятно, дело в том, что большинство и мужчин, и женщин, независимо от отношения к самой идее главенства, считают, что если в семье есть глава, то это мужчина. Мужчинам такое суждение нравится больше. А женщины далеко не всегда согласны подчиняться мужьям.

Ориентация на помощь от родственников или на личную независимость

Поведение, ориентированное на получение помощи от родственников (3-А), является несколько более просемейным, чем поведение, направленное на достижение независимости супругов от этой помощи (3-В), которая часто сопровождается вмешательством родителей мужа или жены в семейные дела супружеской пары (рис. 4).

■ 4-А. Та, в которой каждый имеет право поступать так, как он хочет, даже если его интересы идут вразрез с интересами других членов семьи

■ 4-В. Та, в которой интересы семьи в целом важнее частных интересов отдельных ее членов

Рис. 3. Доля считающих, что каждый член идеальной семьи имеет право поступать так, как он хочет, даже если его интересы идут вразрез с интересами других ее членов (4-А), или что он не имеет такого права (4-В), % к числу лиц данного пола, выбравших суждение 2-А или 2-В об идеальной семье⁴

⁴ Рассчитано по: Там же.

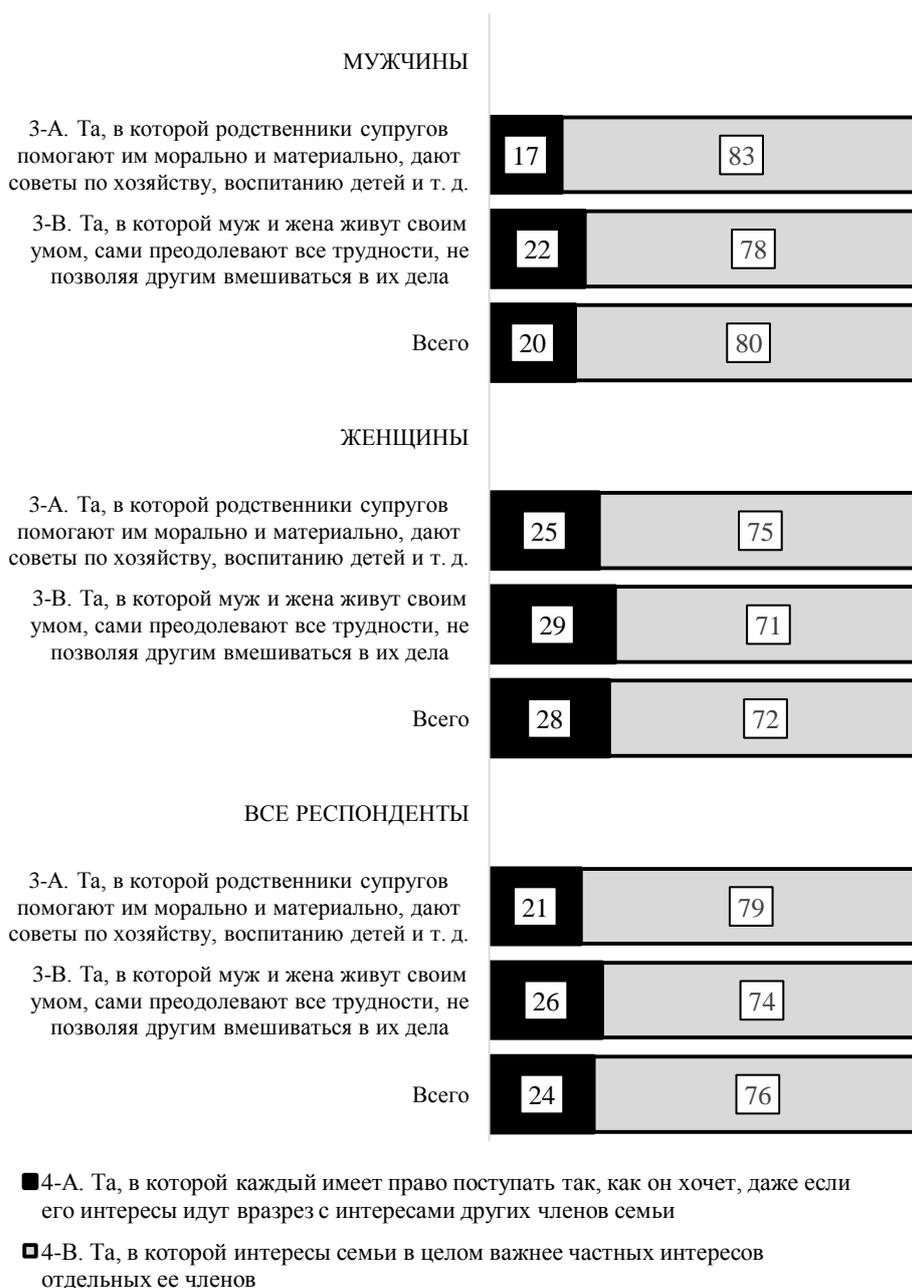

Рис. 4. Доля считающих, что каждый член идеальной семьи имеет право поступать так, как он хочет, даже если его интересы идут вразрез с интересами других ее членов (4-А), или что он не имеет такого права (4-В), % к числу лиц данного пола, выбравших суждение 3-А или 3-В об идеальной семье⁵

⁵ Рассчитано по: Там же.

Среди людей, считающих идеальной ту семью, в которой родственники супругов помогают им морально и материально, дают советы по хозяйству, воспитанию детей и т. д., 79 % всех респондентов, в том числе 83 % мужчин и 75 % женщин, выбирают просемейное суждение 4-В. Соответствующие показатели у тех, кто считает идеальной ту семью, в которой муж и жена живут своим умом, сами преодолевают все трудности, не позволяя другим вмешиваться в их дела, несколько ниже: у всех — 74 %, у мужчин — 78 % и у женщин — 71 %.

Разница в степени просемейности между сторонниками суждений 3-А и 3-В является хотя и относительно небольшой (5 %), но статистически значимой ($p < 0,05$). У мужчин эта разница тоже 5 %, однако, поскольку они составляют менее половины от общего числа респондентов, в данном случае $p = 0,09$, что вызывает некоторые сомнения в значимости этого различия. У женщин различие еще меньше (4 %) и вообще не выдерживает проверки на статистическую значимость.

Тем не менее есть основания полагать, что и у мужчин, и у женщин эти различия хотя и невелики, но все же неслучайны. В России, как и во всех других развитых странах, да и во многих развивающихся, подавляющее большинство населения считает, что семья должна быть нуклеарной, т. е. супругам следует жить отдельно от родителей. Конечно, и при раздельном проживании многие супружеские пары получают от родителей мужа или жены как финансовую поддержку, так и помощь в уходе и присмотре за детьми. Но это часто сопровождается вмешательством старшего поколения в семейные дела супружеских пар. Поэтому многие из этих пар при первой возможности отказываются от такой помощи.

Если заработки супругов это позволяют, то они уже не берут денег у родителей и нанимают для детей нянь, чтобы не зависеть от помощи бабушек. В России происходит постепенный переход от ситуации, когда даже при раздельном проживании старшего и среднего поколений в значительной степени сохраняется их систематическая взаимопомощь, т. е. единая общесемейная деятельность [Социология семьи, 2005: 44], к давно сложившейся во многих западных странах системе отношений между поколениями, при которой родители уже не помогают своим взрослым детям ни деньгами, ни в уходе и присмотре за внуками, а женатые и неженатые взрослые дети не поддерживают материально вышедших на пенсию отцов и матерей и не ухаживают за ними во время болезней, из-за чего родителям в конце концов приходится уходить в дома престарелых. С другой стороны, сами пожилые люди, пока у них есть достаточно денег и здоровье им это еще позволяет, не присматривают за внуками, а предпочитают более независимый образ жизни и путешествуют по всему миру.

Стремление к независимости от родителей со временем дополняется желанием не зависеть также и от супругов. Через какое-то время после разделения расширенных семей на нуклеарные многие из них распадаются и становятся неполными [Fukuяama, 1995]. Трудно провести границу между стремлением к независимости, с одной стороны, и эгоизмом — с другой. В большинстве случаев причиной распада семей является эгоизм мужа и (или) жены.

Если один из супругов изменяет, пьянствует, употребляет наркотики, избивает членов семьи и (или) не заботится о них, то требование развода со стороны другого супруга является адекватной реакцией на это неадекватное и эгоистичное поведение, нарушающее основные нормы семейной жизни. В таких случаях для расторжения брака есть объективные причины.

Если же один из супругов требует развода по чисто субъективным причинам (любовь к мужу или жене прошла, либо этого чувства к нему или к ней вообще никогда не было, возникло любовное чувство к третьему лицу), хотя другой супруг ни в чем не виноват и пытается сохранить семью, то в таких случаях сам инициатор расторжения брака проявляет эгоизм по отношению к членам своей семьи.

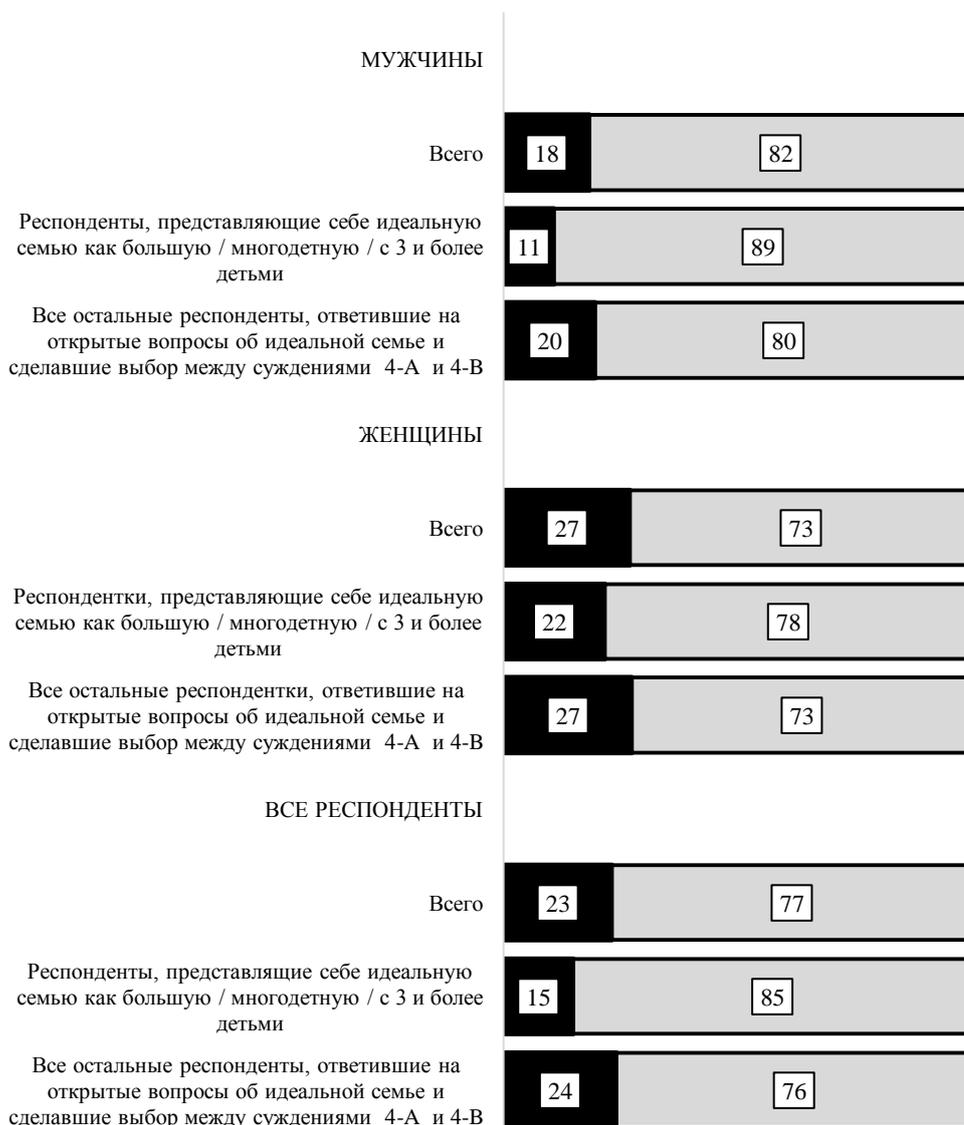
Личная независимость и многодетность

Стремление к личной независимости, нередко перерастающее в эгоизм, способствует не только распаду браков, но и снижению рождаемости. Чем меньше в семье детей, тем меньше надо о них заботиться. Конечно, даже родители, имеющие только одного ребенка, уделяют ему много сил и времени. Но чем старше он становится, тем меньше у них этих забот. А чем больше в семье детей, тем дольше продолжается период, когда их мать фактически прикована к ним, а отец должен много работать, чтобы обеспечивать всю большую семью, поскольку его жена сможет выйти на работу только тогда, когда младший из детей пойдет в детский сад. Да и после этого ее заработки, скорее всего, будут весьма невелики из-за потери квалификации по причине нескольких длительных перерывов в трудовом стаже, а основным кормильцем семьи все равно останется муж. Поэтому многодетными родителями становятся те люди, для которых большая семья с тремя и более детьми представляет более важную ценность, чем личная независимость и возможность «пожить для себя».

При проведении исследования ВЦИОМ «Идеальная семья — 2024» респондентам три раза предлагалось ответить на вопрос: «Поговорим о семье. Как Вы представляете себе идеальную семью? Опишите ее». Готовых вариантов ответа не предлагалось, отвечать надо было в произвольной форме. Девять десятых из опрошенных дали один, два или все три ответа. Для многих респондентов идеальная семья ассоциируется не с ее составом, а с оптимальными для нее материальными и жилищными условиями (*достаток / благосостояние / хороший заработок; собственное жилье / дом / хороший дом*), с благоприятными отношениями между ее членами (*любовь / любят друг друга; взаимоуважение; взаимопонимание / умение слышать друг друга; поддержка / внимание / забота друг о друге; согласие / мир в семье, доверие, счастье / радость / все довольны; дружба / дружная семья; без ссор / без конфликтов / без ругани*).

Однако большинство респондентов все же либо описали состав идеальной семьи (*муж + жена + дети / полноценная семья; дети / есть дети; есть дедушки / бабушки / несколько поколений в семье / родственники* — где есть деды и бабушки, там есть и внуки), либо упомянули правильное воспитание детей и заботу о них в семье (*воспитание детей / хорошо воспитывают детей / забота о детях*). Но, как правило, число детей при этом не указывалось.

Только 9 % из числа ответивших хотя бы один раз на вопрос об идеальной семье отметили, что такая семья должна быть большой, многодетной, не менее чем с тремя детьми (*много детей (3+) / большая семья*). Эти респонденты заметно отличаются от всех остальных по частоте выбора между антисемейным суждением 4-А и просемейным суждением 4-В (рис. 5).

■ 4-А. Та, в которой каждый имеет право поступать так, как он хочет, даже если его интересы идут вразрез с интересами других членов семьи

□ 4-В. Та, в которой интересы семьи в целом важнее частных интересов отдельных ее членов

Рис. 5. Доля считающих, что каждый член идеальной семьи имеет право поступать так, как он хочет, даже если его интересы идут вразрез с интересами других ее членов (4-А), или что он не имеет такого права (4-В), % к числу лиц данного пола, по мнению которых идеальная семья должна быть многодетной, или имеющих иное представление об идеальной семье⁶

⁶ Рассчитано по: Там же.

Среди людей, которые ответили хотя бы на один из трех открытых вопросов об идеальной семье, что эта семья должна быть большой, многодетной, не менее чем с тремя детьми, почти все (85 % от общего числа, 89 % мужчин и 78 % женщин) выбрали просемейное суждение 4-В, согласно которому интересы семьи в целом важнее частных интересов ее отдельных членов. Среди остальных респондентов, ответивших на те же вопросы, этого мнения придерживается значительное, но все же не столь подавляющее большинство (76 % от общего числа, 80 % мужчин и 73 % женщин). Различие в этих показателях между сторонниками многодетности и остальными респондентами составляет 9 % как у всех опрошенных, так и у мужчин. Оба эти различия статистически значимы. Но у женщин различие лишь 5 %, и оно не является значимым.

Различия между эгоистичным поведением мужчин и женщин в семьях

Приоритет интересов семьи в целом означает, что каждый член семьи должен считаться с интересами всех других ее членов. Чем больше рождается детей, тем больше становится семья и тем больше самоограничений появляется у родителей. Люди, которые считают идеальной многодетную семью, соглашаются на самоограничения чаще, чем все остальные респонденты. Но почему у женщин различие между сторонницами многодетности и остальными респондентками меньше, чем у мужчин? И почему женщины, независимо от их отношения к многодетности, чаще, чем мужчины (27 против 18 %), считают, что каждый член идеальной семьи имеет право игнорировать интересы других ее членов?

Есть основания полагать, что мужчины, разделяющие это мнение, в большинстве случаев имеют в виду *игнорирование интересов всех других членов семьи*. Если муж пьянствует, не работает, не заботится о семье или вообще уходит из нее, чтобы вернуть себе прежнюю холостяцкую свободу либо сойтись с другой женщиной, то ему безразлична судьба его жены и детей. Это крайняя форма антисемейного эгоизма.

Эгоизм со стороны женщин в большинстве случаев проявляется в том, что они не считаются с интересами своих супругов. Но если их поведение приводит к распаду семей и идет во вред детям, сами матери, как правило, этого вреда не признают. Такая форма эгоизма не является столь явной и радикальной, как у мужчин. Конечно, любое проявление эгоизма по отношению к другим членам семьи нарушает нормы семейной жизни. Но чем грубее нарушения, тем реже они встречаются.

Некоторые жены не заботятся о своих мужьях, а то и выгоняют их из дома потому, что увлеклись другими мужчинами либо просто разлюбили или никогда не любили своих супругов, даже если те в этом не виноваты. Однако почти все такие женщины убеждены, что *игнорируют только интересы мужей, но не интересы детей*. Даже если нелюбимые мужья, которых жены заставили уйти из семьи, были добрыми и заботливыми отцами, их супруги, как правило, не считают, что отсутствие отцов в семье как-то повредит детям. Такие матери верят, что сами сумеют правильно воспитать и нормально обеспечить детей без отца или привести в семью отчима, который будет для них лучше родного отца. Эти мечты далеко не всегда сбываются. Но лишь очень немногие женщины откровенно пренебрегают интересами своих детей. Среди мужчин безразличие к судьбе детей встречается несравненно чаще.

Конечно, некоторые отцы и после развода часто и регулярно общаются с детьми: берут их к себе домой на выходные, ездят вместе с ними в отпуск, помогают им выполнять школьные домашние задания. Но далеко не все отцы в этом заинтересованы. Многие из них забывают о своих детях от бывших жен. Кроме того, общению отцов с детьми нередко препятствуют матери и отчимы этих детей, а также новые жены самих отцов.

В 2008—2009 гг. И. О. Шевченко провела 47 глубинных интервью с мужчинами на тему их отношений с детьми после развода. Согласно мнению многих респондентов, принимавших участие в этом и других ее исследованиях по данной проблеме, можно оставаться ответственными отцами, заботиться о материальном и моральном благополучии своих детей от бывших жен. Но никто из отцов не считал возможным свое полноценное участие в воспитании этих детей. Один из них сказал: *Для этого нужно находиться рядом с ребенком ежедневно* [Шевченко, 2019: 178, 195—196].

Признавать такую ситуацию нормальной могут только те люди, которые не считают присутствие отцов в семьях необходимым для детей и вообще для благополучной семейной жизни. Это мнение появляется у женщин после разводов, вызванных как объективными, так и субъективными причинами, а также тогда, когда они, будучи беременными, были покинуты своими безответственными партнерами и родили детей вне брака, на который надеялись. Кроме того, из-за невозможности создать семью с такими мужчинами, которых они считают подходящими для себя супругами, некоторые женщины сознательно выбирают путь одинокого материнства, т. е. рожают и воспитывают внебрачных детей «для себя». Даже если отцы этих детей предлагают им зарегистрировать брак, одинокие матери не всегда соглашаются, в том числе и потому, что не желают зависеть от мужа и считаться с его мнением. Многие из таких женщин полагают, что отцы выполняют в семьях только второстепенные роли, без которых можно обойтись.

Найти для детей отчима могут далеко не все одинокие и разведенные матери. Да и не каждый отчим может полноценно заменить родного отца [там же: 203—232]. Если отец пьянствовал, не заботился о детях или вообще бросил семью и забыл о них, а потом появился отчим, который принял на себя все отцовские заботы, то он будет намного лучше этого отца. Таких примеров немало. Но нередко все происходит совсем по другому сценарию: отец был добрым и заботливым, а дети его очень любили, но мать ушла от него только потому, что увлеклась другим мужчиной, который и стал их отчимом. Сможет ли он (даже если захочет) правильно выполнять отцовскую роль, особенно если дети уже не маленькие и поддерживают отношения с родным отцом?

Кроме того, вопреки распространенному мнению повторные законные браки и незарегистрированные супружеские союзы распадаются не реже, чем первые браки и союзы [Население России... , 2015: 76—77]. В повторных для женщин браках нередко появляется дополнительный фактор риска — проблемы в отношениях между отчимом и ребенком его жены от первого брака.

У многих женщин, чья личная и семейная жизнь сложилась не так, как им хотелось, включается психологическая самозащита: если невозможно повлиять на ситуацию, следует пересмотреть свое отношение к ней. Те, кому не удастся найти такого мужа, о котором они мечтали, убеждают себя в том, что можно

неплохо прожить и без мужа, а детей вырастить без отца. Такая житейская логика основана на личном опыте и не имеет ничего общего с наукой [Синельников, 2015: 141]. Сама популярность этой точки зрения — явный симптом кризиса семьи как социального института.

Число семей, состоящих из одиноких или разведенных матерей с детьми, настолько велико, что некоторые социологи, психологи и демографы рассматривают данный тип семьи не как отклонение от социальной нормы, а как один из ее вполне приемлемых вариантов. Но бедных семей тоже очень много, однако лишь крайне циничные люди могут считать массовую бедность нормальным явлением.

Многие люди убеждены, что для ребенка лучше жить только с матерью, чем с обоими родителями, которые не ладят между собой. По мнению сторонников этой точки зрения, отсутствие отцов не оказывает негативного влияния на жизнь детей [Гурко, Орлова, 2011; Чурилова, 2015; Гурко, 2022].

Согласно популярной теории второго демографического перехода, в развитых странах, где этот переход уже состоялся, существует «плюрализм», т. е. многообразие социально приемлемых вариантов устройства личной и семейной жизни, а также различных форм семьи и домохозяйства [Van de Kaa, 1987, 2010]. В условиях этого «плюрализма» преднамеренное отделение супружества от родительства и отцовства от материнства, т. е. добровольная бездетность, предпочтение сожителю, одинокого материнства либо полного одиночества вступлению в зарегистрированный брак и рождению детей от законного супруга, разводы по любым причинам (в том числе и в семьях с детьми), которые инициаторы расторжения брака считают уважительными, рассматриваются не как отклонения от нормы, а как присущая прогрессивному и либеральному обществу реализация права свободной личности на выбор любого жизненного пути.

К сожалению, эта теория в немалой степени основана на реалиях современного мира. Данные исследования ООО «инФОМ», проведенного в рамках заказа ФОМ (проект ФОМ-ОМ) 19—21 июля 2024 г. путем всероссийского поквартирного опроса 1500 респондентов в 104 населенных пунктах на территории 53 субъектов РФ, свидетельствуют: «К людям, которые вообще не хотят иметь детей, с осуждением относятся 25 % опрошенных, без осуждения — 64 % россиян. Среди причин, по которым некоторые люди не хотят иметь детей, респонденты чаще называют нежелание брать на себя ответственность, желание жить только для себя, а также тяжелую жизнь, бедность и материальные проблемы. 50 % россиян полагают, что взрослый человек без детей не может быть по-настоящему счастлив, а 30 % считают, что взрослый человек может быть счастлив, даже не имея детей»⁷. По данным другого опроса, проведенного ФОМ по той же методике в 2022 г., 42 % респондентов (в том числе 37 % мужчин и 46 % женщин) признали весомой причиной для развода «угасшие чувства», а 48 % (42 % мужчин и 52 % женщин) — «новую любовь»⁸.

Некоторые авторы заменяют термин «неполная семья» термином «семья с одним родителем» или «монородительская семья». Семьи без отца они называют материнскими, а семьи без матери — отцовскими [Воронин, Янак, 2018;

⁷ Репродуктивные установки: отношение россиян к повышению возраста рождения первого ребенка и к тем, кто не хочет иметь детей.

⁸ Разводы: «уважительные» и «неуважительные» причины.

Гурко, 2022]. Им приходится объяснять в своих публикациях, что под этими терминами подразумевается, поскольку для обычных людей понятие «материнская семья» ассоциируется только с материнской любовью и необязательно означает, что в этой семье нет отца. Отказ от термина «неполная семья» может мотивироваться желанием избежать ассоциации между неполнотой и неполноценностью. Зачастую к такой подмене понятий прибегают ученые, для которых демократический критерий свободы личности важнее демографического критерия защиты общества от вымирания, вызванного низкой рождаемостью.

Одним из важных факторов массовой однодетности является непрочность браков. По данным исследования «Родители и дети, мужчины и женщины в семье и обществе», проведенного в России в рамках международной программы *Generation and Gender*, у супружеских пар, которые сформировались в 1990—1999 гг., имели хотя бы одного общего ребенка и распались с оформлением развода или без этого до момента опроса, проведенного в 2004, 2007 и 2011 гг., среднее число детей составляло лишь 1,24 [Население России... , 2022: 108]. То есть около 80 % этих распавшихся семей были однодетными. Конечно, отсутствие отцов создает проблемы и в семьях с одним ребенком. Но для семей с несколькими детьми эти проблемы значительно сложнее.

Если женщина, имеющая ребенка, хочет уйти от мужа по объективным или субъективным причинам либо, напротив, опасается, что независимо от ее поведения он может уйти от нее к другой женщине, то она задумывается о том, как жить дальше. Когда у нее один ребенок, она может воспитать и обеспечить его сама или снова выйти замуж. Но с тремя детьми и то и другое будет намного труднее.

Некоторые из авторов, пишущие о «неполных материнских» и «неполных отцовских» семьях, утверждают (и не без оснований), что такие семьи негативно влияют на воспитание и последующую социализацию детей, в частности повышают риск совершения ими правонарушений и преступлений [Ростовская, Натсак, 2024].

Авторы, считающие, что отсутствие отцов не оказывает негативного влияния на жизнь детей, ввели в научный оборот термин «материнская семья», который ассоциируется с материнской любовью, *вместо* устоявшегося термина «неполная семья» именно потому, что последний имеет негативную коннотацию. Ученые, которые ставят *вместе* эти два прилагательных в термине «неполная материнская семья», не обращают внимания на то, что «неполная» — это плохо, а «материнская» — это хорошо. Чтобы уточнить, о каком типе неполной семьи идет речь, надо указать, кого в ней не хватает для полного комплекта родительских ролей, т. е. назвать материнскую семью неполной семьей без отца, а отцовскую — неполной семьей без матери. Тогда все станет на свои места. Все надо называть своими именами.

Мнение о необязательности присутствия отцов в семьях распространено не только среди женщин. Когда жена сгоряча говорит мужу, с которым она поссорилась или даже собирается развестись либо уже развелась, что не нуждается в его помощи и сама может вырастить, обеспечить и воспитать ребенка, то супруг, если он эгоист, может охотно с ней согласиться, чтобы избавиться от отцовских обязанностей и снова стать свободной личностью.

Заключение

Данные исследований ВЦИОМ «Идеальная семья» свидетельствуют о том, что меньшая, но все же весьма значительная часть российского общества придерживается эгоистических, по сути антисемейных, взглядов на семейную жизнь. За 2012—2024 гг. доля считающих, что каждый член идеальной семьи имеет право делать все, что хочет, даже если это противоречит интересам других ее членов, увеличилась с 18 до 24 % среди всех, кто сделал выбор между суждениями 4-А и 4-В, а среди молодежи от 18 до 24 лет — с 21 до 50 %⁹. Но надо выяснить, чем вызывается этот массовый эгоизм и в каких группах населения он больше всего распространен.

К сожалению, не только по опубликованным ВЦИОМ таблицам, но даже и по массиву, т. е. базе микроданных, размещенных на сайте этой организации, невозможно установить, кто чаще соглашается с просемейными или, напротив, с антисемейными суждениями: бездетные либо имеющие то или иное число детей, никогда не состоявшие в браке или сожительствующие либо женатые и замужние (состоящие в законном браке), имеющие опыт развода или не имеющие такого опыта. Кроме того, среди женатых и замужних надо сравнить между собой состоящих в первом и повторном браке, удовлетворенных и неудовлетворенных своим браком, а среди имеющих опыт развода — расторгнувших брак из-за антисемейного поведения супругов и по иным причинам, а также инициаторов развода и его «жертв», покинутых своими мужьями и женами.

Для того чтобы выяснить это, следует включить в анкеты будущих исследований ряд вопросов о семейном положении и брачно-семейной биографии респондентов, об удовлетворенности семейной жизнью, о причинах конфликтов в семье, а если был развод, то о том, кто из бывших супругов на нем настаивал и чем было вызвано это требование. Надо также задавать респондентам вопросы о том, каким, по их мнению, должен быть состав семьи (с указанием идеального и желаемого числа детей), может ли она быть создана только на основе законного брака или также и на основе сожительства либо внебрачного рождения, об обязанностях мужа и жены по материальному обеспечению семьи, ведению домашнего хозяйства, воспитанию детей, уходу и присмотру за ними.

Следует спросить людей и о том, что надо делать, если реальная ситуация в семье резко отличается от той, которую они считают идеальной, какие из этих отклонений они признают уважительными причинами для развода, как следует поступать, если один из супругов игнорирует интересы других членов семьи.

Основная причина демографического кризиса состоит в том, что многие эгоистично настроенные люди желают жить только для себя и поэтому не хотят создавать основанную на прочном законном браке семью с несколькими детьми либо вообще предпочитают сожительство и (или) бездетность или даже полное одиночество. Если они все же создают семью, то она распадается из-за их нежелания считаться с интересами других ее членов.

Эгоизм по-разному проявляется у мужчин и женщин, но любая его форма несовместима с традиционными семейными ценностями. Споры о том, кто больше виновен в разводах — мужчины или женщины, не имеют смысла. Это только настроивает мужчин против женщин, а женщин против мужчин.

---

⁹ Рассчитано по: Идеальная семья — 2024. Разд.: Массив [база микроданных].

Антимужская пропаганда проводилась еще в довоенном СССР. О. А. Хасбулатова и И. Н. Смирнова отмечают: «С помощью печати в массовом сознании формировался отрицательный образ отца как непорядочного человека, пьющего, бьющего жену или бросившего семью, уклоняющегося от уплаты алиментов. На страницах женской печати мужчин представляли злодеями, которым безразлична судьба собственных детей» [Хасбулатова, Смирнова, 2024: 49]. К сожалению, подобные стереотипы до сих пор принимаются на веру какой-то частью российского общества, хотя и не столь большой, как в западных странах, где эти идеи усиленно насаждаются радикальными феминистками, целью которых является не достижение равенства, а разжигание вражды между женщинами и мужчинами.

Типичный сценарий распада брака — это супружеская измена и уход из семьи ради «новой любви». Виновна в этом пара — либо муж и любовница, либо жена и любовник. Неверные мужья и жены проявляют эгоизм по отношению к собственным семьям, а их возлюбленные — к чужим, которые они разрушают, чтобы создать свои семьи.

Введение с 2024/25 учебного года в школах предмета «Семьеведение» может способствовать формированию более ответственного отношения к семейной жизни у поколений, которым еще предстоит создавать и сохранять свои семьи. Если на кино- и телеэкранах будут показывать фильмы не столько о разводах ради новой любви к другому мужчине или другой женщине, сколько о примирении между конфликтующими супругами ради любви к детям, это тоже может повлиять на общественную мораль.

Российское государство постоянно увеличивает льготы и пособия для семей с детьми. Однако снижение рождаемости и кризис социального института семьи вызываются не только экономическими, но и моральными факторами. Для решения этих проблем недостаточно одних лишь мер экономического характера. Необходимо преодолеть массовый эгоизм, который очень опасен для общества, и не только в демографическом отношении. Иначе наша страна не выживет.

Список источников

- Воронин Г. Л., Янак А. Л.* Монородительские семьи: их типы и социальный портрет одинокого родителя // *Женщина в российском обществе*. 2018. № 1. С. 53—66.
- Гурко Т. А.* Динамика показателей развития и благополучия подростков в различных типах семей // *Социологические исследования*. 2022. № 10. С. 107—116.
- Гурко Т. А., Орлова Н. А.* Развитие личности подростков в различных типах семей // *Социологические исследования*. 2011. № 10. С. 99—108.
- Население России 2013: двадцать первый ежегодный демографический доклад / отв. ред. С. В. Захаров. М.: Изд. дом Высш. шк. экономики, 2015. 428 с.
- Население России 2019: двадцать седьмой ежегодный демографический доклад / отв. ред. С. В. Захаров. М.: Изд. дом Высш. шк. экономики, 2022. 344 с.
- Ростовская Т. К., Натсак О. Д.* Неполная семья в контексте современных демографических концепций // *Социальное пространство*. 2024. Т. 10, № 2. URL: <http://socialarea-journal.ru/article/30022> (дата обращения: 02.09.2024).
- Синельников А. Б.* Супружество, отцовство и материнство в российском обществе // *Социологический журнал*. 2015. Т. 21, № 4. С. 132—148.

- Социология семьи: учебник / под ред. А. И. Антонова. М.: ИНФРА-М, 2005. 640 с.
- Хасбулатова О. А., Смирнова И. Н. Семейная политика в СССР (1936—1955): историко-социологический анализ // *Женщина в российском обществе*. 2024. № 2. С. 43—54.
- Чурилова Е. В. Состав и благосостояние неполных семей в России // *Социологические исследования*. 2015. № 3. С. 78—81.
- Шевченко И. О. Отцы и отцовство в современной России: социологический анализ: научная монография. М.: Тривант, 2019. 300 с.
- Fukuyama F. *Trust: the Social Virtues and the Creation of Prosperity*. New York: Free Press, 1995. 457 p.
- Van de Kaa D. J. *Europe's Second Demographic Transition*. Washington: The Population Reference Bureau, 1987. 59 p. (Population Bulletin; vol. 42, № 1).
- Van de Kaa D. J. Demographic transitions // *Encyclopedia of Life Support Systems* / ed. by Y. Zeng. Oxford: Eolss Publishers, 2010. Vol. 1: Demography. P. 65—103.

References

- Antonov, A. I. (ed.) (2005) *Sotsiologiya sem'i: Uchebnik* [Sociology of the family: A textbook], Moscow: INFRA-M.
- Churilova, E. V. (2015) Sostav i blagosostoianie nepolnykh semeĭ v Rossii [Composition and welfare of single-parent families in Russia], *Sotsiologicheskie issledovaniia*, no. 3, pp. 78—81.
- Fukuyama, F. (1995) *Trust: The Social Virtues and the Creation of Prosperity*, New York: Free Press.
- Gurko, T. A. (2022) Dinamika pokazatelei razvitiia i blagopoluchiiia podrostkov v razlichnykh tipakh semeĭ [Dynamics of indicators of development and well-being of adolescents in various types of families], *Sotsiologicheskie issledovaniia*, no. 10, pp. 107—116.
- Gurko, T. A., Orlova, N. A. (2011) Razvitie lichnosti podrostkov v razlichnykh tipakh semeĭ [The development of teenagers personality in different family types], *Sotsiologicheskie issledovaniia*, no. 10, pp. 99—108.
- Khasbulatova, O. A., Smirnova, I. N. (2024) Semeĭnaia politika v SSSR (1936—1955): istoriko-sotsiologicheskiĭ analiz [Family policy in the USSR (1936—1955): a historical and sociological analysis], *Zhenshchina v rossiĭskom obshchestve*, no. 2, pp. 43—54.
- Rostovskaya, T. K., Natsak, O. D. (2024) Nepolnaia sem'ia v kontekste sovremennykh demograficheskikh kontseptsii [Single-parent family in the context of modern demographic concepts], *Sotsial'noe prostranstvo*, vol. 10, no. 2, available from <http://socialarea-journal.ru/article/30022> (accessed 02.09.2024).
- Shevchenko, I. O. (2019) *Ottsy i otsovstvo v sovremennoĭ Rossii: sotsiologicheskiĭ analiz: Nauchnaia monografiia* [Fathers and paternity in modern Russia: a sociological analysis: A monograph], Moscow: Trovant.
- Sinelnikov, A. B. (2015) Supruzhestvo, otsovstvo i materinstvo v rossiĭskom obshchestve [Marriage, fatherhood and motherhood in Russian society], *Sotsiologicheskiĭ zhurnal*, vol. 21, no. 4, pp. 132—148.
- Van de Kaa, D. J. (1987) *Europe's Second Demographic Transition*, Washington: The Population Reference Bureau (Population Bulletin, vol. 42, no. 1).
- Van de Kaa, D. J. (2010) Demographic transitions, in: Zeng, Y. (ed.), *Encyclopedia of Life Support Systems*, vol. 1: Demography, Oxford: Eolss Publishers, pp. 65—103.
- Voronin, G. L., Yanak, A. L. (2018) Monoroditel'skie sem'i: ikh tipy i sotsial'nyi portret odinokogo roditelia [Single-parent families: their types and social portrait of the lone parent], *Zhenshchina v rossiĭskom obshchestve*, no. 1, pp. 53—66.

Zakharov, S. V. (ed.) (2015) *Naselenie Rossii 2013: Dvadsat' pervyĭ ezhegodnyĭ demograficheskiĭ doklad* [Population of Russia 2013: Twenty-first annual demographic report], Moscow: Izdatel'skiĭ dom Vyssheĭ shkoly ėkonomiki.

Zakharov, S. V. (ed.) (2022) *Naselenie Rossii 2019: Dvadsat' sed'moiĭ ezhegodnyĭ demograficheskiĭ doklad* [Population of Russia 2019: Twenty-seventh annual demographic report], Moscow: Izdatel'skiĭ dom Vyssheĭ shkoly ėkonomiki.

Статья поступила в редакцию 12.10.2024; одобрена после рецензирования 25.10.2024; принята к публикации 01.11.2024.

The article was submitted 12.10.2024; approved after reviewing 25.10.2024; accepted for publication 01.11.2024.

Информация об авторе / Information about the author

Синельников Александр Борисович — доктор социологических наук, доцент, профессор кафедры социологии семьи и демографии, Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова, г. Москва, Россия, sinalexander@yandex.ru (Dr. Sc. (Sociology), Associate Professor, Professor at the Department of Sociology of Family and Demography, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation).

Женщина в российском обществе. 2025. № 1. С. 23—33.

Woman in Russian Society. 2025. No. 1. P. 23—33.

Научная статья

УДК 316.356.2-055.52-055.2:004

EDN: <https://elibrary.ru/zekgcj>

DOI: 10.21064/WinRS.2025.1.2

**ВИРТУАЛЬНАЯ ПЕСОЧНИЦА:
ЦИФРОВЫЕ ПРАКТИКИ СОВРЕМЕННЫХ МАТЕРЕЙ**

Анастасия Владимировна Швецова

Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б. Н. Ельцина,
г. Екатеринбург, Россия, shvetsovaav@mail.ru

Аннотация. Современное материнство структурно и содержательно отличается от опыта матерей предшествующих поколений, что во многом обусловлено технологическими решениями, расширяющими границы семейной приватности и позволяющими женщинам балансировать между материнством и профессиональной сферой. Цель статьи — охарактеризовать и аналитически осмыслить значение цифровых площадок и виртуальных практик в жизни современных российских женщин, имеющих детей до 3 лет. Данное возрастное ограничение связано, во-первых, с институциональным закреплением трехлетнего периода как периода приоритета материнских функций над трудовыми, а во-вторых, с фактическим погружением матери в жизнь ребенка, максимальным сосредоточением на заботе и уходе за ним. На материалах авторского исследования (изучение социальных сетей и сообществ, онлайн-опрос, серия глубинных интервью) рассмотрены основные практики молодых российских матерей, реализуемые ими в виртуальной среде: общение, обмен опытом и интеграция в материнское сообщество; поиск информации, товаров и услуг; репрезентация материнства; дистанционная занятость. Показано, что интерпретация значений цифровых материнских практик, определение их потенциала и рисков осложняются нехваткой данных о реальной повседневности российских матерей, а также отсутствием дискурсивной канвы и методологии.

Ключевые слова: материнство, цифровое материнство, родительство, гендерная социология, гендер, цифровизация, современная семья, женские исследования

Благодарности: исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 22-28-00636 «Современные “нематеринские” практики молодых матерей: репертуар, потенциал и общественный риск», <https://rscf.ru/project/22-28-00636/>.

Для цитирования: *Швецова А. В.* Виртуальная песочница: цифровые практики современных матерей // *Женщина в российском обществе. 2025. № 1. С. 23—33.*

Original article

VIRTUAL SANDBOX: DIGITAL PRACTICES OF MODERN MOTHERS

Anastasia V. Shvetsova

Ural Federal University named after the first President of Russia B. N. Yeltsin,
Yekaterinburg, Russian Federation, shvetsovaav@mail.ru

Abstract. Modern motherhood is structurally and meaningfully different from the experience of mothers of previous generations. The main driving forces behind the changes include both socio-political factors (transformation of gender roles, strengthening of women's professional positions and understanding of parental care as a special form of social work) and technological solutions (accessible Internet, personal smartphones, social networks and specialized websites and programs). These socio-political factors and technological solutions expand the boundaries of family privacy and allow women to maintain a balance between motherhood and the professional sphere. The purpose of the article is to characterize and analytically comprehend the significance of digital platforms and virtual practices in the lives of modern Russian women with children under the age of three. This age limit is associated, firstly, with the institutional consolidation of the three-year period as a period of priority of maternal functions over labor, and secondly, with the actual full involvement of mothers in the lives of children and maximum concentration on caring for them. Based on the materials of the author's study (analysis of social networks and communities and conducting an online survey and a series of in-depth interviews), the main practices of young Russian mothers, implemented by them in a virtual environment, are considered: communication and integration into maternal communities; search for information, products and services; representation of motherhood; distance employment and economic activity. The article shows that the interpretation of the meaning of digital maternal practices is complicated by the lack of data on the real everyday life of Russian mothers, as well as the lack of a discursive framework and methodology. This problem also concerns determining the potential and risks of digital maternal practices.

Key words: motherhood, digital motherhood, parenthood, gender sociology, gender, digitalization, modern families, women's studies

Acknowledgments: this work was supported by the Russian Science Foundation under grant № 22-28-00636 "Modern «non-maternal» practices of young mothers: repertoire, potential and social risk", <https://rscf.ru/en/project/22-28-00636/>.

For citation: Shvetsova, A. V. (2025) Virtual'naia pesoch'nitsa: tsifrovye praktiki sovremennykh matereĭ [Virtual sandbox: digital practices of modern mothers], *Zhenshchina v rossiiskom obshchestve*, no. 1, pp. 23—33.

Введение

Материнство является ключевым событием в жизни женщины, но вместе с тем осмысливается как период ресоциализации, слома привычных жизненных установок и адаптации к новому статусу. Наиболее влиятельным концептом в исследованиях его форм выступает на сегодняшний день теория интенсивного материнства — современная культурная модель материнских практик, которая является детоцентристской, опирается на экспертное знание о воспитании

ребенка, требует от матери существенных временных, финансовых и эмоциональных вложений [Здравомыслова, Темкина, 2015]. Это означает, что поведение матери должно укладываться в определенную нормативную рамку, предполагающую активное включение в воспитание ребенка, ориентацию на достижение им различных показателей успешности (когнитивные, образовательные, спортивные, творческие достижения), в определенном смысле отказ от собственных карьерных амбиций или демонстрацию готовности пожертвовать личными достижениями во благо ребенка. Эта модель сосуществует с другой нормативной установкой, такой как достижение женщиной финансовой самостоятельности, активной социальной и профессиональной позиции. Очевидно, что между двумя обозначенными трендами есть некоторое противоречие, задающее в том числе тональность научного дискурса в женских исследованиях (ролевой баланс, конфликт статусов, включенное отцовство и др.). Важно, что основная ответственность за разрешение этого противоречия ложится на женщин, участие мужчин-отцов и государства в данном процессе определяется скорее как желаемое, чем сущностно необходимое. В этих условиях появление и активное внедрение в практики повседневности цифровых технологий рассматривается как альтернативный механизм, позволяющий совмещать интенсивную материнскую заботу и профессиональную занятость. Вне фокуса внимания при этом остаются два значимых вопроса. Во-первых, онлайн-среда представляет собой гораздо более многогранное пространство, чем собственно пространство для дистанционной работы. Виртуальная среда, по сути, является агентом ресоциализации и адаптации женщины к новой роли. В условиях отмены привычного ритма жизни, который для большинства современных женщин включает значительную социальную активность, внесемейное общение и различные формы самореализации, молодые мамы используют Интернет для общения, поиска информации, обмена опытом, в качестве инструмента репрезентации своего материнского статуса, а также в сугубо утилитарных целях — для покупки одежды, продуктов, детских товаров. Мы используем термин «виртуальная песочница», чтобы подчеркнуть перенос базового ресоциализирующего агента — материнского сообщества — в цифровую среду. Во-вторых, возникает вопрос о потенциальной рискогенности виртуальных практик. Помимо широких возможностей, цифровой мир содержит и серьезные потенциальные риски, которые распространяются в том числе и на молодых матерей. Далее мы проанализируем актуальные исследования в области цифровизации материнства, а также рассмотрим основные сферы использования Интернета в жизни российских матерей, обосновывающие наше предположение о возникновении нового феномена — виртуальных материнских практик.

Обзор актуальных исследований цифровизации материнства

Цифровое родительство является потенциально перспективной исследовательской областью, которая в данный момент переживает период своего становления. В ряде работ оно рассматривается как включение цифровых технологий в практики воспитания, использование цифровых устройств во взаимодействии родителей с детьми и уходе за ними (см., напр.: [Лактюхина, 2020]). С другой стороны, цифровое родительство может быть понято как трансформация повседневности

родителей (в первую очередь матерей), когда технологии оказывают воздействие не на уход за ребенком, а на мать как субъект социальных отношений. В этом плане интересующие нас исследования носят мозаичный характер, оптика только настраивается, однако уже сейчас можно говорить о многообразии методических приемов в изучении этих процессов. Здесь интересен лингводискурсивный анализ социальных сетей, представленный в работах политолога А. Гнедаш. Она рассматривает Интернет как платформу консолидации для женских движений, способную конвертировать политический капитал из онлайн-пространства в офлайн-деятельность [Гнедаш, 2022]. Автор приходит к выводу, что социальные медиа являются площадкой для трансляции опыта женщин, который игнорируют традиционные СМИ, и способны пробивать классическую политическую повестку. Среди приведенных примеров стоит выделить борьбу за репродуктивные права женщин, ставшую ключевым мотивом четвертой волны феминизма. Социальный запрос на осмысление права матери на субъектность отчетливо сформулирован в социальных сетях и может рассматриваться как необходимый для стабилизации демографической ситуации элемент политической повестки.

Одним из наиболее экономически значимых направлений изучения цифрового материнства выступает исследование дистанционной занятости. Очевидно, что декретный отпуск сопряжен с потерей финансовой самостоятельности для женщин. Популярным механизмом решения этой проблемы является переход на цифровую занятость, что стало объектом научной рефлексии коллектива под руководством социолога Н. Тонких [Тонких и др., 2019]. В соответствии с данными комплексного исследования представлены оценки степени распространения и эффективности применения дистанционных форм занятости для женщин. Стоит отметить также, что ученые обнаружили положительную корреляцию дистанционной работы и субъективного благополучия матерей, что свидетельствует о трансформации института родительства и репродуктивного поведения в стране.

Другая возможность цифровых площадок — изучение групп, членов которых объединяют схожие жизненные ситуации. Психологи Государственного университета управления провели исследование «соло-мам» (самоназвание одиноких матерей, используемое в качестве хештега или статуса) на основании женских профилей в социальных сетях и анализ причин изменения отношения женщин к образу матери-одиночки [Еремеева, Довжик, 2020]. Основываясь на результатах ассоциативного эксперимента среди молодых незамужних женщин, они пришли к выводу, что появление образа «соло-мамы», который активно используется в цифровой среде, искажает реальное положение неполных семей. Предполагается, что современные представления незамужних женщин поменялись в негативную сторону: мать-одиночка чаще ассоциативно связана с бедностью, депрессивностью, несчастьем, тогда как на предыдущих этапах исследования смысловое ядро составляли представления об уставшей, но сильной духом женщине, испытывающей радость от общения с ребенком. Значительная роль в этом процессе отводится появлению социальных сетей. Стоит отметить, что эти данные согласовываются с мнением о гедонистических установках современной молодежи, в частности о восприятии деторождения как атрибута счастливой жизни [Аношкин, Сычев, 2019].

Вклад в развитие цифрового материнства внесли также А. Швецова, И. Симонова, А. Оболенская, М. Кривошекова, разработав и реализовав исследование аккаунтов молодых матерей в социальных сетях (N = 720) и проанализировав более 20 материнских онлайн-сообществ [Швецова и др., 2022]. В фокусе внимания находились «нематеринские» практики молодых матерей, понимаемые нами как устойчивые виды активностей женщины, реализуемые в широком диапазоне сфер общественной жизни (социальной, экономической, политической, духовной), которые обусловлены и определены комплексной ситуацией ухода за детьми младенческого и раннего возраста и соответствующими изменениями хронотопа матери, ее коммуникативных позиций и экономического положения, но не имеют непосредственного отношения к процедурам заботы о ее ребенке. Основным результатом исследования выступила классификация онлайн-практик молодых матерей, реализуемых в социальных сетях и направленных на получение экономического эффекта. Нужно отметить, что исследования материнской активности в Интернете на сегодняшний день носят фрагментарный характер. Существует необходимость в осмыслении влияния цифровых технологий на ценностные установки и повседневность российских матерей.

Методологическая рамка исследования

Материнство традиционно воспринимается как смыслообразующая категория в жизненном цикле женщины. В большинстве культур рождение ребенка сравнимо с инициацией, поскольку отождествляется с переходом от состояния девичества во взрослую жизнь. Однако, несмотря на незыблемость внешней формы, содержание этого понятия изменчиво. Особенностью актуального трансформационного периода является одновременное воздействие двух факторов: смены гендерных парадигм (что может быть концептуально осмыслено в рамках теории социального конструирования гендера (П. Бергер, Т. Лукман, С. Бем, И. Кон и др.)) и возникновения цифрового общества (логика функционирования цифрового общества опирается на принципы неоинституционального подхода (Д. Норт, Дж. Уоллис, Б. Уэллман и др.), когда изменения социального порядка объясняются «тройной революцией»: появлением Интернета, мобильных коммуникаций и социальных сетей).

Данная статья является частью исследовательского проекта, цель которого — изучение и описание актуальных «нематеринских» практик. На материалах комплексного эмпирического исследования (аккаунты молодых матерей в социальных сетях, N = 720; материнские форумы, N = 22; онлайн-опрос, N = 471; серия глубинных интервью, N = 20) показано, как женщины воспринимают пространственно-временные изменения своей жизнедеятельности в связи с материнством и какую роль при этом играют цифровые технологии. Гипотеза исследования строится на суждении, что значительная часть материнских практик современных женщин опосредована виртуальными технологиями. Это особенно ощутимо в следующих плоскостях: общение и обмен опытом, репрезентация своей материнской роли, приобретение товаров и услуг и дистанционная занятость. В качестве ключевой дефиниции мы используем термин «виртуальная песочница», чтобы подчеркнуть перенос базового ресоциализирующего агента — материнского сообщества — в цифровую среду.

Результаты и обсуждение

Исследуя различные виды активностей молодых матерей более 2 лет, мы пришли к выводу о формировании и активном развитии новых феноменов, структурирующих материнскую повседневность, которые возникли благодаря цифровым технологиям. *Первое*, на что следует обратить внимание, — общение и обмен опытом становятся все более опосредованными Интернетом. Общение с другими матерями играет важную роль в процессе ресоциализации. Значительная часть современных женщин репродуктивного возраста выросли в малодетных семьях, их представления о детях, уходе за ними, родительской повседневности часто складываются из отрывочной информации об опыте знакомых и из создаваемых СМИ образов. Рождение собственного ребенка и проживание первых лет в роли матери часто называют периодом тотального стресса во многом потому, что реальная ситуация резко контрастирует с ожиданием [Микляева, Румянцева, 2018]. Более 35 % женщин, принявших участие в нашем опросе, отметили признаки послеродовой депрессии в период декретного отпуска. Особенно трудно переживается первый декрет, сопровождаемый отсутствием знаний и опыта, неуверенностью в себе и общей дезориентацией.

После рождения первого ребенка первый год была в депрессии, только спустя время это осознала. После второго жизнь особо не поменялась, вела активный образ жизни, успевала работать (онлайн-опрос, пояснение к варианту «другое» при ответе на вопрос «Как бы Вы оценили свое психологическое ощущение в период отпуска по уходу за ребенком?»).

Мама отмечают, что родственники и знакомые, активно интересовавшиеся репродуктивными планами ранее, внезапно меняют тактику поведения и уstraняются от намерений нянчиться с долгожданным наследником. Ощущение одиночества, а также запрос на специфическую информацию (роды и послеродовой период, особенности грудного вскармливания и введения прикорма, грудничковые и детские болезни, специфика развития, выбор средств ухода и др.) становятся факторами поиска единомышленниц и сближения с ними.

Осознание, что скоро такой же малыш появится у меня, пришло с ростом живота. А с осмыслением этого факта в голову закрался страх, который с каждой неделей только усиливался, грозя перерасти в панику... Чтобы не свихнуться окончательно, я начала взахлеб читать статьи и книги по уходу за ребенком: о том, как лучше рожать, чем и когда кормить, как пеленать, сколько спать, сколько гулять и когда, уж простите, какать. Очень скоро мой мозг превратился в месиво из разнообразной и нередко противоречивой информации. Зато ушел страх, видимо, ему просто не хватило места в моей воспаленной и уставшей голове (реплика из материнского форума).

В доцифровой период местом поиска «коллег» по материнству являлась детская песочница, позволяющая установить нужные контакты в максимально непринужденной атмосфере. Возникновение виртуальных сообществ дает возможность значительно расширить границы песочницы, объединяя большое количество женщин со схожей жизненной ситуацией.

В самом начале своего «материнского пути» я много покупала литературы, читала взахлеб, но вскоре поняла, что жить по теории невозможно, нужна в большинстве случаев практика. Для себя я открыла форумы на материнскую тематику. Даже в телефон закачала приложение — чат мам, чтобы всегда быть в курсе событий (реплика из материнского форума).

На сегодняшний день общение и интеграция в материнское сообщество происходят в том числе посредством виртуальной песочницы: на материнских форумах, в чатах, телеграмм-каналах, в сообществах социальных сетей, причем тематические ветки ведут не только молодые мамы, но и беременные, женщины, планирующие беременность, а также те, кто пытается, но не может забеременеть.

Второй аспект, видоизменивший родительские практики, — поиск информации, товаров и услуг в Интернете. Социальное пространство, в первую очередь городская среда, не приспособлено для молодых матерей. Наши респондентки называют доступность общественных мест, парковок, удобство тротуаров и пандусов болевой точкой своего материнского опыта. Усугубляют физический дискомфорт и социально-культурные факторы.

Я вот, например, прихожу в заведение — даже не развлекательное, пенсионный фонд или еще что-то — и я не хочу кормить своего ребенка в общественном туалете. Почему я в таких условиях должна это делать? Берешь стульчик, садишься в уголок, накрываешься шарфиком — и ты все равно всем мешаешь. Нигде я не встретила: ой, конечно, вот у нас комната для кормления, сейчас мы вас проводим. У меня 4 года стаж грудного вскармливания, и мой опыт прямо негативный (из интервью с мамой 2 малышей).

Отсутствие условий для передвижения по городу с коляской сделали мам наиболее активной группой пользователей сервисов по доставке продуктов, торговых интернет-площадок. Интернет-торговля понимается как покупка материальных товаров через Интернет, которая осуществляется как заказ товара через сайт или мобильное приложение с устройства пользователя вне зависимости от способа оплаты и получения заказа. По данным агентства Data Insight¹, за 2022 г. в России было сделано более 2,8 млрд заказов, что говорит о переходе электронной коммерции в область повседневных покупок. Детские товары занимают 3-е место среди категорий, представленных на маркетплейсах (первые две — товары для дома и одежда), что указывает на высокую активность матерей в совершении электронных покупок. Сегмент детских товаров в российской интернет-торговле за 2021 г. вырос на 78 %, вместе с тем специалисты отмечают, что темпы роста в денежном эквиваленте значительно ниже, чем в большинстве других товарных категорий. Средний чек покупки в данном сегменте снизился на 18 %, достигнув отметки в 1070 р.², что, на наш взгляд, свидетельствует о режиме экономии в российских семьях с детьми. Почти 30 % опрошенных нами матерей на предложение «Оцените уровень вашего финансового состояния в период декрета!» выбрали вариант «Было трудно, пришлось затянуть пояса», еще 7,6 % ответили «Было очень трудно, денег сильно не хватало».

¹ Маркетинговое исследование «Интернет-торговля в России 2022». Агентство Data Insight. URL: https://datainsight.ru/eCommerce_2022 (дата обращения: 09.11.2024).

² Маркетинговое исследование «Онлайн-рынок детских товаров 2021». Агентство Data Insight. URL: https://datainsight.ru/Children_goods_2021 (дата обращения: 09.11.2024).

Третье цифровое новшество — репрезентация материнства. Шерентинг (англ. *share* делиться, опубликовать + *parenting* родительство) — публикация в социальных сетях видео- и фотоматериалов своего ребенка. Впервые в научной публикации термин был использован в 2015 г., автор рассуждала о сущности этого явления, которое можно объяснить как «цифровым нарциссизмом», так и желанием поддерживать связь с друзьями и семьей, записывать воспоминания и обращаться за советом и поддержкой [Blum-Ross, 2015]. В своих дальнейших исследованиях А. Блум-Росс переходит к вопросу репрезентации реляционного «я» через цифровые практики, заявляя, что представление своей идентичности как родителя неизбежно делает публичными аспекты жизни детей, создавая риски, вследствие которых они, как это ни парадоксально, несут ответственность за защиту [Blum-Ross, Livingstone, 2017]. Исследователи склонны негативно оценивать шерентинг и его последствия, поскольку распространяемая информация не может быть контролируема, существуют риски неправомерного использования материалов и/или отрицательного влияния на цифровой след ребенка в будущем [Cataldo et al., 2022]. Вместе с тем шерентинг может выполнять функцию основы построения личного или бизнес-бренда. Опыт нескольких успешных мам-блогеров, имеющих миллионы подписчиков и зарабатывающих на рекламе, побуждает женщин пробовать себя в этом качестве. Коммерческий эффект имеют аккаунты с числом подписчиков не менее 10 тыс. человек, поэтому мамы стараются придумать фишки для своего блога, например: беременность и различные практики родовспоможения (партнерские роды, гипнороды), советы по грудному вскармливанию и уходу за малышами, воспитание и развитие, кулинария и рецепты, фитнес для мам, макияж и уход за собой, похудение, отношения в семье, «мамский» юмор, путешествия, экологичный образ жизни [Швецова и др., 2022].

Четвертый аспект — дистанционная занятость, которая является предметом пристального внимания социологов и экономистов ввиду того, что она представляет собой более гибкий механизм совмещения родительских и трудовых сценариев, чем традиционная занятость. Ученые считают, что модель женщины-работницы популярна в России, но при этом сильна и потребность в реализации материнства. При выборе места работы для матерей важны следующие параметры: возможность 1) больше уделять времени детям, их развитию, 2) не тратить время на дорогу, 3) самостоятельно планировать время работы, иметь свободный график [Тонких, 2021]. Однако практика свидетельствует о слабых зонах дистанта, связанных со стиранием границ между работой и личной жизнью, в том числе сложностях в организации рабочего пространства и графика в условиях быта. В рамках глубинных интервью мы также зафиксировали стремление матерей, работающих удаленно, вернуться со временем к очной занятости, поскольку это воспринимается как более полноценный, обогащенный социальными контактами способ трудовой деятельности.

Для меня важно работать в коллективе. Я хочу с утра красиво одеться, сделать прическу. Выпить кофе с коллегами. Участвовать в жизни как-то. А не в тапочках сидеть перед компьютером. На зарплате это не отражается, даже может быть чуть выгоднее, раз на дорогу не трачу, но мне этого не хватает (из интервью с мамой 3 детей, 36 лет).

Стоит отметить, что цифровые технологии в реализации трудовых функций не должны рассматриваться исключительно как привилегия, поскольку

наравне с возможностями они инициируют и многочисленные риски. В частности, экономист Н. Говорова подчеркивает, что цифровое пространство сохраняет и воспроизводит старые модели сегрегации рынка труда и существующие гендерные стереотипы [Говорова, 2021]. Одним из механизмов развития гендерного равноправия в цифровой сфере исследователи считают осуществление государственной политики по смягчению сложившихся в общественном сознании патриархальных стереотипов о роли женщин в обществе и семье [Смирнова, 2018], что, безусловно, относится и к дисбалансу родительского труда.

Заключение

Влияние цифровых технологий на родительские практики остается малоизученным, что в значительной степени осложняет понимание реальных житейских ситуаций современных матерей. Наряду с феноменом дистанционной занятости, исследования которой носят системный характер, можно выделить еще, как минимум, 3 аспекта материнства, в которых произошли существенные трансформации: общение и обмен опытом, приобретение товаров и услуг, репрезентация материнства. На наш взгляд, эти изменения могут быть описаны метафорой «виртуальная песочница», которая позволяет зафиксировать расширение границ приватности через использование цифровых устройств и продемонстрировать новые смыслы и риски, которые несет в себе виртуальное пространство. Интернет, как любой инструмент, может быть использован как во благо, так и во вред. Мы наблюдаем, как технологии позволяют гибко подходить к вопросам профессиональной занятости, удобно совершать покупки, обмениваться опытом с сотнями людей, рассказывать о своих детях и хвалиться их достижениями (что, по некоторым данным, представляет собой древнейший вид материнских практик [Linney et al., 2017]). Вместе с тем наблюдается эффект «избыточного оптимизма»: упускается из виду гендерный дисбаланс в условиях и оплате дистанционного труда, режим вынужденной экономии в период декрета, непропорциональное распределение домашних и воспитательных функций, ведущее к стрессу и послеродовой депрессии (когда единственным доступным confidentом становятся онлайн-подруги — матери в схожих жизненных ситуациях), а также причины и механизмы формирования потребности в демонстрации соответствия своего материнства нормативным представлениям. Фрагментарность данных о цифровых практиках современных матерей в совокупности с глубиной порождаемых ими изменений формируют запрос на дальнейшие исследования виртуальной песочницы как особого пространства пребывания и взаимодействия молодых матерей.

Список источников

- Аношкин И. В., Сычев О. А.* Связь семейных ценностей молодежи с гедонизмом и эвдемонией // *Образование и наука*. 2019. Т. 21, № 8. С. 90—111.
- Гнедаш А. А.* Четвертая волна феминизма: политический дискурс и лидеры мнений в социальной сети Твиттер // *Вестник Российского университета дружбы народов*. Сер.: Политология. 2022. Т. 24, № 1. С. 64—89.
- Говорова Н. В.* Женщины в цифровой экономике Европейского союза // *Женщина в российском обществе*. 2021. № 2. С. 161—173.

- Еремеева А. И., Довжик Г. В. Трансформация структуры социальных представлений незамужних женщин об одиноком материнстве посредством цифровых технологий // *Цифровая социология*. 2020. Т. 3, № 3. С. 29—34.
- Здравомыслова Е. А., Темкина А. А. 12 лекций по гендерной социологии: учебное пособие. СПб.: Изд-во Европ. ун-та в Санкт-Петербурге, 2015. 768 с.
- Лактюхина Е. Г. Дигитализация интимности: поиск оптики для цифрового родительства // *Laboratorium: журнал социальных исследований*. 2020. № 3. С. 178—195.
- Микляева А. В., Румянцева П. В. «#Онажемать»: имплицитные социальные представления о материнстве в современном российском интернет-дискурсе // *Женщина в российском обществе*. 2018. № 1. С. 67—77.
- Смирнова И. Н. Гендерное измерение цифровой экономики: от стратегии к действию (2018—2030) // *Женщина в российском обществе*. 2018. № 3. С. 116—120.
- Тонких Н. В., Антонов Д. А., Агафонов В. Г., Камарова Т. А., Коропец О. А., Мельникова А. С., Пеша А. В., Чудиновских М. В. Дистанционная женская занятость в контексте института родительства. Екатеринбург: Урал. гос. экон. ун-т, 2019. 310 с.
- Тонких Н. В. Дистанционная занятость и родительство: мнения женщин // *Народонаселение*. 2021. Т. 24, № 3. С. 92—104.
- Швецова А. В., Симонова И. А., Оболенская А. Г., Кривоцекова М. С. Онлайн-практики экономического поведения российских женщин в период декретного отпуска // *Экономическая социология*. 2022. Т. 23, № 4. С. 12—36.
- Blum-Ross A. «Sharenting»: parent bloggers and managing children’s digital footprints. Parenting for a digital future. The London School of Economics and Political Science (UK), 2015. URL: <https://blogs.lse.ac.uk/parenting4digitalfuture/2015/06/17/managing-your-childs-digital-footprint-and-or-parent-bloggers-ahead-of-brit-mums-on-the-20th-of-june/> (дата обращения: 12.11.2024).
- Blum-Ross A., Livingstone S. «Sharenting», parent blogging, and the boundaries of the digital self // *Popular Communication*. 2017. Vol. 15. P. 110—125.
- Cataldo I., Lieu A. A., Carollo A., Bornstein M. H., Gabrieli G., Lee A., Esposito G. From the cradle to the web: the growth of «sharenting». A scientometric perspective // *Human Behavior and Emerging Technologies*. 2022. Vol. 2. P. 1—12.
- Linney C., Korologou-Linden L., Campbell A. Maternal competition in women // *Human Nature*. 2017. Vol. 28. P. 92—116.

References

- Anoshkin, I. V., Sychev, O. A. (2019) Sviaz’ semeĭnykh tsennoŝteĭ molodĕzhi s gedonizmom i ěvdemonieĭ [The relationship of youth family values with hedonism and eudemonia], *Obrazovanie i nauka*, vol. 21, no. 8, pp. 90—111.
- Blum-Ross, A. (2015) “Sharenting”: parent bloggers and managing children’s digital footprints. Parenting for a digital future. The London School of Economics and Political Science (UK), available from <https://blogs.lse.ac.uk/parenting4digitalfuture/2015/06/17/managing-your-childs-digital-footprint-and-or-parent-bloggers-ahead-of-brit-mums-on-the-20th-of-june/> (accessed 12.11.2024).
- Blum-Ross, A., Livingstone, S. (2017) “Sharenting”, parent blogging, and the boundaries of the digital self, *Popular Communication*, vol. 15, pp. 110—125.
- Cataldo, I., Lieu, A. A., Carollo, A., Bornstein, M. H., Gabrieli, G., Lee, A., Esposito, G. (2022) From the cradle to the web: the growth of “sharenting”. A scientometric perspective, *Human Behavior and Emerging Technologies*, vol. 2, pp. 1—12.
- Eremeeva, A. I., Dovzhik, G. V. (2020) Transformatsiia struktury sotsial’nykh predstavleniĭ nezamuzhnykh zhenshchin ob odinokom materinstve posredstvom tsifrovyykh tekhnologiiĭ [Transforming the structure of unmarried women’s social perceptions

- of single motherhood through digital technologies], *Tsifrovaia sotsiologiya*, vol. 3, no. 3, pp. 29—34.
- Gnedash, A. A. (2022) Chetvërtaia volna feminizma: politicheskiĭ diskurs i lidery mneniĭ v sotsial'noi seti Twitter [The fourth wave of feminism: political discourse and opinion leaders in Twitter], *Vestnik Rossiĭskogo universiteta družby narodov*, seriia Politologiya, vol. 24, no. 1, pp. 64—89.
- Govorova, N. V. (2021) Zhenshchiny v tsifrovoi ekonomike Evropeĭskogo soiuza [Women in the European digital economy], *Zhenshchina v rossiĭskom obshchestve*, no. 2, pp. 161—173.
- Laktyukhina, E. G. (2020) Digitalizatsiia intimnosti: poisk optiki dlia tsifrovogo roditel'stva [Digitalization of intimacy: search for optics for digital parenting], *Laboratorium: zhurnal sotsial'nykh issledovaniĭ*, no. 3, pp. 178—195.
- Linney, C., Korologou-Linden, L., Campbell, A. (2017) Maternal competition in women, *Human Nature*, vol. 28, pp. 92—116.
- Miklyeva, A. V., Romyantseva, P. V. (2018) “#Onazhemat’”: implitsitnye sotsial'nye predstavleniia o materinstve v sovremennom rossiĭskom internet-diskurse [“#Sheisamother”: implicit social beliefs about motherhood in the modern Russian internet discourse], *Zhenshchina v rossiĭskom obshchestve*, no. 1, pp. 67—77.
- Shvetsova, A. V., Simonova, I. A., Obolenskaya, A. G., Krivoshchekova, M. S. (2022) Onlain-praktiki ekonomicheskogo povedeniia rossiĭskikh zhenshchin v period dekret'nogo otpuska [Online practices of economic behavior of Russian women during maternity leave], *Ėkonomicheskaiia sotsiologiya*, vol. 23, no. 4, pp. 12—36.
- Smirnova, I. N. (2018) Gendernoe izmerenie tsifrovoi ekonomiki: ot strategii k deĭstviuu (2018—2030) [Gender dimension of digital economics: from strategy to action (2018—2030)], *Zhenshchina v rossiĭskom obshchestve*, no. 3, pp. 116—120.
- Tonkikh, N. V. (2021) Distantcionnaia zaniatost' i roditel'stvo: mneniia zhenshchin [Distance employment and parenthood: women's opinions], *Narodonaselenie*, vol. 24, no. 3, pp. 92—104.
- Tonkikh, N. V., Antonov, D. A., Agafonov, V. G., Kamarova, T. A., Koropets, O. A., Mel'nikova, A. S., Peshka, A. V., Chudinovskikh, M. V. (2019) *Distantcionnaia zhenskaia zaniatost' v kontekste instituta roditel'stva* [Remote employment of women in the context of the institution of parenthood], Yekaterinburg: Ural'skiĭ gosudarstvennyi ekonomicheskii universitet.
- Zdravomyslova, E. A., Tyomkina, A. A. (2015) *12 leksiĭ po gendernoĭ sotsiologii: Uchebnoe posobie* [12 lectures on gender sociology: A training manual], St. Petersburg: Izdatel'stvo Evropeĭskogo universiteta v Sankt-Peterburge.

Статья поступила в редакцию 15.11.2024; одобрена после рецензирования 29.11.2024; принята к публикации 06.12.2024.

The article was submitted 15.11.2024; approved after reviewing 29.11.2024; accepted for publication 06.12.2024.

Информация об авторе / Information about the author

Швецова Анастасия Владимировна — кандидат социологических наук, старший научный сотрудник, Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б. Н. Ельцина, г. Екатеринбург, Россия, shvetsovaav@mail.ru (Cand. Sc. (Sociology), Senior Researcher, Ural Federal University named after the first President of Russia B. N. Yeltsin, Yekaterinburg, Russian Federation).

Женщина в российском обществе. 2025. № 1. С. 34—48.

Woman in Russian Society. 2025. No. 1. P. 34—48.

Научная статья

УДК 001-055.2

EDN: <https://elibrary.ru/whshxx>

DOI: 10.21064/WinRS.2025.1.3

**РОЛЬ ЖЕНЩИН В РОССИЙСКОЙ НАУКЕ:
ТРАДИЦИОННЫЕ И НОВЫЕ МЕТОДЫ ИЗМЕРЕНИЯ**

Софья Михайловна Ребрей

Московский государственный институт международных отношений (университет),
Министерство иностранных дел РФ, г. Москва, Россия, s.rebrei@inno.mgimo.ru

Аннотация. Традиционно экономические исследования направлены на измерение участия женщин в науке, основываясь на таких показателях, как доля женщин, занятых в вузах, доля женщин-исследователей, доля женщин — кандидатов и докторов наук и др. Однако эти индикаторы никак не помогают оценить вклад женщин в науку. Настоящее исследование посвящено развитию нового подхода к измерению участия женщин в науке через измерение их вклада на основе наукометрических индикаторов, предоставленных российской научной электронной библиотекой elibrary.ru. На примере экономических наук рассматривается публикационная активность и цитируемость авторов в зависимости от пола, ученого звания и вуза, где они работают. В результате доказано, что авторы женского пола отличаются более высокой публикационной активностью, но более низкой цитируемостью в журналах, входящих в ядро РИНЦ.

Ключевые слова: женщины в науке, библиометрический анализ, РИНЦ

Для цитирования: Ребрей С. М. Роль женщин в российской науке: традиционные и новые методы измерения // *Женщина в российском обществе. 2025. № 1. С. 34—48.*

Original article

THE ROLE OF WOMEN IN RUSSIAN SCIENCE: TRADITIONAL AND NEW METHODS OF MEASUREMENT

Sofia M. Rebrey

Moscow State Institute of International Relations (University), Ministry of Foreign Affairs of Russian Federation, Moscow, Russian Federation, s.rebrei@inno.mgimo.ru

Abstract. Traditionally, economic studies are aimed at measuring the participation of women in science, based on such indicators as the share of women employed in universities, the share of women researchers, the share of women candidates and doctors of science, etc. However, these indicators do not help in any way to analyze the contribution of women to science. This study is devoted to the development of a new approach to measuring women's participation in science by measuring their contribution based on scientometric indicators provided by the Russian scientific electronic library elibrary.ru. Using the example of economic sciences, the author examines the publication activity and citation rate of authors, depending on gender, academic title and the university where they work. As a result, the article proves that women authors have higher publication activity, but lower citation rates in journals included in the core of the Russian Science Citation Index (RSCI).

Key words: women in science, bibliometric analysis, Russian Science Citation Index (RSCI)

For citation: Rebrey, S. M. (2025) Rol' zhenshchin v rossiiskoi nauke: traditsionnye i novye metody izmereniia [The role of women in Russian science: traditional and new methods of measurement], *Zhenshchina v rossiiskom obshchestve*, no. 1, pp. 34—48.

Знания — это основной фактор экономического развития в современном мире. Наука — институт производства знаний. Толковый словарь С. И. Ожегова определяет науку как «систему знаний о закономерностях развития природы, общества и мышления»¹. Изучая общество, историю, экономику, философию, гуманитарная наука создает фундамент для формирования общественных норм и социально-экономической политики. Ученые стремятся к объективизации знаний, но способность объективного мышления ограничивается субъективным опытом исследователя. В точных науках и вовсе доказан «эффект наблюдателя»: простое наблюдение явления неизбежно изменяет его. От того, *кто* занимается исследованием, *напрямую зависят результаты* этого исследования. Таким образом, объективизация знаний вряд ли достижима, что подтверждается и множеством противоборствующих научных школ, крушением одних теорий и созданием новых. Наука является социальным институтом, а производители знаний — это люди, подверженные влиянию стереотипов, общественной иерархии, симпатиям и антипатиям [May, 2008].

---

¹ Толковый словарь Ожегова. URL: <https://slovarozhegova.ru/word.php?wordid=16161> (дата обращения: 03.12.2024).

Традиционно женщины почти не участвовали в производстве знаний, что объясняется, как правило, труднодоступностью женского образования, тем не менее их вклад обычно преуменьшается: развитие женских исследований в истории и истории наук открывает множество забытых женских имен [Madden et al., 2004].

Согласно данным ЮНЕСКО, доля женщин в мировой науке составляет 30 %². Рост количества женщин в науке свидетельствует о расширении их возможностей, а также о более эффективной работе научных институтов, которые начинают руководствоваться талантами, а не полом исследователя [Ребрей, 2024]. Более того, феминизация науки способствует объективизации знаний, потому что позволяет включить не только мужскую, но и женскую перспективу.

Однако рост количества женщин в науке часто объясняется тем, что женщины составляют больше половины исследователей в странах, где работа в науке не престижная и низкооплачиваемая (как, например, в Мьянме, Венесуэле, Тринидаде и Тобаго или в России 90-х гг.). Более того, даже став большинством, женщины в науке чаще сохраняют вторичные роли в производстве знаний, будучи задействованными преимущественно в административной и педагогической сферах [Пушкарева, 2010]. В результате измерение женского участия в науке и женского вклада в производство знаний остается актуальной методологической задачей.

Традиционные методы измерения роли женщин в науке

Женщины выступают основными потребителями образовательных услуг высшей школы. По данным Всероссийской переписи населения 2020 г., среди имеющих высшее образование 59 % женщин³. Преобладание женщин среди студентов высшей школы распространяется и на городское, и на сельское население, и на бакалавриат, специалитет, магистратуру. Кроме того, по мере повышения уровня образования, обратный разрыв между женщинами и мужчинами снижается: на уровне специалитета женщин на 20 % больше, чем мужчин, среди городского населения и на 31 % больше среди сельского, тогда как для магистров это соотношение составляет соответственно 10 и 14 %⁴.

---

² Share of women among total researchers by country, 1996—2018 (%). URL: https://www.unesco.org/reports/science/2021/en/dataviz/share-women-researchers-radial?TSPD_101_R0=080713870fab20006bcdac2162bc31b5c998bc95f57af0bb7d46902e3b6a04c0c66941fc7c4082a5089dfe1f9c1430009f04b16e80469a9165ee323d75447ee212349243baebbb165252fcf8c19abcd2b47c5ae06ee6574b4ad12cd7c150d045#:~:text=Globally%20%20women%20make%20up%2033.3,covering%20the%20years%202015—2018 (дата обращения: 03.12.2024).

³ Женщины и мужчины России, 2022: стат. сб. / Росстат. М., 2022. 208 с. URL: <https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/Wom-Man%202022.pdf> (дата обращения: 04.12.2024).

⁴ Там же.

По данным Минобрнауки России, по состоянию на 2021/22 учебный год женщины составляли 52 % среди студентов бакалавриата, специалитета и магистратуры, однако на уровне аспирантуры их доля резко падает и они составляют меньшинство — 44 %. Тем не менее среди выпускников аспирантуры доля женщин снова возрастает и составляет 47 %. Среди выпускников докторантуры доля женщин значительно меньше — 39 %.

Рост доли мужчин в магистратуре и аспирантуре может быть связан с особенностями функционирования военной кафедры: чтобы пройти по ней обучение, необходимо поступить в магистратуру, аспирантура же дает возможность получить отсрочку от исполнения воинской повинности. Эту гипотезу подтверждает возрастная структура российских аспирантов: более половины аспирантов мужского пола (57 %) младше 26 лет (включительно), тогда как у женщин распределение по возрастам более равномерное, а на младшую возрастную группу (до 26 лет) приходится 40 % аспиранток.

Традиционно участие женщин в науке измеряется через подсчет доли научных сотрудниц (рис. 1), кандидатов и докторов наук (рис. 2).

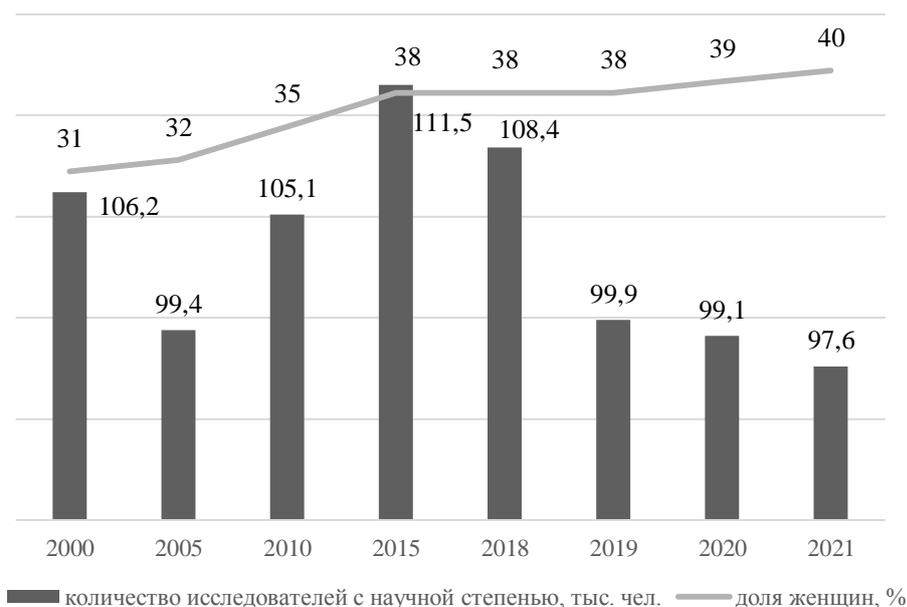

Рис. 1. Число и доля женщин-исследователей с научной степенью в России в 2000—2019 гг., тыс. чел., %
(сост. по: Женщины и мужчины России, 2022: стат. сб. / Росстат. М., 2022. 208 с.
URL: [https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/Wom-Man %202022.pdf](https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/Wom-Man%202022.pdf)
(дата обращения: 04.12.2024))

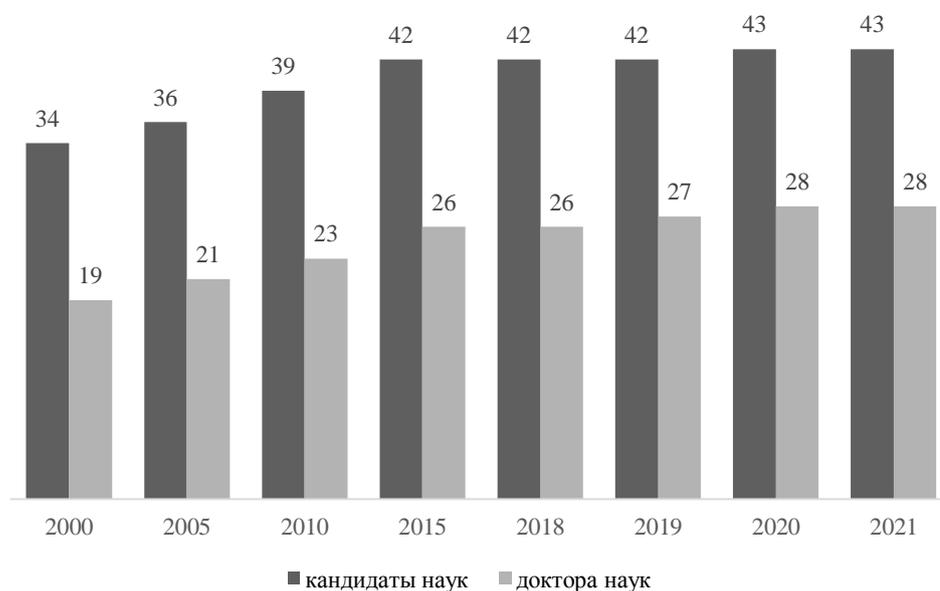

Рис. 2. Доля женщин среди кандидатов и докторов наук, 2000—2021 гг., %
(сост. по: Женщины и мужчины России, 2022: стат. сб. / Росстат. М., 2022. 208 с.
URL: [https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/Wom-Man %202022.pdf](https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/Wom-Man%202022.pdf)
(дата обращения: 04.12.2024))

Женщины составляют 40 % исследователей с научной степенью в России. Кроме того, несмотря на постепенное сокращение числа ученых с 2015 г., доля женщин, напротив, растет (на 2 п. п. с 2015 по 2021 г.). Среди кандидатов и докторов наук доля женщин составила соответственно 43 и 28 % в 2021 г., и оба показателя демонстрируют положительную динамику. За 21 год доля и кандидатов, и докторов женского пола возросла на 9 п. п. Это означает, что российская наука постепенно феминизируется.

Что касается самых распространенных научных специальностей исследовательниц, если судить по выпускницам аспирантуры за 2022 г. (табл. 1), самыми популярными у женщин направлениями являются (в порядке убывания) экономика и управление, языкознание и литературоведение, образование и педагогические науки, клиническая медицина, биологические науки, информатика и вычислительная техника. Очевидно, что, помимо традиционных для женщин образования (педагогических наук) и здравоохранения (клиническая медицина), среди самых популярных у женщин-аспиранток направлений оказались STEM-науки — биология, информатика и вычислительная техника.

За 10 лет направления обучения женщин в аспирантуре претерпели ряд изменений. Так, в 2013 г. большинство женщин обучались на технических направлениях (15,2 %), а экономические науки занимали второе место (14,9 %). Замыкали рейтинг традиционные женские направления — медицинские науки

(12 %) и педагогические (8,8 %). В 1999 г. тройку лидеров составляли экономические (16,3 %), технические (12,7 %) и филологические (10 %) науки.

Тем не менее, несмотря на популярность экономики у женщин, нельзя сказать, что это направление популярно только у женщин. В 2022 г. женщины составили 43 % среди выпускников аспирантуры по экономическим наукам, в 1999 г. — 49 %.

Структура докторантов на 2022 г. (табл. 2) подтверждает, что экономические науки — самое востребованное у женщин направление: 100 % докторантов были женского пола и составляли 16 % среди всех женщин-докторантов. На втором месте — не самое «женское» направление наук — физико-химическая биология (также направление STEM). В 1999 г. женщины составляли 36 % среди докторантов; основными направлениями их специализации выступали филологические (16,7 %), экономические (12,7 %), технические и педагогические (по 12,6 %) науки.

Таблица 1

Выпускники аспирантуры очной формы обучения вузов России, 2022 г.

Направления обучения	Доля женщин, %	Распределение женщин, %
<i>Всего 9137 чел., из них женщины 3901 чел.</i>	43	100
Экономика и управление	43	8
Языкознание и литературоведение	74	8
Образование и педагогические науки	69	7
Клиническая медицина	51	7
Биологические науки	58	6
Информатика и вычислительная техника	25	5
Науки о земле	50	4
Химия	49	4
Юриспруденция	35	4
Физика и астрономия	28	4
Сельское, лесное и рыбное хозяйство	38	3
Искусствоведение	60	3
Ветеринария и зоотехния	62	3
История и археология	37	2
Психологические науки	67	2
Математика и механика	31	2
Философия, этика и религиоведение	48	2
Машиностроение	25	2
Техника и технологии строительства	32	2
Химические технологии	39	2
Фундаментальная медицина	63	2
Прочие научные специальности	36	19

Примечание. Составлено по данным Министерства образования и науки РФ.

Таблица 2

Доля и распределение женщин среди докторантов в 2022 г.

Направление обучения	Доля, %	Распределение, %
Всего 44 чел., из них женщин 19 чел.	43	100
Экономика	100	16
Физико-химическая биология	67	11
Общая биология	100	11
История и археология	67	11
Клиническая медицина	33	11
Политология	50	11
Науки о Земле	100	11
Механика	100	5
Литературоведение	100	5
Языкознание	100	5
Искусствоведение	100	5

Примечание. Составлено по данным Министерства образования и науки РФ.

Другим доступным показателем изменения участия женщин в науке выступает их занятость в высшей школе (рис. 3), где они составляют большинство — 63 %. Более подробная структура персонала высшей школы свидетельствует, что женщины преимущественно заняты работой педагогической (38 %), административной (16 %), учебно-вспомогательной (18 %) и обслуживающей (13 %), нежели научной. Научные работницы составляют всего 2 % женского персонала вузов, тогда как у мужчин аналогичный показатель больше в 2,5 раза. Единственные две сферы, где доминируют мужчины, — это научная и инженерно-техническая деятельность.

Рис. 3. Количество персонала женского и мужского пола государственных, муниципальных и негосударственных вузов России, 2023 г., чел. (составлено по данным Министерства образования и науки РФ)

Что касается руководства высшей школой, общая статистика свидетельствует о преобладании женщин, однако более детальные данные по основным руководящим позициям, включая ректоров, президентов, проректоров и директоров филиалов, демонстрируют, что женщины составляют меньшинство по всем пунктам, кроме директоров филиалов негосударственных вузов (58 %). Кроме того, вышеперечисленные должности занимают всего 7,6 % женщин, занятых в руководстве. Очевидно, женщины в руководстве выполняют скорее административную и вспомогательную функции, нежели непосредственно управленческую. На позициях ректоров и президентов женщины встречаются совсем нечасто: 22 % ректоров в государственных вузах и 36 % в негосударственных, на позициях президента высшей школы еще меньше — 10 и 32 % соответственно. На вторичных управляющих позициях женщины встречаются чаще — более трети в государственных вузах и почти половина в негосударственных среди проректоров. Более широкая представленность женщин в негосударственных вузах России, скорее всего, связана с меньшим престижем таких учебных заведений и, как следствие, с меньшим окладом.

В целом, если сравнить участие женщин в руководстве высшей школы на высшем уровне (ректоры и президенты), российский уровень в 25,2 % совсем немного уступает среднему по ЕС — 27,9 % (рис. 4, 5).

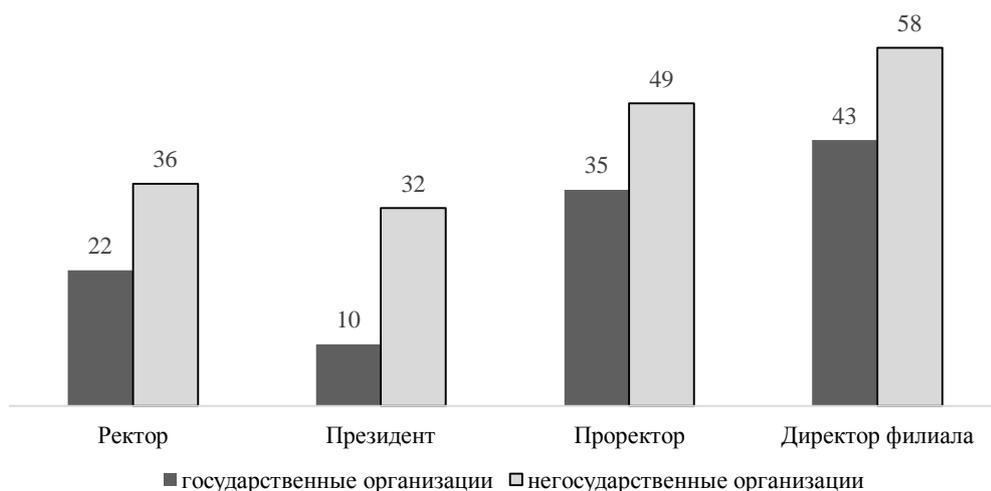

Рис. 4. Доля женщин в руководстве высшей школы, %
(составлено по данным формы № ВПО-1 «Сведения об организации, осуществляющей образовательную деятельность по образовательным программам высшего образования — программам бакалавриата, программам специалитета, программам магистратуры» Министерства образования и науки РФ, 2023 г.)

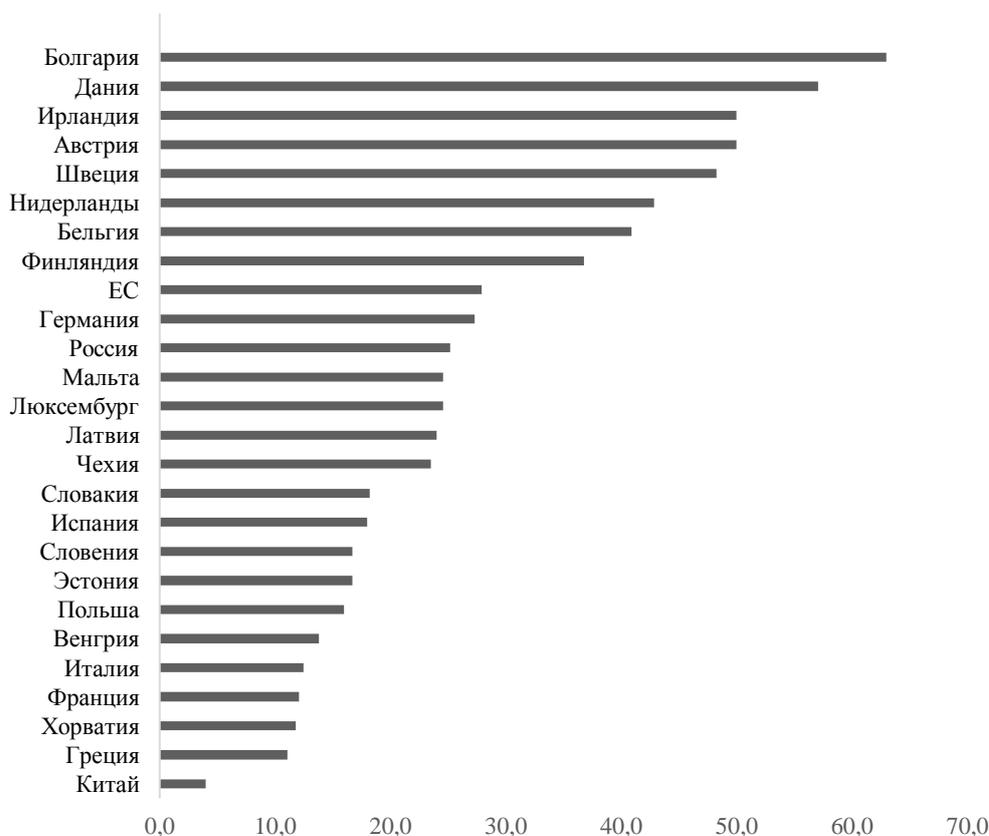

Рис. 5. Доля женщин среди ректоров и президентов высшей школы, %
(составлено по данным Евростата, Министерства образования и науки РФ,
Национальной статистической службы КНР, 2023 г.)

Даже составляя большинство в высшей школе, женщины сохраняют вторичные роли в производстве знаний, будучи преимущественно задействованными в административной и педагогической сферах. В результате измерение женского участия в науке и женского вклада в производство знаний остается актуальной методологической задачей.

Новые методы измерения участия женщин в науке — наукометрия

Настоящее исследование предлагает новый подход к измерению участия женщин и женских возможностей в науке на примере экономических наук. В основе анализа лежат уникальные библиометрические данные, собранные российской электронной научной библиотекой eLibrary по экономическим наукам.

Elibrary — это крупнейшая в России электронная библиотека научных публикаций, созданная в 1999 г. по инициативе Российского фонда фундаментальных исследований сначала для обеспечения российским ученым электронного доступа к ведущим иностранным научным изданиям, а с 2005 г. и к русскоязычным публикациям. В базе данных научной библиотеки содержатся

рефераты и полные тексты более 38 млн научных публикаций и патентов, в том числе электронные версии более 5600 российских научно-технических журналов. Общее число зарегистрированных институциональных пользователей (организаций) — более 2800. В системе зарегистрированы 1,7 млн индивидуальных пользователей из 125 стран мира. Ежегодно читатели получают из библиотеки более 12 млн полнотекстовых статей и просматривают более 90 млн аннотаций.

С 2005 г. библиотека по заказу Министерства образования и науки РФ занимается развитием наукометрических показателей. Российский индекс научного цитирования (РИНЦ) — это национальная информационно-аналитическая система, аккумулирующая более 11 млн публикаций российских авторов, а также информацию о цитировании этих публикаций из более 6000 российских журналов. РИНЦ позволяет на основе объективных данных оценивать результативность исследовательской работы и детально проанализировать статистику публикационной активности более 800 тыс. российских ученых и 12 тыс. научных организаций, относящихся ко всем отраслям знаний. Хронологический охват системы — с 2005 г. по настоящий день, по многим источникам глубина архивов больше. Ежегодно в РИНЦ добавляется более 1,5 млн публикаций российских ученых. В основе системы лежит библиографическая реферативная база данных, в которой индексируются статьи в российских научных журналах. В последние годы в РИНЦ стали включаться и другие типы научных публикаций: доклады на конференциях, монографии, учебные пособия, патенты, диссертации. База содержит сведения о выходных данных, авторах публикаций, местах их работы, ключевых словах и предметных областях, а также аннотации и пристатейные списки литературы. Интеграция РИНЦ с научной электронной библиотекой позволяет в большинстве случаев ознакомиться и с полным текстом оцениваемой публикации.

РИНЦ рассчитывает индекс цитируемости авторов, так называемый индекс Хирша, который основан на количестве публикаций и количестве цитирований этих публикаций. Например, если индекс Хирша составляет 12, это означает, что 12 статей автора процитированы 12 и более раз.

Кроме того, РИНЦ делит публикации, цитирования и индекс Хирша на три категории: все публикации elibrary, публикации РИНЦ и публикации, входящие в ядро РИНЦ. Во вторую категорию (публикации РИНЦ) не входят статьи в информационных, научно-популярных изданиях, а также журналы и сборники, исключенные из РИНЦ. Третью категорию — ядро РИНЦ составляют только публикации в журналах, входящих в базы данных Web of Science, Scopus или RSCI.

Экономические науки, как показывает распределение женщин в аспирантуре и докторантуре российских вузов, представляют собой одну из наиболее гендерно сбалансированных отраслей наук, где женщины составляют около половины.

РИНЦ предоставил данные по экономическим наукам, включая пол авторов, ученую степень и ученое звание, место работы, количество публикаций на elibrary, индекс Хирша и индекс Хирша по ядру РИНЦ. Всего в выборке 133 552 автора, из них 43 % мужчин и 57 % женщин.

Результаты наукометрического исследования

Рассмотрим основные характеристики авторов женского и мужского пола в данных, выгруженных с eLibrary по экономическим наукам.

В целом в экономических науках зарегистрировано больше авторов женского пола, чем мужского. Кроме того, для экономисток характерна более высокая публикационная активность — в среднем 34,5 публикации на женщину, 30 публикаций на мужчину. Медиана также для женщин выше и составляет 11 против 7 у мужчин. А вот максимальное число публикаций выше у мужчин — 3523.

Всего в выборке 35 авторов с более чем 1000 публикаций, из них 23 мужчины и 12 женщин. Очевидно, что более 1000 публикаций написать возможно, если многократно дублировать одни и те же исследования в разных публикациях, например в сборниках по материалам конференций, учебниках и учебных пособиях, регулярно переиздаваемых. Кроме того, распространена практика, когда фамилии статусных ученых приписывают в качестве редакторских или соавторских с целью повышения числа цитирований или для наращивания публикационной активности этих ученых. Тем не менее у большинства авторов с запредельно высокой публикационной активностью индекс Хирша остается весьма низким, поэтому, скорее всего, это свидетельство наращивания низкосортных публикаций с многократным дублированием одинаковых исследований. Если убрать из выборки авторов с более чем 1000 публикаций, то у мужчин среднее количество публикаций сократится до 29,2, а у женщин останется на том же уровне — 34,5.

Индекс Хирша, характеризующий цитируемость публикаций, у женщин тоже незначительно выше — 3,8, у мужчин — 3,6. А вот максимальный индекс Хирша больше у мужчин — 164 (для 1 автора с более чем 1000 публикаций), тогда как у женщин максимум составляет 74.

Показатели мужчин-авторов опережают средние женские показатели только в индексе Хирша по ядру РИНЦ, т. е. в цитируемости в самых престижных журналах: 0,53 у мужчин и 0,48 у женщин. Существенно отличается и максимальное значение этого показателя: 72 у мужчин и 34 у женщин.

Анализ влияния факторов на размер индекса Хирша по ядру РИНЦ, реализованный с помощью построения линейной регрессии, свидетельствует, что пол занимает второе место после индекса Хирша (опережая рейтинг вуза, научную степень, количество публикаций) и вносит отрицательный вклад в 6,4 %. Другими словами, если автор — женщина, то вероятность повысить индекс Хирша по ядру РИНЦ снижается на 6,4 %. Таким образом, пол оказывается более важным фактором для цитирования в престижных журналах, чем научная степень, рейтинг вуза и общее количество публикаций. Это можно объяснить как стереотипами в отношении женщин-экономисток, так и обширным цитированием зарубежных экономистов, в том числе классиков экономической науки. Например, в базе данных может быть немало авторов, добавленных из списков литературы научных публикаций, благодаря чему растет количество активно цитируемых авторов XIX и XX в., преимущественно мужчин и иностранцев. Если же в выборку добавить такой индикатор, как первый год публикации, и включить только тех авторов, чей первый год публикации был не ранее 1970 г., то средний индекс Хирша по ядру РИНЦ выравнивается, но мужской максимум по-прежнему

опережает женский более чем в 3 раза. Подробное изучение публикационной активности наиболее цитируемых авторов женщин и мужчин выявляет еще одну особенность: мужчины больше участвуют в издании научных журналов и чаще публикуются в соавторстве, что также может положительно влиять на их цитируемость.

Что касается ученого звания (табл. 3), доля авторов без ученого звания среди женщин выше — 63 %, тогда как у мужчин 54 %. Доцентов среди женщин существенно больше: в абсолютных выражениях в 2 раза больше, в относительных — на 7 п. п. С более высокими учеными званиями ситуация обратная: профессоров, членов-корреспондентов и академиков среди мужчин больше и в абсолютных масштабах, и в относительных.

Таблица 3

Ученое звание авторов по полу, %

Ученое звание	Женщины	Мужчины
Нет звания	63,43	53,61
Доцент	21,91	14,45
Профессор	3,04	6,45
Член-корреспондент	0,14	0,26
Академик	0,08	0,27

Если говорить о публикационной активности мужчин и женщин в зависимости от ученого звания (табл. 4), то для женщин характерно большее число публикаций на всех уровнях, за исключением членов-корреспондентов и академиков. Кроме того, если перевес среднего числа публикаций в женскую сторону совсем небольшой, на 3—10 публикаций, то на уровне академиков и членов-корреспондентов перевес в мужскую сторону огромный, в 3—4 раза.

Таблица 4

Среднее число публикаций на eLibrary в зависимости от ученого звания

Ученое звание	Мужчины	Женщины
Нет звания	17,3	20,0
Доцент	62,7	74,5
Профессор	135,5	151,9
Член-корреспондент	123,7	40,7
Академик	158,7	42,7

Более подробное изучение публикационной активности женщин — членов-корреспондентов и академиков (табл. 5) показывает, что весьма большая их часть почти не публикуется (55,6 % имеют менее 10 публикаций), а высокая публикационная активность характерна лишь для малой доли — 10,5 %, тогда как у мужчин обратная ситуация: свыше 100 публикаций у большей части — 38 %, менее 10 публикаций у меньшей — 30 %. Кроме того, существенно отличается публикационная активность у самой активной группы: наибольшее число публикаций у мужчин — 1215 (у троих более 1000), а у женщин — 849.

Таблица 5

Публикационная активность членов-корреспондентов и академиков

	Женщины, число публикаций			Мужчины, число публикаций		
	< 10	> 100	Все	< 10	> 100	Все
Доля, %	55,6	10,5	100	30,1	38	100
Среднее	3,2	288,6	41,4	3,3	331,1	141,6
Минимум	0	105	0	0	104	0
Медиана	2	218,5	7	2	257	53
Максимум	9	849	849	9	1215	1215

Что касается топ-10 университетов, ранжированных по количеству работающих там авторов, рейтинги для женщин и мужчин несколько отличаются (табл. 6). Тройка лидеров для обоих полов одинакова: с большим отрывом лидирует Финансовый университет при Правительстве РФ, причем женщин-авторов там почти в 2 раза больше, чем мужчин. На втором месте с таким же большим отрывом женщин-авторов находится Плехановский университет, на третьем месте с существенно меньшим отрывом — РАНХиГС. Во всех университетах женщин-авторов больше, кроме МГУ и «Синергии». Кроме того, если в МГУ перевес в сторону мужчин совсем небольшой, то в «Синергии» существенный — более чем в 2 раза.

Таблица 6

Топ-10 университетов по количеству работающих там авторов
женского и мужского пола, чел.

Рейтинг		Ранг вуза*	Университет	Количество авторов	
Жен.	Муж.			Женщины	Мужчины
1	1	57	Финансовый университет при правительстве РФ	4761	2954
2	2	40	РЭУ им. Г. В. Плеханова	3028	1826
3	3	60	РАНХиГС	1966	1585
4	4	1	МГУ им. М. В. Ломоносова	981	1047
5	7	–	Санкт-Петербургский государственный экономический университет	978	582
6	5	3	НИУ ВШЭ	893	821
7	26	116	Кубанский государственный аграрный университет им. И. Т. Трубилина	787	404
8	11	10	Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого	742	477
9	6	–	Государственный университет управления	741	619
10	13	12	Казанский (Приволжский) федеральный университет	624	347
11	9	4	СПбГУ	608	562
52	10	164	Московский финансово-промышленный университет «Синергия»	225	546

* Ранг вуза согласно рейтингу Министерства образования и науки РФ (URL: <https://russiaedu.ru/rating> (дата обращения: 04.12.24)).

Выводы

В российской науке женщины участвуют наравне с мужчинами уже более века и их доля близится к половине. Растет число женских защит и кандидатских и докторских диссертаций. Женщины составляют большинство среди потребителей услуг высшей школы и подавляющее большинство в так называемых женских специальностях, таких как филология, педагогика, медицина и др. Однако снижается интерес женщин к техническим специальностям: если в 2013 г. они были самыми популярными у аспиранток, то в 2023 г. на первое место вышли экономические науки.

Анализ структуры занятости вузов подтверждает выводы предыдущих исследований о том, что женщины в науке преимущественно заняты административной и педагогической деятельностью. Но анализ наукометрических показателей доказывает обратное. Широко распространено мнение, что недостаток женщин в научной сфере связан с недостатком времени на проведение исследований в результате их загруженности в других сферах: домашнем неоплачиваемом труде, административной и педагогической деятельности. Однако это не соответствует действительности. Оказывается, женщины публикуются активнее мужчин. Более того, для авторов женского пола в экономических науках характерен более высокий уровень цитируемости, измеряемый с помощью индекса Хирша. Несмотря на это, в рейтинговых журналах (входящих в ядро РИНЦ) женщин цитируют меньше, чем мужчин. Именно пол исследователя, а не научное звание, рейтинг вуза или количество публикаций играет ключевую роль для цитируемости в наиболее престижных научных периодических изданиях.

Таким образом, выводы о том, что женский вклад в науку меньше мужского, ошибочны и построены на предвзятом мнении. Вклад женщин в экономические науки очевидно не меньше мужского, однако признание этого вклада меньше, причем именно в престижных журналах. Это может быть связано с рядом факторов, таких как предвзятость научного сообщества и, как следствие, слабые позиции и связи женщин в научных сообществах и меньшее число публикаций в соавторстве; неумение женщин продвигать свои научные труды; низкая активность женщин в издании научных журналов, следовательно — «мужской круг знакомств» в престижных журналах, а также с более поздним включением женщин в научные институты, особенно в западных странах, так как среди авторов немало зарубежных экономистов XIX—XX вв., чьи труды активно цитируются и поныне, среди которых подавляющее большинство — мужчины. Изучение женского вклада в науку с помощью библиометрического анализа представляет перспективное направление, способное выявить еще немало закономерностей и факторов публикационной активности и цитируемости, позиции и восприятие женщин в академической среде.

Список источников

- Пушкарева Н. Л. Женщины в российской науке конца XX — начала XXI века: обобщение количественных характеристик // *Женщина в российском обществе*. 2010. № 3. С. 24—35.
- Ребрей С. М. Как измерить неравенство возможностей: индекс осевых институтов // *Вопросы экономики*. 2024. № 5. С. 128—153.
- Madden K. K., Seiz J. A., Pujol M. A. *A Bibliography of Female Economic Thought to 1940*. London; New York: Routledge, 2004. 528 p. (Routledge Studies in the History of Economics).
- May A. M. Gender and political economy of knowledge // *Frontiers in the Economics of Gender* / ed. by F. Bettio, A. Verashchagina. London; New York: Routledge, 2008. Chap. 13. P. 267—285.

References

- Madden, K. K., Seiz, J. A., Pujol, M. A. (2004) *A Bibliography of Female Economic Thought to 1940*, Routledge Studies in the History of Economics, London, New York: Routledge.
- May, A. M. (2008) Gender and political economy of knowledge, in: Bettio, F., Verashchagina, A. (eds), *Frontiers in the Economics of Gender*, chap. 13, London, New York: Routledge, pp. 267—285.
- Pushkareva, N. L. (2010) Zhenshchiny v rossiiskoi nauke kontsa XX — nachala XXI veka: obobshchenie kolichestvennykh kharakteristik [Women in Russian science of the late 20th — early 21st centuries: generalization of quantitative characteristics], *Zhenshchina v rossiiskom obshchestve*, no. 3, pp. 24—35.
- Rebrey, S. M. (2024) Kak izmerit' neravenstvo vozmozhnostei: indeks osevykh institutov [How to measure inequalities of opportunity: the pivot institutions index], *Voprosy ekonomiki*, no. 5, pp. 128—153.

Статья поступила в редакцию 06.12.2024; одобрена после рецензирования 20.12.2024; принята к публикации 27.12.2024.

The article was submitted 06.12.2024; approved after reviewing 20.12.2024; accepted for publication 27.12.2024.

Информация об авторе / Information about the author

Ребрей Софья Михайловна — кандидат экономических наук, доцент кафедры мировой экономики, Московский государственный институт международных отношений (университет) Министерства иностранных дел РФ, г. Москва, Россия, s.rebrei@inno.mgimo.ru (PhD in Economics, Associate Professor at the World Economy Department, Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry of Foreign Affairs of Russian Federation, Moscow, Russian Federation).

СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ
SOCIOLOGICAL SCIENCES

Женщина в российском обществе. 2025. № 1. С. 49—61.

Woman in Russian Society. 2025. No. 1. P. 49—61.

Научная статья

УДК 364.4:316.356.2

EDN: <https://elibrary.ru/jnyjyu>

DOI: 10.21064/WinRS.2025.1.4

**КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ
НАЦИОНАЛЬНОГО ПРОЕКТА «СЕМЬЯ»**

Тамара Керимовна Ростовская, Оксана Викторовна Кучмаева

Институт демографических исследований,
Федеральный научно-исследовательский социологический центр,
Российская академия наук, г. Москва, Россия, rostovskaya.tamara@mail.ru

Аннотация. В дискурсе научных исследований, политических выступлений, общественных дискуссий растет актуальность прогнозирования демографической ситуации на долгосрочную перспективу. Новый национальный проект «Семья» представляет собой масштабный план действий, направленный на укрепление семейных ценностей, повышение рождаемости и создание условий для гармоничного развития российских семей. Его главной целью является увеличение количества семей с детьми, в том числе многодетных, что предполагает не только сохранение традиционных мер поддержки, но и внедрение новых системных подходов, отвечающих современным вызовам. В статье рассмотрены структура национального проекта «Семья» и направления деятельности в рамках его осуществления, дана характеристика стратегическим подходам к реализации федеральных проектов, составляющих его структуру.

Ключевые слова: национальный проект «Семья», федеральные проекты, поддержка семьи, многодетная семья, охрана материнства и детства, старшее поколение, семейные ценности, инфраструктура культуры

Для цитирования: Ростовская Т. К., Кучмаева О. В. Концептуальные аспекты национального проекта «Семья» // Женщина в российском обществе. 2025. № 1. С. 49—61.

Original article

CONCEPTUAL ASPECTS OF THE NATIONAL PROJECT “FAMILY”

Tamara K. Rostovskaya, Oksana V. Kuchmaeva

Institute for Demographic Research — Branch,
Federal Center of Theoretical and Applied Sociology, Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russian Federation, rostovskaya.tamara@mail.ru

Abstract. In discussions of various scientific studies, political speeches and public discussions, the relevance of forecasting the demographic situation for the long term is growing. The new national project “Family” is a large-scale action plan aimed at strengthening family values, increasing the birth rate and creating conditions for the harmonious development of Russian families. Its main goal is to increase the number of families with children, including large families, which involves not only maintaining traditional support measures, but also introducing new systemic approaches that meet modern challenges. The article examines the structure and areas of activity within the framework of the national project “Family” and characterizes strategic approaches to the implementation of federal projects that make up its structure.

Key words: national project “Family”, federal projects, family support, large families, maternal and child health, older generation, family values, cultural infrastructure

For citation: Rostovskaya, T. K., Kuchmaeva, O. V. (2025) Kontseptual’nye aspekty natsional’nogo proekta “Sem’ia” [Conceptual aspects of the national project “Family”], *Zhenshchina v rossiiskom obshchestve*, no. 1, pp. 49—61.

Введение

Новый национальный проект «Семья», разработанный в Российской Федерации в 2024 г., в Год семьи, представляет собой масштабный план действий, целью которого является увеличение количества семей с детьми, в том числе многодетных, укрепление семейных ценностей.

Концептуально данный проект ориентирован на формирование условий, обеспечивающих функционирование института семьи, способствующих благополучию семьи и тем самым влияющих на динамику демографических процессов и демографическую ситуацию в целом. В структуру нацпроекта «Семья» включены пять федеральных проектов: «Поддержка семьи», «Многодетная семья», «Охрана материнства и детства», «Старшее поколение», «Семейные ценности и инфраструктура культуры».

Национальный проект «Семья» будет осуществляться с 2025 по 2036 г. в рамках Стратегии действий по реализации семейной и демографической политики, поддержке многодетности в Российской Федерации.

Приоритеты успешного функционирования института семьи становятся национальными приоритетами. Семья, как важнейший социальный институт, выполняет комплекс значимых для человека и общества функций: репродуктивную, воспитательную, психологическую, самосохранительную, экономическую [Ростовская и др., 2023]. В рамках осуществления обозначенного проекта речь идет не только о поддержке семьи в реализации ее репродуктивной функции,

проект ориентирован на поддержку жизнедеятельности института семьи, реализацию всех ее функций.

Цель работы — рассмотреть содержание национального проекта «Семья» в контексте целей демографического развития, определить условия и меры достижения поставленных целей.

Обзор научной литературы по проблеме

В трудах российских ученых отмечается взаимосвязь механизмов и мер, реализуемых в рамках демографической (направленной на регулирование режима воспроизводства населения) и семейной (содействующей функционированию института семьи) политики [Хасанова и др., 2019]. Ученые разрабатывают меры семейной политики, затрагивают интересы различных типов семей, но прежде всего акцентируют внимание на семьях с детьми [Обзор социальной политики... , 2007].

Исследователи анализируют влияние на повышение рождаемости создаваемых возможностей для сочетания профессиональных и семейных обязанностей [Андреева и др., 2014; Архангельский, 2015]. Динамика уровня рождаемости (суммарный коэффициент рождаемости) в странах мира, в России показывает, что для реализации государственной семейной и демографической политики финансовых инструментов стимулирования рождаемости не всегда достаточно. Усилия должны быть направлены на адресную работу с молодежью как ключевой социальной группой [Андрюшина, Луценко, 2020].

В современной России внимание к семье как объекту государственной политики прослеживается с 1990-х гг. В 1993 г. Национальным советом по подготовке и проведению Международного года семьи в Российской Федерации была одобрена Концепция государственной семейной политики, которая впоследствии послужила базой для издания Указа Президента РФ «Об Основных направлениях государственной семейной политики»¹. Данные стратегические документы были положены в основу семейной политики в России в конце XX в., они учитывали особенности положения семьи в условиях трансформации политической, социальной и экономической систем, в значительной степени опирались на меры социальной поддержки, не принимая во внимание долговременных тенденций трансформации института семьи.

Осознание роли института семьи в жизни общества повлияло на создание новой стратегии семейной политики с учетом социально-политических и экономических изменений в России. Целесообразно отметить заметную корреляцию между Концепцией семейной политики, утвержденной в 2014 г., и Концепцией демографической политики Российской Федерации на период до 2025 года²

¹ Об Основных направлениях государственной семейной политики: Указ Президента РФ от 14.05.1996 № 712. URL: <http://government.ru/docs/all/18579/> (дата обращения: 30.12.2024).

² Об утверждении Концепции государственной семейной политики в Российской Федерации на период до 2025 года: распоряжение Правительства РФ от 25.08.2014 № 1618-р. URL: <http://government.ru/docs/all/92699/> (дата обращения: 30.12.2024); Об утверждении Концепции демографической политики Российской Федерации на период до 2025 года: Указ Президента РФ от 09.10.2007 № 1351: (ред. от 01.07.2014). URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_165069/ (дата обращения: 30.12.2024).

в отношении задач, направлений и ожидаемых результатов. Принятые программные документы — Национальная стратегия в интересах женщин³, «Об объявлении в Российской Федерации Десятилетия детства» (2018—2027 гг.)⁴ — по направлениям деятельности также во многом взаимосвязаны с Концепцией государственной семейной политики.

В соответствии с Указом Президента России «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года» от 7 мая 2018 г. № 204 в 2019—2024 гг. был разработан и реализован национальный проект «Демография».

Национальный проект «Демография» позиционировался как продолжение и развитие начинаний, содержащихся в ранее принятых программах демографического развития и оказания поддержки семье и детям. Его инициативы были направлены на поддержку семей с детьми, формирование модели активного долголетия, распространение здорового образа жизни и касались практически всех граждан России.

В ходе проекта предполагалось достичь следующих целей: увеличить ожидаемую продолжительность здоровой жизни россиян до 67 лет, суммарный коэффициент рождаемости — до 1,7 ребенка на одну женщину, повысить долю граждан, ведущих здоровый образ жизни. Однако в 2023 г. суммарный коэффициент рождаемости составил лишь 1,41 ребенка на одну женщину репродуктивного возраста, ожидаемая продолжительность здоровой жизни — 61,4 года. Заложенные в стратегию реализации национального проекта «Демография» механизмы не позволили достичь декларируемых целей. Это потребовало пересмотра концептуальных подходов к реализации мер, направленных на изменение трендов демографического развития. Акцент на помощь семье в осуществлении ее основных функций позволяет в рамках реализуемой стратегии обеспечить определенный баланс интересов человека, семьи, общества в достижении целей семейного и демографического благополучия.

Структура и индикаторы национального проекта «Семья»

Национальный проект «Семья» — это комплекс системных мер, направленных на совершенствование системы поддержки семей с детьми, создание условий для дальнейшего их развития с учетом необходимых потребностей. В рамках национального проекта предусмотрены пять федеральных проектов, реализация которых будет способствовать достижению пяти показателей — национальных целей развития Российской Федерации (рис.)⁵.

³ Об утверждении Национальной стратегии в интересах женщин на 2017—2022 гг.: распоряжение Правительства РФ от 08.03.2017 № 410-р. URL: <https://docs.cntd.ru/document/420393412> (дата обращения: 30.12.2024).

⁴ Об объявлении в Российской Федерации Десятилетия детства: Указ Президента РФ от 29.05.2017 № 240. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_288278/ (дата обращения: 30.12.2024).

⁵ О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года: Указ Президента РФ от 07.05.2024 № 309. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_475991/?ysclid=m6khlod9io577440249 (дата обращения: 30.12.2024).

Основные показатели проекта «Семья» — национальные цели развития Российской Федерации до 2030 г.

Реализация национального проекта «Семья» предполагает к 2030 г. достичь повышения суммарного коэффициента рождаемости до 1,6 ребенка на одну женщину; роста суммарного коэффициента рождаемости третьих и последующих детей до 0,475 ребенка; снижения уровня бедности среди многодетных семей до 12 %; увеличения доли пожилых граждан и инвалидов, получающих долговременный уход, до 30 %; повышения уровня удовлетворенности граждан работой государственных и муниципальных организаций культуры, искусства и народного творчества до 63 %.

Остановимся подробнее на структуре проекта. Национальный проект «Семья» включает следующие пять федеральных проектов.

1. «Поддержка семьи». Цель федерального проекта — увеличение числа семей с детьми. В период реализации федерального проекта предполагается оказание комплексной поддержки семьям с помощью как уже доказавших свою эффективность мер (единое пособие, материнский капитал, семейная ипотека), так и новых мер, направленных на улучшение уровня и качества жизни семей

(выплата в виде разницы в НДФЛ, строительство и модернизация детских садов, создание комнат матери и ребенка). Проект ориентирован на создание условий для успешного совмещения родителями воспитания детей, получения ими образования, а также профессиональной самореализации.

Основными показателями для оценки реализации данного федерального проекта к 2030 г. выступают:

— доля молодых студенческих семей и матерей (отцов) с детьми, получивших поддержку образовательных организаций высшего образования, от числа всех молодых студенческих семей и матерей (отцов) с детьми, обучающихся в вузах, должна составить 90 %;

— доля образовательных организаций высшего образования, на базе которых созданы комнаты матери и ребенка и/или группы кратковременного пребывания детей, от числа образовательных организаций, испытывающих в них потребность, должна составить 100 %;

— доля обновленных зданий дошкольных образовательных организаций от общего количества зданий дошкольных образовательных организаций должна вырасти до 6,3 %;

— доля получателей ежегодной семейной выплаты от общего числа трудоспособного населения должна вырасти до 8,9 %;

— доля семей с детьми, получивших меры социальной поддержки на детей на основании только заявления или проактивно, от общего числа семей с детьми, получивших меры социальной поддержки на детей, должна составить 97,5 %.

2. «Многодетная семья». Целью данного федерального проекта выступает увеличение количества многодетных семей в России, число которых, по данным Минтруда РФ, за последние 10 лет увеличилось в два раза. В настоящее время в стране насчитывается 2,3 млн многодетных семей с тремя и более детьми, в них воспитываются порядка 7,4 млн детей⁶.

В период реализации проекта особое внимание будет уделено поддержке многодетных семей с целью создания дополнительных стимулов для рождения вторых, третьих и последующих детей. Более 1,4 млн семей будут получать выплаты в размере 450 тыс. руб. на погашение ипотеки в целях улучшения жилищных условий, социальный контракт будет предоставляться в преимущественном порядке многодетным семьям в целом с охватом не менее 300 тыс. семей.

Основными показателями реализации федерального проекта к 2030 г. выступают:

— суммарный коэффициент рождаемости третьих и последующих детей предполагается повысить до 0,475 ед.;

— доля граждан, охваченных государственной социальной помощью на основании социального контракта, в общей численности малоимущих граждан должна вырасти до 6,3 %;

---

⁶ Президентом утвержден единый статус многодетной семьи: информация Министерства труда и социальной защиты РФ от 23 января 2024 г. URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/408345111/> (дата обращения: 30.12.2024).

— темп прироста многодетных семей (относительно уровня 2024 г.) должен составить 15 %;

— уровень бедности среди многодетных семей планируется снизить до 12 %;

— доля регионов, обеспечивших темпы повышения суммарного коэффициента рождаемости не ниже среднероссийских, от числа субъектов РФ, в которых по итогам 2023 г. значение такого коэффициента было ниже среднероссийского, должна составить 100 %;

— доля обучающихся в 1—4-х классах с группой продленного дня должна увеличиться с 16,1 до 17,6 %.

3. «Охрана материнства и детства». Цель федерального проекта — повышение качества и доступности медицинской помощи для тех, кто планирует ребенка, беременных женщин, детей, укрепление репродуктивного здоровья граждан. В ходе реализации проекта будут созданы условия для оказания медицинской помощи беременным женщинам, детям, а также тем, кто только планирует рождение ребенка, за счет повышения доступности и качества оказываемых услуг.

Основными показателями реализации федерального проекта к 2030 г. являются:

— доля женщин, проживающих в сельской местности, поселках городского типа и малых городах, получивших медицинскую помощь в женских консультациях, должна увеличиться с 20 до 80 %;

— охват граждан репродуктивного возраста (18—49 лет) диспансеризацией с целью оценки репродуктивного здоровья должен составить 50 %;

— доля беременных женщин, обратившихся в медицинские организации в ситуации репродуктивного выбора, получивших услуги по оказанию правовой, психологической и медико-социальной помощи и вставших на учет по беременности, должна увеличиться с 22 до 26 %;

— младенческая смертность должна снизиться с 4,2 до 3,9 ‰;

— доля взятых под диспансерное наблюдение детей в возрасте 0—17 лет с впервые в жизни установленными диагнозами от общего числа детей с выявленными заболеваниями по результатам проведения профилактических медицинских осмотров должна увеличиться до 95 %.

4. «Старшее поколение». Цель федерального проекта — поддержка граждан пожилого возраста и инвалидов. В ходе реализации проекта будет осуществлен комплекс мероприятий, направленных на решение таких приоритетных задач, как развитие социальных услуг и вовлечение граждан старшего возраста в активную жизнедеятельность за счет обеспечения качественного ухода и различных образовательных и просветительских проектов. Будут построены и приведены в нормативное состояние социальные стационары для пожилых граждан и инвалидов. Во всех субъектах РФ будут разработаны и реализованы региональные программы «Активное долголетие», включающие образовательные проекты, культурно-досуговые мероприятия, творческие программы, занятия физической культурой и спортом, волонтерской деятельностью. В малых

населенных пунктах будут созданы условия для улучшения качества жизни граждан старшего поколения посредством открытия центров общения.

Основными показателями реализации федерального проекта к 2030 г. являются:

— доля граждан старшего поколения, вовлеченных в региональные программы «Активное долголетие», должна вырасти до 41,9 %;

— доля пожилых граждан и инвалидов, получающих долговременный уход, от общего числа нуждающихся в таком уходе граждан увеличится до 30,3 %.

5. «Семейные ценности и инфраструктура культуры». Цель федерального проекта — формирование семейно ориентированной инфраструктуры, укрепление института семьи, продвижение в обществе семейных ценностей. В ходе реализации проекта будут созданы дополнительные возможности для посещения гражданами культурно-просветительских мероприятий и их участия в данных мероприятиях в целях вовлечения населения в культурную жизнь и создания положительных семейных ценностей.

Основными показателями реализации федерального проекта к 2030 г. выступают:

— уровень удовлетворенности граждан работой государственных и муниципальных организаций культуры, искусства и народного творчества должен вырасти до 63,0 %;

— количество созданных центров воспроизведения аудиовизуального контента в малых населенных пунктах с численностью населения до 50 тыс. человек, оснащенных необходимым оборудованием и подключенных к единой цифровой платформе с библиотекой современных продуктов российской киноиндустрии, должно возрасти до 900 тыс.;

— доля граждан, считающих семью главной ценностью, должна увеличиться до 80 %;

— число посещений организаций культуры по отношению к 2024 г. должно вырасти на 35 %.

Реализация нацпроекта «Семья» будет способствовать позитивной динамике рождаемости. Прогноз Росстата свидетельствует, что к 2030 г. величина суммарного коэффициента рождаемости по низкому варианту составит 1,381 ребенка на одну женщину, среднему варианту — 1,473 ребенка, высокому варианту — 1,516 ребенка (величина показателя в 2023 г. — 1,41 ребенка)⁷. Можно предположить, что выполнение мероприятий национального проекта «Семья» в полной мере позволит достичь более позитивных результатов (верхняя граница прогноза), даже в условиях старения возрастной структуры населения России.

Исходя из структуры и целей подпроектов, входящих в состав проекта «Семья», можно сделать вывод, что его реализация направлена на обеспечение функционирования института семьи, поддержку его репродуктивной функции, увеличение числа и доли многодетных семей, тем самым стимулируя рост рождаемости. Мероприятия национального проекта ориентированы на создание

⁷ Демографический прогноз до 2045 г. // Росстат: официальный сайт. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/12781> (дата обращения: 30.12.2024).

условий для благополучной жизни семей пожилых людей, развитие инфраструктуры, обеспечивающей жизнедеятельность семей разных типов. Отдельное внимание уделяется формированию ценностных установок, определяющих значимость семьи и семейного образа жизни для человека.

Реализация нацпроекта «Семья» направлена на увеличение числа и доли многодетных семей, формирование ценности многодетной семьи. Важно отметить, что, как показывают переписи населения, на протяжении длительного периода в России происходит увеличение доли семей, в составе которых нет детей в возрасте до 18 лет. Вместе с тем с 2002 г. рост числа семей без детей сопровождается ростом многодетности в семьях, имеющих детей, что в большей степени проявилось в межпереписной период 2010—2020 гг.: доля семей с двумя детьми увеличилась с 275 на 1 тыс. семей с детьми до 331, с тремя и более детьми — с 70 до 117⁸. Данные изменения выступают следствием различий в моделях репродуктивного поведения россиян, на котором по-разному сказывается воздействие мер семейной политики. Полагаем, что реализация национального проекта «Семья» позволит увеличить долю многодетных (с тремя и более детьми) в структуре семей с детьми.

Отдельный федеральный проект посвящен вопросам здоровья, охране материнства и детства. Сохранение здоровья человека, внимание к репродуктивному здоровью являются гарантом реализации репродуктивных намерений человека, выступают существенным элементом качества жизни. Мероприятия проекта в значительной степени носят профилактический характер, что, в свою очередь, означает реализацию мероприятий в направлении формирования стратегии самосохранительного поведения начиная с детского, подросткового возраста.

Федеральный проект «Старшее поколение» направлен на формирование и реализацию стратегии активного долголетия в регионах России, затрагивает также вопросы межпоколенных отношений. Благополучие пожилых людей связано с их семейной ролью, взаимодействием поколений в семье, взаимной материальной и экономической поддержкой (наряду с развитием государственной и общественной поддержки).

Активное долголетие рассматривается в проекте как социальное явление, включающее распространение среди населения ценностей и поведенческих практик, ориентированных на поддержание в течение всей жизни здоровья и хорошего самочувствия, социальных связей, развитие и сохранение трудовой, творческой и интеллектуальной активности, обеспечивающих самореализацию и удовлетворенность жизнью, эффективное использование человеческого потенциала всех возрастных групп населения.

---

⁸ Рассчитано по: Всероссийская перепись населения 2010 года. Т. 6: Число и состав домохозяйств. Табл.: Население частных и коллективных домохозяйств, домохозяйств бездомных по субъектам Российской Федерации; Частные домохозяйства, состоящие из двух и более человек, по типам, размеру и числу детей моложе 18 лет. URL: https://gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/perepis_itogi1612.htm (дата обращения: 30.12.2024); Всероссийская перепись населения 2020 года. Т. 8: Число и состав домохозяйств. Табл.: Население частных и коллективных домохозяйств, домохозяйств бездомных по субъектам Российской Федерации; Частные домохозяйства по размеру домохозяйства по субъектам Российской Федерации. URL: https://rosstat.gov.ru/vpn/2020/Tom8_Chislo_i_sostav_domohozajstv (дата обращения: 30.12.2024).

Система мониторинга реализации национального проекта «Семья»

В контексте оценки результативности национального проекта «Семья» важное значение имеет мониторинг его реализации. Оценка результативности семейной политики, не только в отношении рождаемости, осуществляется на основе комплекса достоверной информации, включающей как статистические, так и социологические источники [Зверева, 2005; Сигарева и др., 2021]. Объективная оценка эффективности семейной политики предполагает использование официальной статистической отчетности, выборочных обследований по социально-демографическим проблемам Росстата, проводимых в режиме мониторинга.

Функции мониторинга результативности национального проекта, сбора и представления индикаторов, как правило, возлагаются на Федеральную службу государственной статистики, в этих целях используются всероссийские переписи населения, результаты репрезентативных выборочных обследований. Затраты на формирование подобного мониторинга должны быть предусмотрены органами управления с тем, чтобы система показателей отражала реальное продвижение в области семейной политики.

Достоверность мониторинга обеспечивается данными официальной статистики и репрезентативных выборочных обследований, в меньшей степени — данными ведомственной отчетности. Приведем конкретный пример. Одним из показателей результативности федерального проекта «Многодетная семья» выступает «темпы прироста многодетных семей (относительно уровня 2024 г.)». Данный показатель будет формироваться на основе ведомственной отчетности органов социальной защиты. Однако в этом случае информация о количестве многодетных семей фиксируется на основе принципа «обращаемости» за помощью. Полную информацию о количестве многодетных семей в стране, регионе предоставляют переписи населения.

Отдельную группу показателей составляют оценочные суждения целевых групп о получаемой поддержке (например, в нее входят показатели «повышение уровня удовлетворенности граждан работой государственных и муниципальных организаций культуры, искусства и народного творчества», «доля граждан, считающих семью главной ценностью»).

В этом случае для проведения мониторинга целесообразно использовать возможности ряда следующих выборочных обследований Росстата по социально-демографическим проблемам, при необходимости учитывая изменения в программе обследований [Ростовская, Кучмаева, 2020]:

- 1) Выборочного наблюдения состояния здоровья населения (проводится ежегодно, выборочная совокупность 60 тыс. домохозяйств);
- 2) Выборочного наблюдения доходов населения и участия в социальных программах (проводится ежегодно, выборочная совокупность 60 тыс. домохозяйств, один раз в пять лет выборочная совокупность увеличивается до 160 тыс. домашних хозяйств);
- 3) Комплексного обследования условий жизни населения (проводится один раз в два года, охват составляет 60 тыс. домашних хозяйств);
- 4) Выборочного наблюдения качества и доступности услуг в сферах образования, здравоохранения социального обслуживания, содействия занятости населения (проводится один раз в два года с охватом 48 тыс. домохозяйств).

Еще один показатель — «уровень бедности среди многодетных семей» предполагается формировать на основе данных Выборочного наблюдения доходов населения и участия в социальных программах. Выборочная совокупность данного обследования может быть недостаточной для получения репрезентативных итогов в разрезе регионов страны относительно многодетных семей, поэтому Росстат предполагает в 2025 г. провести специализированное обследование среди совокупности многодетных семей.

Заключение

Национальный проект «Семья» направлен на обеспечение условий жизнедеятельности российской семьи, реализацию всех ее функций (репродуктивной, воспитательной, экономической, психологической) в целях позитивного демографического развития. Анализ показывает, что федеральные проекты, составляющие структуру национального проекта, охватывают различные аспекты жизнедеятельности семьи, формируют ценности семьи и семейного образа жизни, создают условия для сочетания семейных и профессиональных обязанностей, развивают инфраструктуру жизнедеятельности семьи, поддерживают связи поколений.

Национальный проект «Семья» демонстрирует комплексный подход к демографическим вызовам, объединяя усилия государства, научного сообщества, населения и регионов по укреплению российской семьи как основного ресурса демографического развития России.

Список источников

- Андреева Е. И., Горшкова И. Д., Ковалевская А. С. Рекомендации по оценке социально-экономической эффективности социальных программ: определения, подходы, практический опыт. М.: Проспект, 2014. 72 с.
- Андрюшина Е. В., Луценко Н. О. Государственная политика по стимулированию рождаемости: зарубежные практики и уроки для современной России // Власть. 2020. Т. 28, № 5. С. 235—240.
- Архангельский В. Н. Помощь семьям с детьми в России: оценка демографической результативности // Социологические исследования. 2015. № 3. С. 56—64.
- Зверева Н. В. Методологические проблемы анализа результативности демографической политики // Политика народонаселения: настоящее и будущее: Четвертые Валентеевские чтения: сборник докладов. М.: МАКС Пресс, 2005. С. 17—26.
- Обзор социальной политики в России. Начало 2000-х: [коллективная монография] / под ред. Т. М. Малевой. М.: Независим. ин-т соц. политики, 2007. 432 с.
- Ростовская Т. К., Кучмаева О. В. Концептуальные подходы к проведению всероссийского социологического исследования «Демографическое самочувствие России» как инструменту мониторинга результативности демографической политики // Вестник Южно-Российского государственного технического университета (Новочеркасского политехнического института). Сер.: Социально-экономические науки. 2020. Т. 13, № 3. С. 89—99.
- Ростовская Т. К., Кучмаева О. В., Васильева Е. Н. Институт многопоколенной семьи как резерв демографического развития России // Демографические исследования. 2023. Т. 3, № 4. С. 59—77.

- Сigareва Е. П., Сивоплясова С. Ю., Плетнева Ю. Э., Архангельский В. Н. Методологические вопросы оценки результативности демографической политики в отношении рождаемости // Социальная политика и социология. 2021. Т. 20, № 3. С. 24—32.
- Хасанова Р. Р., Малева Т. М., Мкртчян Н. В., Флоринская Ю. Ф. Проактивная демографическая политика: 10 лет спустя: эффекты, инструменты, новые цели. М.: Дело, 2019. 58 с.

References

- Andreeva, E. I., Gorshkova, I. D., Kovalevskaya, A. S. (2014) *Rekomendatsii po otsenke sotsial'no-ekonomicheskoi' effektivnosti sotsial'nykh programm: Opredeleniia, podkhody, prakticheskii' opyt* [Recommendations for analyzing the social and economic efficiency of social programs: Definitions, approaches and practical experience], Moscow: Prospekt.
- Andryushina, E. V., Lutsenko, N. O. (2020) Gosudarstvennaia politika po stimulirovaniu rozhdaiemosti: zarubezhnye praktiki i uroki dlia sovremennoi' Rossii [State policy on stimulating the birth rate: its foreign practices and lessons for modern Russia], *Vlast'*, vol. 28, no. 5, pp. 235—240.
- Arkhangelsky, V. N. (2015) Pomoshch' sem'iam s det'mi v Rossii: otsenka demograficheskoi' rezul'tativnosti [Support for families with children in Russia: an analysis of demographic performance], *Sotsiologicheskie issledovaniia*, no. 3, pp. 56—64.
- Khasanova, R. R., Maleva, T. M., Mkrтчyan, N. V., Florinskaya, Yu. F. (2019) *Proaktivnaia demograficheskaiia politika: 10 let spustia: Éffekty, instrumenty, novye tseli* [Proactive demographic policy: 10 years later: Effects, tools and new goals], Moscow: Delo.
- Maleva, T. M. (ed.) (2007) *Obzor sotsial'noi' politiki v Rossii. Nachalo 2000-kh*: [Kollektivnaia monografiia] [Social policy review in Russia. Early 2000s: [A collective monograph]], Moscow: Nezavisimyi' institut sotsial'noi' politiki.
- Rostovskaya, T. K., Kuchmaeva, O. V. (2020) Kontseptual'nye podkhody k provedeniiu vs Rossiiskogo sotsiologicheskogo issledovaniia "Demograficheskoe samochuvstvie Rossii" kak instrumentu monitoringa rezul'tativnosti demograficheskoi' politiki [Conceptual approaches to conducting the All-Russian Sociological Study "Demographic Well-Being of Russia" as a tool for monitoring the effectiveness of demographic policy], *Vestnik Iuzhno-Rossiiskogo gosudarstvennogo tekhnicheskogo universiteta (Novocherkasskogo politekhnicheskogo instituta)*, seriia Sotsial'no-ekonomicheskie nauki, vol. 13, no. 3, pp. 89—99.
- Rostovskaya, T. K., Kuchmaeva, O. V., Vasilieva, E. N. (2023) Institut mnogopokolnoi' sem'i kak rezerv demograficheskogo razvitiia Rossii [The institute of multi-generational family as a reserve of demographic development in Russia], *Demograficheskie issledovaniia*, vol. 3, no. 4, pp. 59—77.
- Sigareva, E. P., Sivoplyasova, S. Yu., Pletneva, Yu. E., Arkhangelsky, V. N. (2021) Metodologicheskie voprosy otsenki rezul'tativnosti demograficheskoi' politiki v otnoshenii rozhdaiemosti [Methodological issues in analyzing the effectiveness of demographic policy in relation to fertility], *Sotsial'naia politika i sotsiologiia*, vol. 20, no. 3, pp. 24—32.
- Zvereva, N. V. (2005) Metodologicheskie problemy analiza rezul'tativnosti demograficheskoi' politiki [Methodological problems of analyzing the effectiveness of demographic policy], in: *Politika narodonaseleniia: nastoiashchee i budushchee: Chetvërtye Valenteevskie chteniia*: Sbornik dokladov, Moscow: MAKS Press, pp. 17—26.

Статья поступила в редакцию 10.01.2025; одобрена после рецензирования 21.01.2025; принята к публикации 27.01.2025.

The article was submitted 10.01.2025; approved after reviewing 21.01.2025; accepted for publication 27.01.2025.

Информация об авторах / Information about the authors

Ростовская Тамара Керимовна — доктор социологических наук, профессор, заместитель директора по научной работе, Институт демографических исследований Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН, г. Москва, Россия, rostovskaya.tamara@mail.ru (Dr. Sc. (Sociology), Professor, Deputy Director for Research, Institute for Demographic Research — Branch of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation).

Кучмаева Оксана Викторовна — доктор экономических наук, профессор, главный научный сотрудник, Институт демографических исследований Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН, г. Москва, Россия, kuchmaeva@yandex.ru (Dr. Sc. (Economics), Professor, Chief Researcher, Institute for Demographic Research — Branch of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation).

Женщина в российском обществе. 2025. № 1. С. 62—76.

Woman in Russian Society. 2025. No. 1. P. 62—76.

Научная статья

УДК [316.356.2+316.334.3](476)

EDN: <https://elibrary.ru/tdqbxm>

DOI: 10.21064/WinRS.2025.1.5

**ВОСПРИЯТИЕ БЕЛОРУССКИМИ ЖЕНЩИНАМИ
СВОЕГО СОЦИАЛЬНОГО СТАТУСА
И ЦЕННОСТЕЙ ТРУДА И СЕМЬИ**

Лариса Григорьевна Титаренко

Белорусский государственный университет,
г. Минск, Республика Беларусь, larisa166@mail.ru

Аннотация. Несмотря на сложные политические и экономические факторы, влияющие на современное развитие Беларуси, задачи поддержания достойного уровня жизни населения, и отдельных социальных групп (малоимущие, семьи с детьми, молодежь), сохраняют свою приоритетность. В этих условиях важно изучить, как современное развитие общества изменило восприятие женщинами базовых жизненных ценностей семьи и труда: создав необходимость выбора между ними или актуализировав поиск их баланса. Восприятие базовых ценностей непосредственно связано с оценкой женщинами значимости их социальных статусов в семье и труде как одинаково важных для самореализации. Исследование посвящено изучению того, каким образом социально ориентированное белорусское общество влияет на оценку женщинами своего социального статуса в сфере семьи и карьеры и соответствующих ценностей как двух полюсов единого жизненного мира человека, без которых сегодня не мыслится существование большинства граждан. Эмпирические данные собраны методом глубинного интервью с 29 семейными женщинами, проживающими в белорусской столице — городе, где рождаемость ниже средней по стране. Сопоставление полученной качественной информации со статистическими данными и массовыми количественными опросами, проводившимися ранее в Беларуси, позволяет показать, как меняется восприятие социальных статусов профессионально занятых семейных женщин и какие меры государственной политики оказывают положительное влияние на поддержание баланса базовых ценностей и статусов женщины в семье и труде. Делается вывод, что женщины позитивно оценивают меры социальной поддержки семьи со стороны государства, так как они помогают достижению баланса ценностей семьи и работы и соответствующих социальных статусов женщин. Одновременно выявлено противоречие между целями социальной политики, ориентированными на первоочередную поддержку многодетных семей, и их восприятием женщинами с одним или двумя детьми.

Ключевые слова: социальные статусы женщин, восприятие ценностей семьи и труда, государственная социальная политика, баланс ценностей, семья, карьера, Беларусь

Для цитирования: Титаренко Л. Г. Восприятие белорусскими женщинами своего социального статуса и ценностей труда и семьи // Женщина в российском обществе. 2025. № 1. С. 62—76.

Original article

BELARUSIAN WOMEN'S PERCEPTION OF THEIR SOCIAL STATUS AND WORK AND FAMILY VALUES

Larisa G. Titarenko

Belarusian State University, Minsk, Republic of Belarus, larisa166@mail.ru

Abstract. Despite the complex political and economic factors influencing the modern development of the Republic of Belarus, the tasks of maintaining a decent standard of living for the population and certain social groups (the poor, families with children and youth) remain a priority. In these conditions, it is important to study how modern development of society has changed women's perception of family and work values, creating the need to choose between them or actualizing the search for their balance. The perception of basic values is directly related to women's assessment of the significance of their social statuses in the family and work as equally important for self-realization. The study aims to find out to what extent Belarusian society influences women's assessment of their social status and family and work values. The author collected empirical data using in-depth interviews with 29 married women living in the Belarusian capital, where the birth rate is below the national average. A comparison of the obtained qualitative information with statistical data and mass quantitative surveys previously conducted in Belarus shows how the perception of the social status of professionally employed women with families is changing, and what government policy measures have a positive impact on maintaining a balance of basic values and statuses of women in the family and work. The article concludes that women positively assess measures of social support for families from the state, as they help achieve a balance of family and work values and the social status of women. The author also identified a contradiction between the goals of social policy aimed at providing priority support to large families, and how women with one or two children perceive this.

Key words: social status of women, perception of family and work values, state social policy, balance of values, family, career, Belarus

For citation: Titarenko, L. G. (2025) Vospriatie belorusskimi zhenshchinami svoego sotsial'nogo statusa i tsennostei truda i sem'i [Belarusian women's perception of their social status and work and family values], *Zhenshchina v rossiiskom obshchestve*, no. 1, pp. 62—76.

Введение

Современный мир переживает сложные времена, характеризующиеся кризисами в разных сферах жизнедеятельности — экономике, геополитике, культуре, экологии, демографии. Поскольку Беларусь является частью глобального мира, она в полной мере испытывает на себе влияние этих кризисов и их последствий. Несмотря на то что правительство предпринимает всевозможные меры

по поддержанию уровня жизни населения и демографической безопасности [Об утверждении Программы... , 2021; Храмцова, 2017], ситуация остается непростой: рождаемость в Беларуси не растет, а рынок труда характеризуется дефицитом работников. Проблема поддержания достойного уровня и качества жизни семей с детьми осложняется тем, что молодое поколение женщин, воспитанное на образцах и идеалах потребительского общества, а также на абстрактном понимании идеи равенства, прежде всего стремится получить хорошее образование и начать строить карьеру, чтобы добиться экономической независимости и достойного социального статуса в обществе [Динамика ценностно-нормативной системы... , 2014; Ценностные ориентации... , 2010]. Приоритетные ориентации молодежи на карьеру и саморазвитие обуславливают более позднее вступление в брак и малодетность, преобладающую в Беларуси. По данным переписи населения 2019 г., 43 % семей имели детей моложе 18 лет: 9 % — троих, 33,5 % — двоих, 57,5 % — одного ребенка. Для многих молодых людей выбор между семьей и работой решается в пользу работы. Важность вопроса возрастает ввиду того, что схожие проблемы характерны и для других стран, которые также нуждаются в поиске их решения. Белорусские ученые под разным углом зрения анализировали изменения в жизненных ориентациях молодого поколения [Смирнова, Зайцева, 2019], репродуктивном поведении женщин [Беларусь: структура семьи... , 2018], исследовали проблемы сохраняющегося дисбаланса социальных ролей женщин в семье и труде [Соколова, 2015; Матвеева, 2018], а также общие вопросы неравенства статусов мужчин и женщин [Титаренко, 2004]. Не менее важным является изучение того, как эти проблемы воспринимаются самими женщинами, какую помощь они ожидают от государства. Это пока недостаточно исследовано. Теоретико-методологической основой для сравнения восприятия статусов и ценностей женщин была выбрана теория второго демографического поворота, согласно которой количество детей в семье в современном обществе уменьшается под влиянием объективных факторов, и теория трансформации ценностей Р. Инглхарта, доказавшего наличие постоянно происходящих их изменений в обществе вместе со сменой поколений.

Достижение баланса социальных статусов и ценностей семьи и труда связано с реальным противоречием, которое наблюдается в современных условиях. С одной стороны, давно провозглашен принцип равноправия, закрепляющий равные права женщин и мужчин, в частности в сферах труда и семьи. С другой стороны, сохраняются традиционные стереотипы, поддерживаемые многими СМИ, относительно социальных ролей женщины и даже обосновывается «естественность» профессиональных неравенств (женский и мужской рынки труда, «стеклянный потолок» и т. п.). В отношении семьи идет активная пропаганда ценности женщины-матери, а ее профессиональная самореализация выведена на второй план. Это не только религиозная пропаганда, но и социологические работы, исходящие из необходимости повышения рождаемости [Антонов, 2009]. Однако тенденция снижения рождаемости является объективной, поэтому нужен поиск новых способов материальной и иной поддержки семьи и женщины со стороны государства.

Качественное эмпирическое исследование, проведенное в 2024 г. методом глубинного интервью, было ориентировано на анализ восприятия ценностей семьи и работы семейными женщинами. Поскольку Минск является самым крупным

городом страны с самым молодым населением и самой низкой рождаемостью (по Минску коэффициент рождаемости в пересчете на 1 тыс. человек составлял 9,9, а средний показатель по Беларуси — 10,8), информантки были выбраны именно из Минска. Отметим, что из 9,2 млн человек населения страны 7,2 млн проживают в городах, что делает актуальным изучение поставленной проблемы для городского населения. Интервью проводились дома у информанток после получения предварительного согласия. Возраст женщин составлял от 30 до 50 лет, все были замужем и имели детей: семь женщин — одного ребенка, столько же — трех детей, остальные — двух. Все женщины имели высшее образование, что также связано, во-первых, с высоким уровнем образования женщин в целом (среди данной возрастной группы женщины с высшим образованием составляют более 50 %), во-вторых, с более низкой рождаемостью именно в этой социальной группе. Данные обрабатывались вручную.

Полученные результаты сопоставлялись с отдельными результатами репрезентативного исследования населения «Поколение и гендер», проведенного в Беларуси опросным методом (первая волна реализована в 2017 г., участвовало 9944 человека от 18 лет и старше, вторая — в 2023 г., участвовало 2700 человек), в процессе которого среди прочих вопросов изучались проблемы восприятия женщинами их социальных статусов в семье и труде. Статистическая обработка данных осуществлена в системе SPSS. В статье применялись сопоставимые данные за 2023 г. Второе используемое исследование проведено под руководством автора в 2014 г., оно было направлено на изучение ценностных ориентаций студенческой молодежи; опрошено 600 студентов 18—21 года (237 мужчин и 363 женщины), статистическая обработка осуществлялась в системе SPSS*. Обозначенные исследования интересны для частичного сравнения трансформации установок населения в отношении статусных позиций женщин и мужчин в сферах семьи и труда в зависимости от условно выделенных поколений (молодежь, средний и старший возрасты), образования и года проведения замеров, а также для выявления общего восприятия семейных статусов мужчин и женщин.

Цель статьи — показать восприятие белорусскими женщинами разных возрастных групп возможности совмещения основных социальных статусов (семейного и трудового) и реализации соответствующих ценностей.

В связи с поставленной целью изучалась оценка женщинами факторов, которые позитивно влияют на достижение баланса основных статусов и ценностей. К числу таких факторов отнесены государственная политика в области семьи, поскольку она в некоторой мере призвана способствовать сбалансированности социальных статусов и базовых ценностей семейных женщин, а также эгалитарное разделение обязанностей в семье. Отметим, что ценности труда и семьи остаются главными, судя по результатам большинства исследований ценностей, проведенных в Беларуси [Титаренко, 2004; Беларусь: структура

---

* Данные второй волны исследования «Поколение и гендер», где имелись вопросы о статусах и семейных ролях мужчин и женщин, пока не обнародованы, доступны только результаты, представленные в пресс-релизе [Ковальков: «В белорусском обществе...», 2024]. Материалы исследований 2014 и 2024 гг. также не опубликованы и хранятся в архиве автора статьи.

семьи... , 2018], они сохраняют высокие позиции, несмотря на растущее влияние глобальных и локальных факторов развития общества.

Исследовательская проблема состояла в том, чтобы выявить различия в восприятии своего социального статуса и базовых ценностей у белорусских женщин, принадлежащих к разным поколениям и/или имеющих разное количество детей. Новизна предлагаемого подхода состоит в том, что сравниваются имеющиеся результаты массовых опросов студенческой молодежи и всего населения, реализованных в Беларуси ранее, и результаты глубинных интервью, проведенных в 2024 г. с семейными женщинами, имеющими детей. Поскольку последнее исследование было качественным и нерепрезентативным для женского населения страны, его результаты можно использовать только для определения общих тенденций изменений восприятия статусов и ценностей женщин в большом современном городе.

Статусные позиции женщин

Ученые справедливо отмечают, что в настоящее время статусные позиции женщин обладают противоречивыми характеристиками [Хасбулатова, Смирнова, 2023]. Женщины имеют высокий уровень общего и профессионального образования, включая высшее. Они активно занимаются малым и средним бизнесом. Однако достигнутые ими статусные позиции не привели к уравниванию социально-экономического статуса женщин и статуса мужчин. Основное препятствие — более низкие доходы большинства профессионально занятых женщин, а также женщин-пенсионерок. Общий уровень вовлечения женщин в профессиональное и государственное управление не высок, причина тому не нежелание женщин, а различные препятствия, самостоятельно преодолевать которые очень трудно. Среди них сохраняющиеся и косвенно поддерживаемые в СМИ стереотипы; семья, основное бремя которой традиционно перекладывается на женщин; рождение детей, зачастую тормозящее карьеру женщин. На этом основании сделан вывод, что за все годы российской государственности статусные позиции женщин не достигли уровня статусных позиций мужчин. Обозначены проблемы российского общества, характерные и для Беларуси: несмотря на высокий уровень государственной поддержки семей с детьми, женщинам трудно совмещать статусы работника и матери и при этом чувствовать свою социальную значимость в такой же степени, как мужчины [там же].

Двойственная позиция в отношении женщин сохраняется и в международных индексах, которые измеряют уровень развития и равенства мужчин и женщин. Так, по индексу гендерного развития Беларусь достигла высоких показателей (2017 г. — пятое место в мире), тогда как по индексу гендерного неравенства (2022 г.) она находится на 29-м месте [Рейтинг стран мира... , 2024]. Важно подчеркнуть, что даже при идеальной методике и корректной реализации всех необходимых замеров показателей, включенных в индексы, они не дают полной картины, не могут отразить уровень гендерного равенства/неравенства, характерный для повседневной жизни населения стран, с учетом их исторической специфики. В то же время реальная практическая ситуация с социальными статусами женщин и мужчин вполне адекватно воспринимается людьми, живущими в Беларуси, даже незнакомыми с индексами. Она остается противоречивой,

поскольку включает как современные оценки и ориентации женщин, так и традиционные стереотипы.

Являющиеся основными семейный и трудовой статусы женщин отличаются от статусов мужчин. Во-первых, в семье традиционно считается возможным перекладывать заботу о детях и домашнем хозяйстве на женщину, тем самым как бы освобождая мужчину от домашнего труда. Если в крестьянской среде это имело оправдание в экономическом разделении труда вне дома, то в современной городской среде является пережитком, который ограничивает возможности для женщины как в домашней коммуникации с детьми, так и в установлении равноправных и доверительных отношений с мужем. Однако такая ситуация воспринимается многими женщинами (особенно старшего возраста) как нормальная: по данным опроса, проведенного Институтом социологии НАН Беларуси в 2023 г. (выборка 1847 человек), на ведение домашнего хозяйства и уход за детьми семейные женщины тратят в два раза больше времени, чем мужчины, хотя при этом 89 % женщин удовлетворены распределением обязанностей в их семьях [Порядка 45 % белорусов... , 2023].

Во-вторых, социальные статусы в трудовой сфере, судя по разнице в оплате одинакового труда мужчин и женщин, также не равны. Как утверждает З. А. Хоткина, в обоих случаях проблема неравенства социальных статусов женщин и мужчин основана на их социально-экономических неравенствах [Хоткина, 2023]. Необходимо учитывать разницу между имеющимся неравенством статусов и его осознанием женщинами. Поскольку ценности не коррелируют напрямую с социально-экономическими проблемами, женщины могут ощущать свою значимость в семье и сфере труда даже в тех случаях, когда объективно их статусы и статусы мужчин не равны. Кроме того, общество постоянно меняется, а вместе с ним изменяются и статусы.

Автор исходил из того, что вербальные оценки основных жизненных ценностей, замеренные в опросах, а также статистика могут не совпадать с реальным массовым поведением женщин и мужчин. Иначе говоря, восприятие людьми своего статуса, своих жизненных целей и возможностей их достижения не совпадает с идеальными представлениями об этих целях. Так, из множества исследований ценностей известно, что в Беларуси ценность семьи занимает среди них первое место и многие респонденты высоко оценивают наличие детей в семье [Титаренко, 2004; Ковальков: «В белорусском обществе...», 2024]. Труд в постсоветское время несколько снизил свои рейтинговые позиции, но остался в числе важных ценностей, в последние годы ценность труда даже повысилась [Матвеева, 2018].

Молодежь, по данным исследований, оценивает семью так же высоко, как и другие поколения. Однако в реальной жизни молодые люди, подверженные больше влиянию ценностей модерна, нежели традиционализма, хотели бы совмещать семью с собственной карьерой [Смирнова, Зайцева, 2019]. Поиск гармоничного соединения ценностей семьи, работы, карьеры осуществляется каждым молодым человеком индивидуально. Молодежь не спешит вступать в официальный брак и иметь детей [Артёменко, 2020], предпочитая внебрачные отношения, не накладывающие юридической ответственности за партнера или детей. Подобные ориентации вряд ли свидетельствуют о том, что семья теряет свою

ценность, скорее, они демонстрируют стремление молодых людей (прежде всего женщин) реализовать себя сначала в других сферах, а не только в семье. Возможно, они также показывают нежелание молодежи ограничивать свою свободу выбора необходимостью считаться с интересами семьи. Результаты, полученные в белорусских исследованиях, сходны с результатами ряда опросов, проведенных российскими учеными [Ростовская и др., 2023]. Что касается работы, то молодежь, естественно, изначально настроена на хорошо оплачиваемую деятельность, которая позволит приобрести полную экономическую самостоятельность и самореализоваться в профессии. Отметим, что на белорусском рынке труда преобладают женщины, 59 % женщин работают [Занятость... , 2022].

Найти хорошую работу, приносящую чувство удовлетворенности, определить удачные пути совмещения карьерного продвижения с семейными отношениями нелегко. Решение этой проблемы зависит от многих факторов, оказывающих влияние на сознание и поведение женщин. Можно предположить, что расхождение между вербальными оценками и реальным жизненным выбором женщин больше зависит от состояния социально-экономической среды, от массовой культуры социального окружения, в целом от сложившейся в обществе ситуации на микро- и макроуровне (устойчивое развитие или риск и нестабильность). Данный дисбаланс сильнее влияет на оценку ценности семьи: на вербальном уровне это высшая ценность, невысказанная без брака и детей [Титаренко, 2022]; в реальности широко практикуется сожительство без регистрации брака, растет количество разводов и падает уровень рождаемости [Рождаемость в Беларуси... , 2023]. Несовпадение оценок и реальности возможно и потому, что оценка ценностей в ходе опросов происходит абстрактно, вне контекста жизненных обстоятельств опрашиваемого. А в реальной жизненной ситуации действует много факторов, определяющих в конечном счете решения: выходить ли замуж, рожать ли ребенка, добиваться ли карьерного роста и т. п.

В качестве примера можно привести данные опроса студентов в 2014 г., согласно которым создание семьи сразу после окончания университета планировали лишь 16,9 % студентов и 17 % студенток, тогда как 58,2 % юношей и 53,4 % девушек после завершения обучения были намерены строить карьеру. Студенты откладывают достижение семейного статуса, не отказываясь от семейных ценностей: согласно исследованию 2009 г., 66,5 % студентов и 81,4 % студенток планировали в своих будущих семьях иметь детей [Ценностные ориентации... , 2010]. Эти результаты могут свидетельствовать о противоречивости ценностных ориентаций студентов и их меркантилизации, выявленной еще в начале XXI в. [Динамика ценностных ориентаций... , 2001].

Похожая ситуация складывается в отношении работы: на вербальном уровне большинство женщин, судя по исследованиям, поддерживают баланс ценностей семьи и работы. Работа воспринимается как средство обретения экономической самостоятельности и как необходимая среда для самореализации. Такие ответы давали практически все женщины в глубинных интервью в 2024 г. Приведем типичный ответ на вопрос, почему женщины работают:

Люблю свою работу, люблю общение на работе, хочу сама представлять какую-то социальную значимость (34 года, частный бизнес).

Женщины в возрасте 30—40 лет связывали с работой свою экономическую независимость:

100 % продолжу работать, даже если муж начнет получать в 3—5 раз больше! (40 лет, менеджер).

Женщины 45—50 лет в основном делали акцент на социальной важности работы, которая повышает и их роль в семье:

Все-таки уже 3—4 поколения женщин в нашем обществе живут по принципу равенства мужчин и женщин. А учитывая войны, именно женщина стала опорой семьи, и материальной, и энергетической. Как тут без профессии и зарабатывания денег!?! (48 лет, инженер).

Однако были выявлены и другие оценки — с акцентом на собственные потребности или на обеспечение условий для своих детей. Одна молодая мать сказала, что работает ради ребенка:

Хочется купить ребенку все самое лучшее, побаловать, купить лучшую одежду, игрушки, вкусняшки (32 года, ИП).

При ответе на вопрос о гармоничном совмещении работы и семьи все респондентки подчеркнули важность выполнения домашней работы и ухода за детьми совместно с мужем, а если возможно — и с помощью других членов семьи. Такого мнения придерживались и те, чьи дети уже выросли, и матери дошкольников. Женщина 34 лет пояснила свою позицию так:

В нашем обществе все еще есть предвзятости, но в нашей семье мы стараемся не следовать этим стереотипам и делать все вместе.

Ни одна женщина не жаловалась на мужа, поскольку в семьях был общий подход: выполнять домашние дела сообща, планировать распределение обязанностей, не перекладывать их друг на друга. Эгалитарное распределение домашнего труда воспринимается как важный фактор совмещения базовых статусов и ценностей женщин.

Анализ материалов интервью позволяет сделать вывод о высокой значимости и семейного, и трудового статуса для женщин среднего возраста, принявших участие в исследовании. Поиск баланса осуществлялся информантками не только с учетом материальных мотивов (пособия государства на детей), но и через систему оценки значимости своей профессиональной деятельности, обратной связи от окружающих, нравственного саморазвития, определения своего места в структуре социальных отношений. Всевозрастающая ценность семьи в жизни информанток позволяет им более четко разграничивать семейную сферу и сферу труда, равномерно вписывая их в процесс своей жизнедеятельности.

С возрастом, как показали интервью с семейными женщинами, они в большей степени осознавали ценность семейного статуса, чем молодые незамужние студентки, хотя отказываться от работы семейные женщины не собирались, поскольку именно вне дома могли себя реализовать в общественно значимой деятельности, не говоря уже о том, что «вносить свою лепту в бюджет семьи» также всегда было важно. Можно сказать, что современное восприятие женщинами их основных статусов позволяет считать: успешная «двойная» самореализация повышает восприятие женщиной себя как состоявшейся личности.

Баланс семейных и трудовых ценностей

Как отмечалось выше, внимание молодого поколения, представленного в исследованиях студентами, сфокусировано прежде всего на будущей карьере. Так, в исследовании 2014 г. самые высокие оценки были даны ценностям работы, материального благополучия и личной свободы: *интересная, творческая работа* (91,3 %), *материальное благополучие* (92,6 %), *образованность* (91,8 %), *семейное благополучие* (93,3 %), *здоровье* (95,5 %), *возможность развития, реализации своих способностей, талантов* (94,7 %) и *личная свобода, независимость в суждениях и действиях* (92,7 %). Молодежь обоих полов была уверена, что карьере надо строить сразу, тогда как семья может и подождать. Приведенные оценки фактически не отличались у опрошенных девушек и юношей.

Однако такие ценностные ориентации не доминируют в белорусском обществе в целом. В международном исследовании «Поколение и гендер» среди прочих вопросов выяснялись оценки социальных статусов женщин и мужчин и их ценностные ориентации [Методология... , 2017]. Результаты опроса 2017 г. были опубликованы в двух томах. В ходе второй волны исследования, проведенного в 2023 г., по-прежнему изучались оценки респондентов в отношении статусов женщин и мужчин и их демографическое поведение с учетом поколений. Главным результатом было признано поддержание белорусами ценности института брака (за него высказались 88 % опрошенных), однако касательно социальных статусов мнения женщин и мужчин несколько разошлись. На презентации данных второй волны исследования, прошедшей 1 июля 2024 г., были озвучены следующие результаты [Ковальков: «В белорусском обществе...», 2024].

Во-первых, несмотря на общую поддержку ценности детей, тезис о том, что только при их наличии мужчина или женщина может считать себя состоявшейся личностью, не получил полной поддержки. Разница в ответах в отношении мужчин и женщин была небольшой (не согласились с этой позицией в отношении женщин 27,4 % опрошенных, в отношении мужчин — 29,9 %, согласились 48 и 43 % соответственно).

Во-вторых, 81,4 % респондентов утверждали, что высшее образование одинаково необходимо и женщине, и мужчине (в 2017 г. — 76,1 %), разница в отношении полов составила 2 %.

В-третьих, 64,8 % ответили, что иметь работу равно необходимо и для женщин, и для мужчин (хотя 33 % все же высказались в пользу мужчин). Для сравнения: в 2017 г. за равенство высказались 62 % респондентов. Можно считать, что сегодня почти две трети населения поддерживает эту позицию.

В-четвертых, 54,2 % согласились, что забота о доме и детях равно важна для женщин и мужчин, однако более 40 % опрошенных посчитали ее более важной для женщин, что свидетельствует об устойчивости данного стереотипа. В 2017 г. за равенство высказались 55,1 % (разница в пределах ошибки выборки).

В-пятых, при ответе на вопрос, кто лучше справляется с заботой о маленьких детях, только 26,4 % поддержали равенство (в 2017 г. — 22 %), около 3 % отдали первенство мужчинам (в 2017 г. — 2 %), а остальные высказали стереотипное мнение, что женщины лучше заботятся о маленьких детях.

В-шестых, 78 % высказались нейтрально или не согласились с тезисом, что ребенок дошкольного возраста страдает, если его мать работает.

Таким образом, в отдельных аспектах проблемы социальных статусов женщин и мужчин в семье значительная часть населения поддерживает стереотипы (особенно о детях), тогда как в других аспектах превалирует более современная, взвешенная точка зрения. Проблема заключается в том, что если женщина работает, то она одна не может заботиться о ребенке, даже когда теоретически она лучше знает, как это делать: нужна поддержка семьи, а в идеале — равная забота обоих родителей. Только равное распределение семейных обязанностей позволяет женщинам иметь работу и заботиться о семье и детях.

Государственная политика в отношении семей с детьми в Беларуси включает разовые выплаты на первого ребенка в размере 10 бюджетов прожиточного минимума и 14 на последующих детей. Нигде в мире, кроме Беларуси, женщины не имеют трехлетнего отпуска по уходу за ребенком с правом работы на полставки при сохранении пособия. С 2015 г. осуществляется программа семейного капитала для многодетных семей с тремя и более детьми. Если в начале действия программы таких семей было 63 тыс., то сейчас их более 120 тыс. В республике широко отмечается День матери, День отца, Неделя родительской любви, День дедушек и бабушек. Имеются дополнительные льготы для многодетных семей, одиноких матерей и детей-инвалидов. Все эти меры направлены на то, чтобы предоставить женщинам практическую возможность успешно совмещать трудовые и семейные обязанности и чувствовать, что их вклад в трудовую деятельность высоко оценивается наряду с рождением и воспитанием детей. При таком подходе женщины могут воспринимать ценности семьи и труда как одинаково необходимые для полноценной жизни. Главная же цель данной политики — стимулировать рост рождаемости.

Государственная поддержка семей с детьми в общем оценивалась женщинами, участвовавшими в глубинных интервью в 2024 г., позитивно, поскольку пособия помогают семьям решать повседневные проблемы, а семейный капитал — строить жилье, оплачивать обучение детей. Подчеркивалось, что *пособиями нужно грамотно распорядиться и понимать, за что, а главное — на что они даются*. В данном случае подразумевалась необходимость государственного контроля за семьями, где женщины расходуют пособия на себя, а не на детей. По мнению респонденток, государство не должно способствовать иждивенчеству женщин за счет детских пособий. Одновременно с этим все информантки заявили: никакая государственная материальная поддержка не заставит рожать детей. Для этого нужны нравственные ценности и осознанная потребность в детях. Статистика также показывает отсутствие роста рождаемости в городах: ни работающие женщины, ни те, которые остаются дома и занимаются только воспитанием ребенка, не рожают детей ради получения государственных бонусов. Даже те женщины, которые были готовы отдать первенство семье, не стремились иметь много детей: они просто хотели уделять семье больше времени, чем работе.

Вместе с тем все женщины подчеркнули, что государственная политика позволяет им сочетать работу и семью, помогает в воспитании детей. Приведем выдержки из интервью:

Считаю самым главным достижением в нашем государстве возможность быть с детьми 3 года в декретном отпуске, так как это в первую очередь очень важно для ребенка. Все остальные виды помощи от государства

тоже радуют. Для меня, как многодетной мамы, приятный бонус — это возможность работать 4 дня в неделю. Это очень помогает справляться с вопросами, которые сложно решить в выходные, или позволяет их разгрузить и провести больше времени в кругу семьи (39 лет, ведущий специалист).

Она же высказалась о важности поддержки мужа в домашних делах:

Муж на личном примере демонстрирует детям, что папа, как и мама, может полноценно принимать участие в любых сферах жизни своих детей. С домашними делами тоже помогает по мере возможности.

Другая респондентка подчеркнула значение работы для женщин:

Работа — это возможность не только зарабатывать собственные деньги, она выступает как один из способов для саморазвития. Это возможность общаться с другими людьми, узнавать что-то новое, быть в тонусе, быть полезной. <...> Самореализация в труде важна для любого человека, вне зависимости от пола (38 лет, предприниматель).

При обсуждении помощи одна из респонденток обратила внимание и на нематериальные льготы:

Меня, например, мой начальник сейчас отпускает к сыну на собрания, на утренники раньше отпускал. Мы сейчас в первый класс пошли, тоже много вопросов надо решать, и мне идут навстречу. <...> Мне важно быть в социуме, общаться, развиваться. Я очень ценю свою самореализацию. Мне важно получать что-то новое, с новыми людьми знакомиться. И отказаться от этого? Ради чего? Чтобы просто дома сидеть? Нет, спасибо (37 лет, сфера СМИ).

Общий вывод исследования состоит в том, что баланс социальных статусов и ценностей семьи и работы не устанавливается стихийно, это результат сознательного стремления женщин иметь и то и другое. В молодом возрасте баланс труднодостижим, что выражается в ориентации студенток на карьеру и высокий доход. В среднем возрасте совмещение статусов и ценностей практически реализуется, но в семьях преобладает малодетность. При этом участие мужа в домашних делах воспринимается как необходимое условие совмещения семейного и трудового статусов. Государственная поддержка высоко оценивается женщинами с точки зрения достижения статусно-ценностного баланса, хотя социальная политика фактически не стимулирует ожидавшегося роста рождаемости. Видимо, с учетом повысившихся ориентаций молодых женщин на карьеру, достижение социального статуса и материального благополучия до брака нужно искать и другие методы поддержки женщин.

Заключение

Опираясь на социологические исследования, проведенные в Беларуси, можно сделать вывод, что поиск баланса ценностей труда и семьи, карьеры и материнства следует искать на пути создания на предприятиях и в организациях более комфортных условий для сочетания семейных и профессиональных статусов женщин, расширения практики перехода на дистанционную работу женщин с детьми. Решение этой задачи включает значительный набор дополнительных

возможностей облегчения ухода за маленькими детьми и признания домашнего труда значимым в обществе, поскольку чисто материальные стимулы, предоставляемые государством, далеко не всегда работают в молодом и среднем поколениях женщин. Малодетные семьи считают имеющуюся поддержку недостаточной для того, чтобы семья сохраняла свой материальный уровень. Нужно создавать семьям условия для устройства ребенка в детское учреждение, где бы за ним был хороший уход, для дошкольников открывать бесплатные кружки. Такие меры явились бы дополнительным подспорьем к материальным пособиям и помогали женщинам успешно сочетать семейные и производственные обязанности. Однако было выявлено противоречие между целями государственной семейной политики, ориентированными на рост рождаемости, и восприятием женщинами государственной поддержки семьи прежде всего как помощи любой женщине в сохранении возможности работать после рождения ребенка. Такие цели в программе поддержки семьи напрямую не ставились.

Большинство женщин по-прежнему ориентированы на рождение одного ребенка, поскольку, по их мнению, в таких условиях легче поддерживать баланс семейного и трудового статусов, сохраняя достигнутый уровень жизни. Молодые незамужние девушки-студентки отдают приоритет возможности саморазвития в труде и откладывают создание семьи на будущее.

Нельзя не согласиться и с З. А. Хоткиной, которая считает, что решение проблемы сбалансированности ценностей семьи и труда связано с сокращением времени, затрачиваемого женщинами на домашнюю работу, расширением практик ответственного отцовства, повышением равенства в разделении домашнего труда [Хоткина, 2023]. Добавим, что активная пропаганда эгалитарного распределения домашней работы в семье также может сыграть важную роль в практическом достижении женщинами совмещения статусов и ценностей и росте удовлетворенности жизнью.

Список источников

- Антонов А. И.* Падение рождаемости, кризис семьи и неизбежность депопуляции в Европе в первой половине XXI века: (социологический подход) // Демографические исследования. М.: Университет, 2009. С. 68—80.
- Артёменко Е. К.* Применение фамилистского и модернистского подходов для анализа трансформации семейных ценностей белорусов // Весці Беларускага дзяржаўнага педагагічнага ўніверсітэта: штоквартальны навукова-метадычны часопіс. Сер. 2, Гісторыя. Філасофія. Паліталогія. Сацыялогія. Эканоміка. Культуралогія. 2020. № 3. С. 35—40.
- Беларусь: структура семьи, семейные отношения, репродуктивное поведение / под ред. О. Терещенко, Т. Кучера. Минск: Белсэнс, 2018. Т. 2: Анализ результатов исследования «Поколения и гендер». 189 с.
- Динамика ценностных ориентаций молодежи в трансформирующемся обществе / под ред. Е. М. Бабосова. Минск: Соврем. слово, 2001. 160 с.
- Динамика ценностно-нормативной системы и жизненные шансы: опыт постсоветской трансформации в Пограничье. Вильнюс: Европ. гуманит. ун-т, 2014. 366 с.
- Занятость в Республике Беларусь в 2022 году. Минск: Нац. стат. ком. Республики Беларусь, 2022. 67 с.

- Ковальков: «В белорусском обществе сохраняется ценность брака, и на уровне поведения, и на уровне ценностей и установок» // Министерство труда и социальной защиты Республики Беларусь. 2024. 5 июля. URL: <https://www.mintrud.gov.by/special/ru/news-ru/view/kovalkov-v-belorusskom-obschestve-soxranjaetsja-tsennost-braka-i-na-urovne-povedenija-i-na-urovne-8426-2024/> (дата обращения: 04.10.2024).
- Матвеева И.* Гендерное равенство в трудовых правоотношениях // Кадровик. Управление персоналом. 2018. № 6. С. 52—55.
- Методология и перспективы использования данных исследования «Поколения и гендер»: материалы Международной научно-практической конференции, Минск, 28 ноября 2016 г. / отв. ред. О. В. Терещенко. Минск: Альтиора Форте, 2017. 196 с.
- Об утверждении Программы социально-экономического развития Республики Беларусь на 2021—2025 годы: Указ Президента Республики Беларусь от 29 июля 2021 г. № 292 // Национальный правовой интернет-портал Республики Беларусь. URL: <https://pravo.by/document/?guid=12551&p0=P32100292> (дата обращения: 20.06.2024).
- Порядка 45 % белорусов хотят воспитывать двоих детей // РИА «Новости». 2023. 16 октября. URL: <https://news.mail.ru/society/58233945/?frommail=1> (дата обращения: 16.10.2023).
- Рейтинг стран мира по уровню гендерного неравенства // Гуманитарный портал. 2024. URL: <https://gtmarket.ru/ratings/gender-inequality-index> (дата обращения: 19.07.2024).
- Рождаемость в Беларуси ежегодно уменьшается на 10 % // Sputnik Беларусь. 2023. 3 октября. URL: <https://sputnik.by/20231003/rozhdmost-v-belarusi-ezhegodno-umenshaetsya-na-10-1079922908.html> (дата обращения: 20.06.2024).
- Ростовская Т. К., Шабунова А. А., Калачикова О. Н.* Брачно-семейные представления студенческой молодежи: по результатам авторского исследования // Женщина в российском обществе. 2023. № 3. С. 31—42.
- Смирнова Ю. С., Зайцева Ю. В.* Взаимосвязь гендерных установок и карьерных ориентаций мужчин и женщин на начальных этапах построения карьеры // Журнал Белорусского государственного университета. Философия. Психология. 2019. № 3. С. 82—90.
- Соколова Г. Н.* Механизмы адаптации белорусского рынка труда к структурным изменениям экономики // Социологические исследования. 2015. № 12. С. 111—119.
- Титаренко Л. Г.* Ценностный мир современного белорусского общества: гендерный аспект. Минск: Белорус. гос. ун-т, 2004. 205 с.
- Титаренко Л. Г.* Молодая белорусская семья: между государственной социальной политикой и влиянием ценностей демографического перехода // Женщина в российском обществе. 2022. № 3. С. 118—130.
- Хасбулатова О. А., Смирнова И. Н.* Социальный статус женщин в российском обществе (1992—2022) // Женщина в российском обществе. 2023. № 4. С. 3—19.
- Хоткина З. А.* Региональные рынки труда: неравенство возможностей женщин и мужчин // Женщина в российском обществе. 2023. № 4. С. 58—70.
- Храмцова Ф. И.* Гендерная политика в Республике Беларусь // Проблемы управления. 2017. № 4. С. 97—102.
- Ценностные ориентации белорусского студенчества: сравнительный социологический анализ (1998—2009 гг.) / под ред. П. И. Бригадина, И. В. Левицкой. Минск: Белорус. гос. ун-т, 2010. 207 с.

References

- Antonov, A. I. (2009) Padenie rozhdadnosti, krizis sem'i i neizbezhnost' depopulatsii v Evrope v pervoi polovine XXI veka: (Sotsiologicheskii podkhod) [Declining birth rate, family crisis and the inevitability of depopulation in Europe in the first half of the 21st century: (A sociological approach)], *Demograficheskie issledovaniia*, Moscow: Universitet, pp. 68—80.
- Artsiomenka, A. K. (2020) Primenenie familistkogo i modernistskogo podkhodov dlia analiza transformatsii semeinykh tsennostei belorusov [Application of familist and modernist approaches for analysis of transformation of family values of Belarusians], *Vesti Belaruskaga dziarzha'naga pedagogichnaga universiteta: Shtokvartal'ny navukova-metadychny chasopis, seryia 2, Gistoryia. Filasofiiia. Palitalogiia. Satsyialogiia. Ekonomika. Kul'turalogiia*, no. 3, pp. 35—40.
- Babosov, E. M. (ed.) (2001) *Dinamika tsennostnykh orientatsii molodzhi v transformiruiushchemsia obshchestve* [Dynamics of value orientations of young people in a transforming society], Minsk: Sovremennoe slovo.
- Brigadin, P. I., Levitskaya, I. V. (eds) (2010) *Tsennostnye orientatsii belorusskogo studenchestva: Sravnitel'nyi sotsiologicheskii analiz (1998—2009 gg.)* [Value orientations of Belarusian students: A comparative sociological analysis (1998—2009)], Minsk: Belorusskii gosudarstvennyi universitet.
- Dinamika tsennostno-normativnoi sistemy i zhiznennye shansy: Opyt postsovetsoi transformatsii v Pogranich'e* (2014) [Dynamics of the value-normative system and life chances: The experience of post-Soviet transformation in the Borderland], Vilnius: Evropeiskii humanitarnyi universitet.
- Khasbulatova, O. A., Smirnova, I. N. (2023) Sotsial'nyi status zhenshchin v rossiiskom obshchestve (1992—2022) [The social status of women in Russian society (1992—2022)], *Zhenshchina v rossiiskom obshchestve*, no. 4, pp. 3—19.
- Khotkina, Z. A. (2023) Regional'nye rynki truda: neravenstvo vozmozhnostei zhenshchin i muzhchin [Regional labor markets: inequality of opportunities for women and men], *Zhenshchina v rossiiskom obshchestve*, no. 4, pp. 58—70.
- Khramtsova, F. I. (2017) Gendernaia politika v Respublike Belarus' [Gender policy in the Republic of Belarus], *Problemy upravleniia*, no. 4, pp. 97—102.
- Koval'kov: "V belorusskom obshchestve sokhraniaetsia tsennost' braka, i na urovne povedeniia, i na urovne tsennostei i ustanovok" (2024) [Kovalkov: "The value of marriage remains at the level of behavior and at the level of values and attitudes in Belarusian society"], *Ministerstvo truda i sotsial'noi zashchity Respubliki Belarus'*, 5 iulia, available from <https://www.mintrud.gov.by/special/ru/news-ru/view/kovalkov-v-belorusskom-obshchestve-soxranjaetsja-tsenkost-braka-i-na-urovne-povedenija-i-na-urovne-8426-2024/> (accessed 04.10.2024).
- Matveyeva, I. (2018) Gendernoe ravenstvo v trudovykh pravootnosheniakh [Gender equality in labor relations], *Kadrovik. Upravlenie personalom*, no. 6, pp. 52—55.
- Poriadka 45 % belorusov khotiat vospityvat' dvoikh detei (2023) [About 45 % of Belarusians would like to raise two children], *RIA "Novosti"*, 16 oktiabria, available from <https://news.mail.ru/society/58233945/?frommail=1> (accessed 16.10.2023).
- Reiting stran mira po urovniu gendernogo neravenstva (2024) [Rating of countries in the world by level of gender inequality], *Gumanitarnyi portal*, available from <https://gtmarket.ru/ratings/gender-inequality-index> (accessed 19.07.2024).
- Rostovskaya, T. K., Shabunova, A. A., Kalachikova, O. N. (2023) Brachno-semeinye predstavleniia studencheskoi molodzhi: po rezul'tatam avtorskogo issledovaniia [Marriage and family ideas of student youth: based on the results of the authors' study], *Zhenshchina v rossiiskom obshchestve*, no. 3, pp. 31—42.

- Rozhdaemost' v Belarusi ezhegodno umen'shaetsia na 10 % (2023) [The birth rate in Belarus decreases by 10 % annually], *Sputnik Belarus'*, 3 oktiabria, available from <https://sputnik.by/20231003/rozhdaemost-v-belarusi-ezhegodno-umenshaetsya-na-10-1079922908.html> (accessed 20.06.2024).
- Smirnova, Yu. S., Zaitseva, Yu. V. (2019) Vzaimosviaz' gendernykh ustanovok i kar'ernykh orientatsii muzhchin i zhenshchin na nachal'nykh etapakh postroeniia kar'ery [The relationship of gender attitudes and career orientations of men and women at the initial stages of career building], *Zhurnal Belorusskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofii. Psikhologii*, no. 3, pp. 82—90.
- Sokolova, G. N. (2015) Mekhanizmy adaptatsii belorusskogo rynka truda k strukturnym izmeneniam ekonomiki [Mechanisms of adaptation of the Belarusian labor market to structural changes in the economy], *Sotsiologicheskie issledovaniia*, no. 12, pp. 111—119.
- Tereshchenko, O. V. (ed.) (2017) *Metodologiya i perspektivy ispol'zovaniia dannykh issledovaniia "Pokoleniia i gender"*: Materialy Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii [Methodology and prospects for using the data of the study "Generations and Gender": Materials of the International Scientific and Practical Conference], Minsk: Al'tiora Forte.
- Tereshchenko, O., Kuchera, T. (eds) (2018) *Belarus': struktura sem'i, semeinye otnosheniia, reproduktivnoe povedenie* [Belarus: family structure, family relations, reproductive behavior], vol. 2: Analiz rezul'tatov issledovaniia "Pokoleniia i gender", Minsk: Belsens.
- Titarenko, L. G. (2004) Tsennostnyi mir sovremennogo belorusskogo obshchestva: gendernyi aspekt [The value world of modern Belarusian society: a gender perspective], Minsk: Belorusskii gosudarstvennyi universitet.
- Titarenko, L. G. (2022) Molodaia belorusskaia sem'ia: mezhdru gosudarstvennoi sotsial'noi politikoii i vliianiem tsennosteii demograficheskogo perekhoda [The young Belarusian family: between the state social policy and the influence of the values of demographic transition], *Zhenshchina v rossiiskom obshchestve*, no. 3, pp. 118—130.
- Zaniatost' v Respublike Belarus' v 2022 godu* (2022) [Employment in the Republic of Belarus in 2022], Minsk: Natsional'nyi statisticheskii komitet Respubliki Belarus'.

Статья поступила в редакцию 04.11.2024; одобрена после рецензирования 18.11.2024; принята к публикации 02.12.2024.

The article was submitted 04.11.2024; approved after reviewing 18.11.2024; accepted for publication 02.12.2024.

Информация об авторе / Information about the author

Титаренко Лариса Григорьевна — доктор социологических наук, профессор кафедры социологии, Белорусский государственный университет, г. Минск, Республика Беларусь, larisa166@mail.ru (Dr. Sc. (Sociology), Professor at the Department of Sociology, Belarusian State University, Minsk, Republic of Belarus).

Женщина в российском обществе. 2025. № 1. С. 77—90.

Woman in Russian Society. 2025. No. 1. P. 77—90.

Научная статья

УДК 316.354.4(470+571+476)-057.87-055.2

EDN: <https://elibrary.ru/ouvula>

DOI: 10.21064/WinRS.2025.1.6

ЖЕНСКОЕ ЛИЦО СТУДЕНЧЕСКОГО ВОЛОНТЕРСТВА В РОССИИ И РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ

*Мария Владимировна Певная¹, Дарья Фёдоровна Телпаева¹,
Оксана Николаевна Гаврилик², Дарья Вячеславовна Минченко¹*

¹ Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б. Н. Ельцина,
г. Екатеринбург, Россия, m.v.pevnaya@urfu.ru

² Гродненский государственный университет им. Янки Купалы,
г. Гродно, Республика Беларусь

Аннотация. Исследование волонтерской деятельности белорусских и российских студенток обогащает научные представления о молодежной общественно значимой активности в близких по культурному и социально-политическому развитию странах. Целью исследования является определение характеристик и особенностей женского волонтерства в студенческой среде России и Беларуси. По результатам исследования установлено, что в России и Беларуси 72 % студенток третьего курса имеют опыт волонтерской деятельности. Природа этой активности обусловлена социальной ориентированностью студенток, их склонностью к коллективной деятельности, желанием присоединиться к различным социально значимым мероприятиям. Режимы волонтерского участия россиянок и белорусок несколько различаются по темпоральным характеристикам и мотивации. Наряду с альтруистическим мотивом и организованными условиями труда, россиянкам нужны для волонтерского участия друзья, новые знания. Для белорусских девушек внешний социальный запрос на их помощь должен чаще поддерживаться хорошей организацией и личным приглашением к участию. Данные опроса студенток показывают, что белоруски чаще молодых россиянок идентифицируют себя как вовлеченных в молодежные общественные организации. Российским студенткам свойственна фрагментарная ситуативная вовлеченность в общественный сектор. Для Республики Беларусь актуально внимание к более системной организации труда молодых девушек-волонтеров. В России следует активизировать женские общественные организации для стимулирования участия в их проектах женской части студенчества.

Ключевые слова: российское студенчество, белорусское студенчество, молодежное волонтерство, женское добровольчество

Благодарности: исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 24-48-10012 и Белорусского республиканского фонда фундаментальных исследований № Г23РНФМ-011 «Молодежь России и Беларуси о себе: экономические и социокультурные вызовы настоящего и конструирование горизонтов будущего для сотрудничества», <https://rscf.ru/project/24-48-10012/>.

Для цитирования: Певная М. В., Телепаева Д. Ф., Гаурылик О. Н., Минченко Д. В. Женское лицо студенческого волонтерства в России и Республике Беларусь // *Женщина в российском обществе. 2025. № 1. С. 77—90.*

Original article

VOLUNTEERING AMONG FEMALE STUDENTS IN RUSSIA AND THE REPUBLIC OF BELARUS

*Maria V. Pevnaya*¹, *Daria F. Telepaeva*¹, *Oksana N. Haurlyk*²,
*Daria V. Minchenko*¹

¹ Ural Federal University named after the First President of Russia B. N. Yeltsin,
Yekaterinburg, Russian Federation, m.v.pevnaya@urfu.ru

² Yanka Kupala State University of Grodno, Grodno, Republic of Belarus

Abstract. An analysis of the volunteer activity of Belarusian and Russian female students develops scientific ideas about the social activity of young people in countries with similar cultural and sociopolitical development. The purpose of the study is to determine the characteristics and features of volunteering among female students in Russia and Belarus. In Belarus and Russia, 72 % of third-year female students have volunteer experience. The results of the study showed that such activity is due to the social orientation of female students, their interest in participating in collective activities and their intention to join various socially significant events. The participation of Belarusian and Russian female students in volunteer work differs somewhat in characteristics and motivation. Along with altruistic motives and organized working conditions, Russian female students need friends and new knowledge for volunteer participation. Belarusian female students more often respond to personal offers to do volunteer work. Data from a survey of female students show that Belarusians female students perceive their volunteer activity as participation in social work. Russian female students are engaged in volunteer work on a temporary basis. The governing bodies of the Republic of Belarus consider it important for female students to engage in volunteer work. In Russia, it is advisable to actively promote women's public organizations to increase the participation of female students in their projects.

Key words: Russian students, Belarusian students, youth volunteering, women in volunteering

Acknowledgments: this work was supported by the Russian Science Foundation under grant № 24-48-10012 and the Belarusian Republican Foundation for Fundamental Research № Г23РНФМ-011 “The youth of Russia and Belarus about themselves: economic and socio-cultural challenges of the present and the construction of future horizons for cooperation”, <https://rscf.ru/en/project/24-48-10012/>.

For citation: Pevnaya, M. V., Telepaeva, D. F., Haurlyk, O. N., Minchenko, D. V. (2025) Zhenskoe litso studencheskogo volontërstva v Rossii i Respublike Belarus' [Volunteering among female students in Russia and the Republic of Belarus], *Zhenshchina v rossiiskom obshchestve*, no. 1, pp. 77—90.

Актуальность исследования и постановка проблемы

В последнее десятилетие молодежь в разных странах демонстрирует стабильно высокий уровень своей вовлеченности в волонтерство¹. Добровольчество молодежи не только планомерно встраивается в молодежную политику отдельных стран, но и становится новым трендовым направлением укрепления сотрудничества между государствами. Взаимодействие в сфере молодежного волонтерства уже является сближающим фактором для европейских стран² и стран — членов СНГ³, входит в приоритеты Союзного государства на 2024—2026 гг. ввиду популярности этой формы гражданского участия среди молодого населения России и Республики Беларусь⁴.

Добровольчество молодежи в последнее время вызывает нарастающий интерес исследователей по ряду причин. Во-первых, общественно значимая активность благотворно влияет на личностное развитие молодых граждан [Haski-Leventhal et al., 2019]. Во-вторых, она способствует профессиональному становлению молодежи [Мазанова, 2024], расширяя ее возможности на рынке труда. В-третьих, волонтерство содействует укреплению устойчивости общества, его социальному развитию за счет привлечения молодежи к решению повседневных проблем разных социальных групп, благоустройству территории своего проживания, организации социокультурной жизни, сохранению культурно-исторического наследия [Зиневич, Мелёхина, 2024].

Хотя сегодня волонтерская деятельность направлена на создание и развитие равноправной инклюзивной среды, ООН указывает на определенные расхождения в реализации добровольчества мужчинами и женщинами⁵. Выделяются общие и специфические характеристики формирования представлений о волонтерстве: девушки и юноши предпочитают включаться в социальные проекты по-разному. Во многом это обусловлено не только антропологическими особенностями, но и социально-психологическими характеристиками. При универсальной структуре культурного пространства для молодых мужчин и женщин в структуре ценностей одну из лидирующих позиций занимает ощущение собственной полезности, важности. Женская природа при этом отличается внутренней потребностью заботиться о других. В образе труда молодых женщин доминируют добросовестное отношение к труду, ответственность, взаимопомощь. Важны и возможности для творчества, коммуникации с другими людьми [Зубок и др., 2021]. Женщинам под силу преобразовывать социальную действительность

¹ Building equal and inclusive societies: 2022 state of the world's volunteerism report // UN Volunteers. URL: <https://swvr2022.unv.org/> (дата обращения: 16.11.2024).

² The power of together // European Youth Portal. URL: https://youth.europa.eu/solidarity/young-people/volunteering_en (дата обращения: 16.11.2024).

³ 2024 — год волонтерского движения // Исполнительный комитет СНГ. URL: <https://cis.minsk.by/thematic/59/2024/0> (дата обращения: 16.11.2024).

⁴ Приоритеты Союзного государства 2024—2026: молодежная повестка // Международное молодежное сотрудничество. URL: <https://intermol.su/news/priorityty-soyuznogo-gosudarstva-2024-2026-molodyezhnaya-povestka/> (дата обращения: 16.11.2024).

⁵ Gender and volunteering // Knowledge Portal on Volunteerism. URL: <https://knowledge.unv.org/theme/gender-and-volunteering> (дата обращения: 16.11.2024).

своим добровольческим участием. При его системности и регулярности на благо местных сообществ возможными становятся структурные, организационные изменения [Mateiu-Vescan et al., 2020].

Женское волонтерство всегда отличалось не только поведением волонтеров, но и содержанием их деятельности, связанным со средой организации такой активности. В некоторых направлениях проявляется запрос на мужскую физическую помощь, например в чрезвычайных ситуациях [Weller et al., 2021]. В других ценность приобретает женская эмпатия, усидчивость и чуткость, например в заботе о пожилых, детях или инвалидах [Andersen et al., 2021]. Женское волонтерство — часть организованной благотворительности, где женщины, чья мотивация по своей природе просоциальна, играют одну из важнейших ролей [Wierking et al., 2022].

Применительно к молодежному добровольчеству стоит рассматривать университетскую среду как поле организации волонтерских практик [Кисиленко, 2021], среду выражения гражданской позиции, творчества, самореализации через разные виды участия [Буякова, Малкова, 2021]. Как формируется институциональный контекст для такой деятельности (совершенствуется инфраструктура, формулируются и реализуются меры поддержки, программы стимулирования), так может и развиваться волонтерская активность, в том числе женская.

Цель исследования — определить характеристики женского волонтерства в студенческой среде России и Беларуси, оценить особенности добровольческой активности молодых россиянок и белорусок.

Характеристика эмпирических данных и метода

В статье представлены результаты опроса студенток третьего курса высших учебных заведений Свердловской области (Россия) и Гродненской области (Республика Беларусь) (N = 1660, выборка квотируется по профилю обучения респонденток). При доверительной вероятности 0,95 ошибка выборки составила менее 3 %. Основным принцип отбора респонденток — студенток третьего курса очной формы обучения — обусловлен тем, что это особая категория обучающихся девушек, адаптировавшихся в вузе, но уже серьезно задумывающихся о том, что будет после его окончания. Количественный анализ данных осуществлялся в программе IBM SPSS Statistics 22.0 методами дескриптивной статистики и корреляционного анализа. Исследование проводилось с 15 марта по 15 июня 2024 г. одновременно в Свердловской и Гродненской областях. Анкета была создана в сервисе «Яндекс.Формы» и распространялась кураторами в каждом вузе обеих стран точно в группах третьего курса очной формы обучения. В итоговую выборку вошли 1660 студенток из 12 уральских вузов и 3 вузов Гродненской области. По профилю обучения выборка включает 33 % девушек, изучающих науки об обществе, 31 % студенток, выбравших для себя гуманитарные и педагогические науки, искусство и культуру, 20 % обучающихся по инженерно-техническому профилю и 16 % по таким направлениям, как математические, естественные, медицинские и сельскохозяйственные науки.

Результаты исследования

Опыт добровольческой деятельности имеют 72 % студенток, не делали ничего за последний год в свое свободное время для незнакомых людей 28 % респонденток. По результатам опроса выявлены статистически значимые различия в горизонтах планирования между девушками, которые имеют волонтерский опыт, и теми, у кого такой опыт отсутствует. Так, в анкете был задан вопрос «Чем бы Вы хотели заниматься после окончания вуза в первую очередь?» с возможностью выбора альтернатив, если такие планы имеются, либо же с выбором варианта ответа «У меня нет планов на будущее». Среди девушек, у которых есть опыт волонтерской деятельности, меньше тех, кто не планирует свое будущее, — всего 7 %, при этом 93 % ответивших имеют представление о том, чем займутся после окончания вуза. Для девушек без опыта волонтерской деятельности характерен более ограниченный горизонт планирования: только 87 % из них представляют, что будут делать после окончания университета, в то время как 13 % опрошенных отмечают отсутствие планов на будущее.

Различия выявлены и в профессиональном самоопределении девушек с опытом волонтерской деятельности и без него. Респонденткам был задан вопрос о наличии у них отдаленной профессиональной цели. Среди девушек, у которых есть опыт волонтерской деятельности, больше тех, кто ставит перед собой такую цель (39 % опрошенных против 25 %). При этом половина студенток третьего курса, которые не имеют волонтерского опыта (51 %), затруднились ответить на данный вопрос (табл. 1).

Таблица 1

Распределение ответов российских и белорусских студенток с опытом волонтерства и без него на вопрос «Есть ли у Вас отдаленная (более 5 лет) профессиональная цель?», % от опрошенных

Вариант ответа	С опытом волонтерства		Без опыта волонтерства	
	%	N	%	N
Да	39	462	25	115
Затрудняюсь ответить	29	350	51	240
Нет	32	383	24	110
<i>Всего</i>	100	1195	100	465

В ходе изучения профессионального самоопределения девушек в анкете был задан поливариантный вопрос «Что для Вас самое важное в будущей работе?» (табл. 2). Наиболее значимыми для студенток России и Беларуси, независимо от наличия или отсутствия у них опыта волонтерства, являются возможность построить карьеру и возможность получать большой заработок, высокие доходы. Среди девушек, у которых есть опыт волонтерской деятельности, больше тех, кто отмечает для себя важность признания и уважения в профессиональном сообществе (49 % опрошенных против 34 %), достижения высокой позиции или должности (46 против 25 %), постоянного самосовершенствования (48 против 36 %), возможности принести пользу людям (49 против 39 %), а также творческий, интересный характер работы (38 против 23 %). При этом возможность реализовать свой потенциал и работать в хорошем, дружном коллективе более важны для девушек, не имеющих опыта волонтерской деятельности.

Таблица 2

**Распределение ответов российских и белорусских студенток на вопрос
«Что для Вас самое важное в будущей работе?»
в зависимости от их волонтерского опыта**

Вариант ответа	С опытом волонтерства		Без опыта волонтерства	
	%	Ранг	%	Ранг
Возможность достичь признания, уважения в профессиональном сообществе	49	3—4	34	7
Возможность занять высокий пост, должность	46	6	25	10
Возможность построить карьеру	60	1	56	1
Возможность полнее реализовать свой потенциал	27	9	38	5
Возможность получать большой заработок, высокие доходы	57	2	55	2
Возможность постоянного самосовершенствования	48	5	36	6
Возможность принести пользу людям	49	3—4	39	3—4
Возможность работать в хорошем, дружном коллективе	18	10	26	9
Хорошие условия труда	43	7	39	3—4
Высокий престиж профессии	12	13	20	13
Самостоятельность, независимость	16	11	29	8
Связь с современной техникой, новейшими технологиями	4	15	5	15
Соответствие работы моим способностям, знаниям, умениям	11	14	16	14
Творческий, интересный характер работы	38	8	23	11
Стабильность занятости	13	12	22	12

В исследовании был сформулирован вопрос, который позволил определить самоидентификацию девушек в отношении своей социальной ориентированности и общественной активности. Для этого их спросили о том, к какой из предложенных групп они себя могут отнести. Распределение ответов представлено в таблице 3.

Таблица 3

**Распределение ответов российских и белорусских студенток на вопрос
«К какой из групп Вы себя относите?» в зависимости
от их волонтерского опыта, % от ответивших**

Вариант ответа	Значение в расчете индекса	С опытом волонтерства		Без опыта волонтерства	
		%	N	%	N
Я стараюсь концентрироваться на себе и своих проблемах	1	16	193	52	233
Я иногда не против поучаствовать в общественных мероприятиях	2	65	768	38	170
Я достаточно активный участник общественных движений	3	12	145	6	30
Я состою в общественном молодежном объединении	4	5	56	3	13
Я один из лидеров общественного молодежного объединения	5	2	24	1	6
<i>Всего</i>		100	1186	100	452
Индекс общественной ориентированности		2,11		1,65	

На основе порядковой шкалы социальной ориентированности и общественной активности был рассчитан индекс общественной ориентированности девушек со значением от 1 до 5, где 1 — слабая социальная ориентация, а 5 — сильная. В подгруппе девушек-студенток с опытом волонтерской деятельности этот индекс равен 2,11, тогда как в подгруппе респонденток без соответствующего опыта значение индекса составило 1,65. Данные таблицы показывают, что именно девушки, вовлекающиеся с разной периодичностью на добровольных началах в проекты и мероприятия, направленные на помощь другим, решение проблем сообщества, общее благо, являются социальной базой общественных объединений. Они не просто более социально ориентированы, а скорее более склонны к деятельности в организованных коллективах и общественных движениях. Среди них больше, чем среди студенток без опыта работы на безвозмездной основе, тех, кто не против поучаствовать в общественных мероприятиях (65 против 38 %). Практически каждая десятая молодая россиянка или белоруска (12 %) с добровольческим опытом — уже активная участница общественных движений.

Проанализируем различия в волонтерской деятельности российских и белорусских студенток. Наиболее популярным среди россиянок является волонтерство

в творческих и культурных организациях — таким видом добровольчества занимаются 53 % опрошенных. На втором месте по популярности — волонтерство в социальных проектах (33 %), замыкает тройку лидеров спортивное добровольчество — в него вовлечены 21 % девушек. Белорусские студентки предпочитают заниматься социальным волонтерством (42 %), треть опрошенных вовлечены в творческие и культурные инициативы (30 %) и 14 % девушек участвуют в спортивном волонтерстве. Наименее популярными видами добровольчества у девушек как в России, так и в Беларуси являются экологическое и религиозное добровольчество.

При сравнении уровня общественной активности российских и белорусских студенток было установлено, что среди россиянок число участвующих в деятельности каких-либо общественных объединений значительно меньше (почти в пять раз), чем среди белорусок. На вопрос «Состоите ли Вы в каком-либо молодежном объединении?» только 8 % россиянок дали положительный ответ, среди белорусок — 55 % респонденток. Еще одно отличие между опытом волонтерства россиянок и белорусок связано с качественными характеристиками опыта волонтерского участия (табл. 4).

Таблица 4

Распределение ответов имеющих волонтерский опыт российских и белорусских студенток на вопрос «Как часто Вы занимались добровольческой деятельностью за последний год?»

Вариант ответа	Россия		Беларусь		Всего
	%	N	%	N	
Да, я постоянно работаю как волонтер (не реже 1 раза в месяц)	21,7	174	8,9	35	17,5
Да, время от времени участвую в волонтерских проектах (не реже 2—4 раз в год)	41,1	329	61,8	244	47,9
Да, участвовал случайно (1—2 раза)	37,2	298	29,3	116	34,6
<i>Всего</i>	100	801	100	395	100

При одинаковом числе вовлеченных в добровольческую деятельность девушек в сравниваемых странах белоруски чаще занимаются волонтерством эпизодически: больше половины из числа всех опрошенных (61,8 %) вовлекаются в волонтерские проекты и акции время от времени, не менее 2—4 раз в год, и только 8,9 % студенток занимаются добровольчеством достаточно регулярно. Среди российских студенток 21,7 % системно участвуют в волонтерской деятельности (не реже 1 раза в месяц), эпизодически же вовлекаются в разные проекты 41,1 % от числа опрошенных девушек. Интересно оценить отличия в мотивации выбора волонтерской деятельности российскими и белорусскими студентками (табл. 5).

Таблица 5

**Распределение ответов российских и белорусских студенток на вопрос
«При каких условиях Вы точно согласились бы стать волонтером?»,
% от числа ответов**

Мотив волонтерского участия	Россия			Беларусь		
	%	N	Рейтинг	%	N	Рейтинг
Если бы точно знал, что моя помощь нужна каким-то конкретным людям	21,6	605	2	25,4	286	1
Если бы я чему-то научился новому	18,5	517	3	14,4	162	3
Если бы у меня появились новые интересные друзья	18,3	508	4	10,8	121	4
Если бы это помогло мне в учебе	6,0	169	5	7,9	89	6
Если бы это помогло мне сделать успешную карьеру	5,6	158	6	6,7	75	7
Если бы знал, что это будет интересно и хорошо организовано	22,1	619	1	22,0	247	2
Если бы кто-то все организовал и пригласил меня поучаствовать	4,6	130	7	9,9	112	5
Ни при каких	3,3	91		2,9	33	
<i>Всего</i>	100	2797		100	1125	

Примечание. Полужирным шрифтом выделены статистически значимые различия между числом ответов российских и белорусских студенток при выборе отдельных мотивов.

Общий тренд в волонтерской мотивации российских и белорусских студенток — ее гибридизация, в рамках которой альтруистический мотив в сложной структуре мотивации начинает соотноситься с прагматическими мотивами, связанными с запросом молодежи на новые знания и определенными требованиями к организации своего труда. Однако если для белорусок альтруистическое начало волонтерской активности важно практически в каждом четвертом случае (25,4 %) и занимает первое место в рейтинге важности мотивов добровольчества, то запрос на помощь от конкретных людей мотивирует только 21,6 % россиянок и уступает первенство значимости для них хорошим условиям организации волонтерского труда. Для 18,3 % российских студенток важно социальное окружение, возможность найти новых друзей, тогда как этот запрос актуален только для 10,8 % белорусок. Для каждой десятой белорусской студентки (9,9 %) важно личное приглашение к волонтерскому участию, россиянки же выбрали данный мотив почти в два раза реже.

Внутренние социально-психологические интенции к волонтерскому участию реализуются в реальные действия в институциональной среде некоммерческого сектора, общественных движениях. Включенность в эту среду и общественная ориентированность российских и белорусских студенток в их оценках представлена в таблице 6.

Таблица 6

Распределение ответов российских и белорусских студенток на вопрос
«К какой из групп Вы себя относите?»

Вариант ответа	Значение в расчете индекса	Россия		Беларусь	
		%	N	%	N
Я стараюсь концентрироваться на себе и своих проблемах	1	26,6	293	24,6	133
Я иногда не против поучаствовать в общественных мероприятиях	2	63,9	702	43,7	236
Я достаточно активный участник общественных движений	3	5,6	61	21,3	115
Я состою в общественном молодежном объединении	4	2,0	22	8,7	47
Я один из лидеров общественного молодежного объединения	5	1,9	21	1,7	9
<i>Всего</i>		100	1099	100	540
Индекс общественной ориентированности		1,88		2,19	

Примечания. Полужирным шрифтом выделены статистически значимые различия между числом ответов российских и белорусских студенток при выборе отдельных мотивов; коэффициент сопряженности — 0,288, асимптотическое значение — 0,000.

Данные опроса показывают, что социально дезориентирована примерно четвертая часть всех студенток в сравниваемых странах — среди россиянок 26,6 %, в сообществе белорусок 24,6 %. Однако российские студентки чаще белорусских становятся ситуативными участницами мероприятий, проектов и программ молодежных организаций (63,9 против 43,7 %). Белорусские студентки чаще идентифицируют себя как активных участниц общественных движений или как являющихся их членами.

Заключение

Результаты исследования показывают, что практически трое из четырех (72 %) молодых россиянок и белорусок, получающих высшее образование, имеют опыт волонтерской деятельности. И практически каждая вторая (47 %) из этого числа занимается добровольчеством время от времени, вовлекаясь в разные социальные инициативы. Из данных нашего опроса хорошо видно, что природа этой активности обусловлена социальной ориентированностью студенток, их склонностью к организованной коллективной деятельности и желанием присоединиться к различным социально значимым мероприятиям, отдавая приоритет благотворительности через свою вовлеченность в различные мероприятия, акции и проекты в сферах культуры и социальной защиты населения.

Для девушек с опытом волонтерского участия оказалось более характерным детальное планирование своего будущего после окончания вуза по сравнению с теми респондентками, кто никогда не занимался добровольчеством. Студентки, совмещающие получение высшего образования с участием в проектах, мероприятиях, акциях волонтерской направленности, более четко видят перспективы своего развития как квалифицированного специалиста, чаще ставят перед собой профессиональную цель. Для них в будущей работе важны профессиональный рост и постоянное самосовершенствование, сочетающееся с интересным содержанием деятельности и возможностью приносить пользу другим. Посвящение времени и усилий волонтерству не только позволяет студенткам регулярно развивать свой потенциал через освоение новых знаний и навыков, но и формирует чувство принадлежности к дружному сообществу, что помогает найти дополнительную поддержку и понимание единомышленников.

Темпоральный режим волонтерского участия россиянок и белорусок несколько различается. Сообщество молодых россиянок, занимающихся волонтерством, более сегментировано. Оно включает в себя примерно одну студентку, интенсивно вовлеченную в волонтерство, к двум, занимающимся добровольческой деятельностью эпизодически. Это соотношение среди белорусских студенток, имеющих опыт волонтерского участия, составляет один к семи. Как правило, к активной волонтерской деятельности в Республике Беларусь прибегают активисты различных общественных движений, которые функционируют в университете. В то время как в России наблюдается тренд на массовое вовлечение молодежи в волонтерские проекты различного уровня и направленности вне зависимости от их принадлежности к какой-либо общественной организации.

Мотивация россиянок более разнообразна: кто-то ищет в волонтерской активности друзей, кто-то новые знания. Для белорусских девушек значимым мотивом чаще остается внешний социальный запрос на их помощь, для каждой десятой важно влияние на поддержку этого мотива со стороны в виде организации их участия и личного приглашения к нему.

Важные различия проявились и в оценках среды волонтерского участия. В Республике Беларусь в сравнении с Российской Федерацией студенческая молодежь явно лучше мобилизована для участия в общественном молодежном движении. Членство в Белорусском союзе молодежи является практически обязательным для всех университетских студентов в рамках реализации национальной молодежной политики. Данные опроса студенток показывают, что белоруски чаще молодых россиянок идентифицируют себя как вовлеченных в молодежные общественные организации, для российских же студенток характерна фрагментарная ситуативная вовлеченность в общественный сектор. Исследовательские данные хорошо показывают перспективы реализации молодежной политики в Союзном государстве, связанные с государственной поддержкой волонтерской деятельности молодежи и общественных молодежных организаций. Для Республики Беларусь актуально внимание к более системной организации труда волонтеров и высокому потенциалу волонтерской активности как общественного участия белорусских студенток. В России сегодня недооценивается ресурсность некоммерческого сектора, общественных движений, особенно стимулирования участия в них девушек. Если массовая вовлеченность

студентов в молодежные общественные движения порождает ситуативность благотворительной активности российских студенток, то прогрессивный характер деятельности женских организаций [Хасбулатова, 2019] может быть реализован при вовлечении в них молодых россиянок, студенток в рамках не только обозначенных направлений развития женского движения в нашей стране, но и реализации молодежной политики.

Список источников

- Буякова К. И., Малкова И. Ю. Волонтерство как форма организации образовательной деятельности в контексте третьей миссии университета // Высшее образование в России. 2021. № 8—9. С. 69—79.
- Зиневич О. В., Мелёхина Е. А. Российское студенческое волонтерство в контексте целей и ценностей устойчивого развития // Высшее образование в России. 2024. № 3. С. 104—125.
- Зубок Ю. А., Чупров В. И., Сорокин О. В. Смысловая саморегуляция жизнедеятельности молодежи: гендерные различия в сфере труда // Женщина в российском обществе. 2021. Спец. вып. С. 38—59.
- Кисиленко А. В. Ценностные основания волонтерских практик российской молодежи // Научный результат. Социология и управление. 2021. № 3. С. 82—89.
- Мазанова А. Е. Структура поля волонтерства в медицинских вузах России // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. Сер.: Социальные науки. 2024. № 1. С. 135—144.
- Хасбулатова О. А. Женское движение в современной России // Женщина в российском обществе. 2019. № 3. С. 14—26.
- Andersen D., Toubøl J., Carlsen H. Imposed volunteering: gender and caring responsibilities during the COVID-19 lockdown // *The Sociological Review*. 2021. Vol. 70, iss. 1. P. 39—56.
- Haski-Leventhal D., Paull M., Young S. et al. The multidimensional benefits of university student volunteering: psychological contract, expectations, and outcomes // *Nonprofit and Voluntary Sector Quarterly*. 2019. Vol. 49, iss. 1. P. 113—133.
- Mateiu-Vescan R., Ionescu T., Opre A. Reconsidering volunteering: individual change as a result of doing good for others // *Voluntas: International Journal of Voluntary and Nonprofit Organizations*. 2021. Vol. 32, № 1. P. 1213—1227.
- Weller S. L., Clarke C. A., Brown A. D. Volunteering masculinities in search and rescue work: is there “a place for girls on the team”? // *Gender, Work & Organization*. 2021. Vol. 28, iss. 2. P. 558—574.
- Wiepking P., Einolf C., Yang Y. The gendered pathways into giving and volunteering: similar or different across countries? // *Nonprofit and Voluntary Sector Quarterly*. 2022. Vol. 52, iss. 1. P. 5—28.

References

- Andersen, D., Toubøl, J., Carlsen, H. (2021) Imposed volunteering: gender and caring responsibilities during the COVID-19 lockdown, *The Sociological Review*, vol. 70, iss. 1, pp. 39—56.
- Buyakova, K. I., Malkova, I. Yu. (2021) Volontërstvo kak forma organizatsii obrazovatel'noi deiatel'nosti v kontekste tret'eï missii universiteta [Volunteering as a form of students' activities in the context of the university's third mission], *Woman in Russian Society*, no. 8—9, pp. 69—79.

- educational activities in the context of the university's third mission], *Vysshee obrazovanie v Rossii*, vol. 30, no. 8—9, pp. 69—79.
- Haski-Leventhal, D., Paull, M., Young, S. et al. (2019) The multidimensional benefits of university student volunteering: psychological contract, expectations, and outcomes, *Nonprofit and Voluntary Sector Quarterly*, vol. 49, iss. 1, pp. 113—133.
- Khasbulatova, O. A. (2019) Zhenskoe dvizhenie v sovremennoĭ Rossii [Women's movement in modern Russia], *Zhenshchina v rossiĭskom obshchestve*, no. 3, pp. 14—26.
- Kisilenko, A. V. (2021) Tsennostnye osnovaniia volonterĭskikh praktik rossiĭskoi molodĕzhi [Value foundations of volunteer practices of Russian youth], *Nauchnyĭ rezul'tat. Sotsiologĭia i upravlenie*, no. 7, pp. 82—89.
- Mateiu-Vescan, R., Ionescu, T., Opre, A. (2020) Reconsidering volunteering: individual change as a result of doing good for others, *Voluntas: International Journal of Voluntary and Nonprofit Organizations*, vol. 32, no. 1, pp. 1213—1227.
- Mazanova, A. E. (2024) Struktura polia volonterstva v meditsinskikh vuzakh Rossii [Structure of the volunteering field in Russian medical universities], *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta imeni N. I. Lobachevskogo, seriia Sotsial'nye nauki*, no. 1, pp. 135—144.
- Weller, S. L., Clarke, C. A., Brown, A. D. (2021) Volunteering masculinities in search and rescue work: Is there “a place for girls on the team”?, *Gender, Work & Organization*, vol. 28, iss. 2, pp. 558—574.
- Wiepking, P., Einolf, C., Yang, Y. (2022) The gendered pathways into giving and volunteering: similar or different across countries?, *Nonprofit and Voluntary Sector Quarterly*, vol. 52, iss. 1, pp. 5—28.
- Zinevich, O. V., Melekhina, E. A. (2024) Rossiĭskoe studencheskoe volonterstvo v kontekste tselei i tsennostei ustoichivogo razvitiia [Russian university students' volunteering within the framework of sustainable development goals and values], *Vysshee obrazovanie v Rossii*, vol. 33, no. 3, pp. 104—125.
- Zubok, Yu. A., Chuprov, V. I., Sorokin, O. V. (2021) Smyslovaia samoregulatsiia zhiznedeiatel'nosti molodĕzhi: gendernye razlichii v sfere truda [Meanings in self-regulation of young people's life: gender differences in the labor sphere], *Zhenshchina v rossiĭskom obshchestve*, spec. iss., pp. 38—59.

Статья поступила в редакцию 20.12.2024; одобрена после рецензирования 17.01.2025; принята к публикации 30.01.2025.

The article was submitted 20.12.2024; approved after reviewing 17.01.2025; accepted for publication 30.01.2025.

Информация об авторах / Information about the authors

Певная Мария Владимировна — доктор социологических наук, доцент, заведующая кафедрой социологии и технологий государственного и муниципального управления, Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б. Н. Ельцина, г. Екатеринбург, Россия, m.v.pevnaya@urfu.ru (Dr. Sc. (Sociology), Associate Professor, Head of the Department of Sociology and Public and Municipal Administration Technologies, Ural Federal University named after the First President of Russia B. N. Yeltsin, Yekaterinburg, Russian Federation).

Теленаева Дарья Фёдоровна — кандидат социологических наук, доцент кафедры социологии и технологий государственного и муниципального управления, Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б. Н. Ельцина,

г. Екатеринбург, Россия, daria.telepaeva@urfu.ru (Cand. Sc. (Sociology), Associate Professor at the Department of Sociology and Public and Municipal Administration Technologies, Ural Federal University named after the First President of Russia B. N. Yeltsin, Yekaterinburg, Russian Federation).

Гаврилик Оксана Николаевна — кандидат социологических наук, доцент кафедры политологии и социологии, Гродненский государственный университет им. Янки Купалы, г. Гродно, Республика Беларусь, gavrilik_on@grsu.by (Cand. Sc. (Sociology), Associate Professor at the Department of Political Science and Sociology, Yanka Kupala State University of Grodno, Grodno, Republic of Belarus).

Минченко Дарья Вячеславовна — ассистентка кафедры социологии и технологий государственного и муниципального управления, Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б. Н. Ельцина, г. Екатеринбург, Россия, minchenkodarya@yandex.ru (Assistant at the Department of Sociology and Public and Municipal Administration Technologies, Ural Federal University named after the First President of Russia B. N. Yeltsin, Yekaterinburg, Russian Federation).

Женщина в российском обществе. 2025. № 1. С. 91—99.

Woman in Russian Society. 2025. No. 1. P. 91—99.

Научная статья

УДК 316.35:297(470.41)

EDN: <https://elibrary.ru/ospmkr>

DOI: 10.21064/WinRS.2025.1.7

ЖЕНЩИНА В ХИДЖАБЕ: СОЦИОКУЛЬТУРНЫЙ АНАЛИЗ ВЗГЛЯДОВ СТУДЕНЧЕСКОЙ МОЛОДЕЖИ ТАТАРСТАНА

*Аделя Ильхамовна Байамонте (Саттарова),
Раиль Равилович Фахрутдинов, Рамиль Васильевич Кадыров*

Институт международных отношений, истории и востоковедения,
Казанский (Приволжский) федеральный университет,
г. Казань, Республика Татарстан, Россия, satadel@inbox.ru

Аннотация. Статья посвящена проблеме формирования толерантного отношения студенческой молодежи Республики Татарстан к женщинам в исламе, носящим хиджаб. На основе итогов социологического опроса студентов вузов и средних специальных учебных заведений в 2013, 2018 и 2024 гг. сделан вывод о положительной динамике взглядов студенчества на сложившиеся в республике межэтнические и межконфессиональные отношения. Дальнейшему развитию благоприятной этноконфессиональной среды в Татарстане может способствовать участие молодежи в различных добровольческих, волонтерских, патриотических проектах российского и международного масштаба.

Ключевые слова: женщина в исламе, Республика Татарстан, хиджаб, этноконфессиональные отношения, толерантность молодежи

Для цитирования: *Байамонте (Саттарова) А. И., Фахрутдинов Р. Р., Кадыров Р. В. Женщина в хиджабе: социокультурный анализ взглядов студенческой молодежи Татарстана // Женщина в российском обществе. 2025. № 1. С. 91—99.*

Original article

TATARSTAN STUDENTS' VIEWS ON WOMEN WEARING HIJAB: A SOCIOCULTURAL ANALYSIS

*Adel I. Bayamonte (Sattarova), Rail R. Fakhrutdinov,
Ramil V. Kadyrov*

Institute of International Relations, History and Oriental Studies,
Kazan (Volga Region) Federal University,
Kazan, Republic of Tatarstan, Russian Federation, satadel@inbox.ru

Abstract. The article is devoted to the issue of fostering tolerance among students in the Republic of Tatarstan towards women in Islam who wear hijabs. Based on the results of a sociological survey of university and vocational college students in 2013, 2018 and 2024, the authors concluded that there is a positive trend in students' views on existing interethnic and interfaith relations in Tatarstan. The further development of favorable ethno-confessional relations in Tatarstan can be facilitated by the participation of young people in various volunteer, international and patriotic projects in Russia and abroad.

Key words: women in Islam, Republic of Tatarstan, hijab, ethno-confessional relations, tolerance among youth

For citation: Bayamonte (Sattarova), A. I., Fakhrutdinov, R. R., Kadyrov, R. V. (2025) Zhenshchina v khidzhabe: sotsiokul'turnyĭ analiz vzgliadov studencheskoĭ molodĕzhi Tatarstana [Tatarstan students' views on women wearing hijab: a sociocultural analysis], *Zhenshchina v Rossiĭskom obshchestve*, no. 1, pp. 91—99.

Цель исследования

Республика Татарстан является многоконфессиональным регионом Российской Федерации, где более половины населения исповедует ислам. Веками на этой территории жили представители разных конфессий и культур, которые с уважением относились как к исламу, так и к христианской конфессии. До сих пор приверженцы мусульманской конфессии с трепетом относятся к своей религии и соблюдают обряды ислама. При этом женщина в хиджабе воспринимается местными мусульманами как представительница иной культуры.

В последнее десятилетие приток граждан из Средней Азии и Ближнего Востока в Татарстан увеличился, среди них мигранты, приехавшие на временные работы, а также студенты, обучающиеся в вузах г. Казани. Цель данного исследования — анализ восприятия студентами высших и средних учебных заведений Татарстана современной мусульманки, носящей хиджаб.

Методы исследования

Для более полного понимания проблемы восприятия образа современной мусульманки студенческой молодежью Республики Татарстан использованы методы системного и сравнительного анализа, а также общетеоретические методы: анализ, синтез, индукция и дедукция.

Применены методологические основы концепции известного американского социолога И. Гоффмана [Goffman, 1956], согласно которой анализ особенностей в самовыражении социальных групп раскрывает их статус и жизненные стратегии. Методологические основы концепции И. Гоффмана позволили нам определить феномен женщины в хиджабе как часть социальной субкультуры в современной светской среде.

Авторы придерживались методологических подходов к изучению развития мультикультурализма в городских агломерациях. Эти подходы активно разрабатывались канадскими философами Ч. Тейлором и У. Кимликой [Taylor, 1992; Kymlicka, 1995]. В своих исследованиях ученые раскрыли границы мультикультурализма и новые подходы к управлению культурным разнообразием в городах.

Использовался такой метод социологического опроса, как интернет-опрос по основным проблемам, которые наиболее интересны и обращают на себя внимание современного студенчества Татарстана. Для выявления потенциально конфликтных групп в городской молодежной среде Татарстана и диагностики конфликтных ситуаций в области межэтнических отношений применялся комплекс методов, в частности исследование интернет-сообществ (анализ дискурсов).

На основе полученных данных нами были составлены анкетные вопросы для проведения социологического опроса студентов. Респондентами стали студенты высших и средних специальных учебных заведений Татарстана в возрасте от 15 до 24 лет. Исследование осуществлялось в апреле 2013 г., январе — феврале 2018 г. и в октябре 2024 г., т. е. с интервалами в 5—6 лет. В 2013 г. было опрошено 500 представителей молодежи (250 юношей и 250 девушек), в 2018 г. — 304 студента (109 юношей и 195 девушек), а в 2024 г. — 422 студента (198 юношей и 224 девушки).

Следует отметить, что для Республики Татарстан 2013, 2018 и 2024 гг. связаны с проведением крупных международных мероприятий: в 2013 г. — XXVII Всемирной летней универсиады, в 2018 г. — чемпионата мира по футболу, в 2024 г. — одного из самых значимых политических событий мира, саммита стран БРИКС. Практика показала, что подобные мероприятия связаны с межкультурными коммуникациями и положительно влияют на формирование толерантных взглядов различных категорий жителей, представителей этносов и конфессий и их культуру [Салихова, 2014; Кадыров, 2016; Соболева, 2016; Фазлиев, Саттарова, 2021].

Исследование было направлено на изучение мнения студенческой молодежи Республики Татарстан по следующим группам вопросов:

- отношение к женщинам в хиджабе (7 вопросов);
- положение современной мусульманки в семье (4);
- общественная активность и социальный статус мусульманки в обществе (9).

Результаты исследования

По мнению молодежи, женщины-мусульманки считают приоритетными сферами своей деятельности материнство и замужество: в ходе опроса в 2013 г. подобного мнения придерживались 64,9 % опрошенных, в 2018 г. — уже 85,2 %, в 2024 г. — 92,0 %. Одновременно молодежь предполагает, что профессиональная

карьера, как и общественная и политическая работа, более характерна для светских женщин, причем динамика количества респондентов, согласных с этим мнением, также была положительной: 48,1 % в 2014 г., 64,9 % в 2018 г. и 69,1 % в 2024 г.

При анализе ответов учитывалось вероисповедание респондентов (это указывалось в анкетах). В 2013 г. 58,9 % опрошенных считали своим вероисповеданием ислам, 21,0 % — православие, 5,4 % — другие религии, 14,5 % придерживались атеизма, три человека отнесли себя к агностикам, а один ответ был таким: «У современной молодежи нет вероисповедания». В 2018 г. 55,1 % респондентов отнесли себя к представителям мусульманской конфессии, 27,1 % — к православию, 4,3 % — к другим конфессиям, 13,5 % считали себя атеистами. В 2024 г. 61,3 % опрошенных назвали себя приверженцами ислама, 24,6 % — православия, 4,9 % — других религий, 9,2 % — атеистами.

Отношение к женщине в хиджабе в целом

Анализ результатов соцопроса показал, что распределение ответов по восприятию женщины-мусульманки в 2013, 2018 и 2024 гг. почти не зависело от вероисповедания респондентов.

На вопрос «Женщина в хиджабе — кто это?» 79 % опрошенных в 3 группах ответили: «верующий человек, соблюдающий религиозные каноны» или «естественное явление в поликонфессиональном обществе». Ни один из респондентов не написал: «показатель отсталости и невежества», но около 4,5 % опрошенных ответили, что женщина в хиджабе — это дань моде.

На вопрос об ассоциациях, которые вызывает женщина-мусульманка, около 40 % ответов были безоценочными и касались лишь внешнего вида («женщина в платке», «женщина в длинном платье» и т. п.) или нейтральными («обычная женщина», «никаких особенных ассоциаций»).

Наиболее частые ответы, характеризующие женщину в хиджабе, — «скромная», «верующая», «порядочная», «спокойная», «покорная», «недоступная», «скрытная». Лишь один респондент (менее 1,0 %) из всех опрошенных связал женщину-мусульманку с терроризмом.

Традиционная национальная одежда мусульман, проживающих на территории Татарстана, в первую очередь татар, имеет свои особенности и не предполагает ношение хиджаба. В последнее время в обществе часто обсуждается тема навязывания арабской традиции российским мусульманкам, поэтому в анкеты 2018 и 2024 гг. вошел вопрос об отношении молодежи к хиджабу: «Считаете ли Вы хиджаб навязанной “чужестранной” одеждой, арабской традицией?» Положительно на него ответили в 2018 г. более четверти респондентов — 27,0 %, отрицательно — 51,5 %. Воздержались от ответа 21,5 %, мотивируя это тем, что «не вправе оценивать религиозные предпочтения граждан», и недостаточными знаниями истории, культуры и традиций народов мира. При этом 54,0 % студентов, ответивших на этот вопрос отрицательно, относят себя к мусульманам. В 2024 г. положительное мнение по указанному вопросу высказывают 32,3 % молодых граждан Татарстана, отрицательное — 54,1 %, воздержавшихся — 13,6 %.

Результаты опроса 2013 г. несколько отличались: хотя мусульманка имела преимущественно положительный образ, у 21,1 % опрошенных он ассоциировался с женщиной, одетой в бесформенную одежду, у 10,2 % — с угнетенной

женщиной (у современной молодежи нет ни одного подобного ответа), у 7,3 % — с терроризмом (шахидка).

На вопрос «Как Вы себя поведете, если в общественном транспорте с Вами рядом сядет женщина в хиджабе?» в большинстве случаев (85 % в 2018 г., 91 % в 2024 г.) современные молодые люди Татарстана, независимо от вероисповедания, ответили, что будут сидеть спокойно рядом, только 10 % респондентов будут испытывать дискомфорт. В 2024 г. никто из опрашиваемых студентов из-за присутствия в транспорте женщины в хиджабе не собирался выйти на ближайшей остановке. Иными словами, респонденты не относят мусульманку в хиджабе к объекту опасности.

Отношение к мусульманкам в семье

Сегодня в обществе нередко предлагается узаконить многоженство. Вопрос, связанный с данным предложением, вызвал отрицательную реакцию у молодежи: в 2013 г. — у 68,4 %, в 2018 г. — у 73,1 %, в 2024 г. — у 79,8 % (у респондентов-немусульман отрицательное отношение проявляется больше на 10 %, чем у мусульман, — соответственно 68,5, 78,9 и 87,8 %). С 2024 г. положительное отношение к этому вопросу наблюдается у 9,6 % опрошенных молодых мусульман, тогда как у немусульман всего у 1,8 %. Существенные различия в ответах респондентов отмечаются в зависимости от пола. Независимо от вероисповедания большинство (около 85 %) опрошенных девушек к многоженству относятся отрицательно. Однако среди мусульманок есть малочисленная группа (5,5 %), которая выразила положительное отношение к вопросу, среди женщин других вероисповеданий таковых нет. Мужчины же возможность узаконить многоженство воспринимают по-разному: почти 3/4 мужчин-мусульман высказывают положительное или нейтральное отношение. Среди мужчин-немусульман положительный ответ дали лишь 5,3 %, а 68,4 % ответили отрицательно.

За весь период исследования около половины опрошенных, кто отрицает возможность узаконить многоженство (43,6 % в 2013 г., 51,2 % — в 2018 г. и 58,4 % в 2024 г.), говорят о пагубности подобной законодательной инициативы: мужчинам, воспользовавшимся таким правом, будет сложно обеспечить семьи (соответственно 30,5, 20,0 и 16,8 %), снизится доля участия отца в воспитании детей (11,6, 30,7 и 41,2 %); некоторые респонденты высказали мнение, что «это неуважение к женщине», «исчезнет любовь», «это странно». Их оппоненты (4,4, 6,1 и 6,7 %), наоборот, видят в многоженстве положительный для российского общества момент. Их мнение базируется на вероятности, во-первых, улучшить демографическую ситуацию в стране (12,7, 7,2 и 11,4 %), во-вторых, одиноким женщинам вступить в законный брак (12,0, 18,9 и 22,1 %).

Укоренившееся общественное мнение, что мусульманские семьи более крепкие, чем светские, сохраняется и у молодежи. В 2013 г. так считали 40,3 % человек. В 2018 г. с этим были согласны 45,6 % опрошенных, не относящих себя к мусульманам, и 67,1 % опрошенных, исповедовавших ислам. В 2024 г. такого мнения придерживались 51,0 % немусульман и 72,4 % представителей мусульманской конфессии. Вместе с тем стереотип бесправной в семье и обществе женщины-мусульманки ярче проявляется в ответах респондентов-немусульман. Так, согласны с тем, что в мире мусульманка лишена всех прав и свобод, 12,3 %

респондентов-мусульман и 15,8 % респондентов-немусульман. На вопрос «Согласны ли Вы с тем, что, по сравнению с мужчинами, мусульманки имеют меньше прав в семье?» положительно ответили 58,9 % мусульман и 70,2 % немусульман.

Отношение в обществе к женщине в исламе

Опрос 2024 г. показал, что молодежь, относящая себя к мусульманам, более уверена, что женщина-мусульманка имеет равные права в обществе со светскими женщинами. То есть стереотип о женщине-мусульманке как о бесправной среди мусульман распространен меньше. Половина респондентов-немусульман считают, что женщина-мусульманка менее инициативная и самостоятельная, — 50,1 %, число мусульман, давших такой же ответ, почти в 2 раза меньше, — 26,0 %. Большая же часть опрошенных, исповедующих ислам, — 56,0 % — считают, что вероисповедание не влияет на инициативность и самостоятельность женщины.

Что касается вопроса о праве на получение высшего образования и об успешном трудоустройстве, то распределение ответов в каждой группе одинаковое, а вот относительно фактических возможностей респонденты-мусульмане более уверены в одинаковых условиях для женщин-мусульманок и светских женщин.

Число молодых людей, уверенных в неправомерности отказа в приеме на работу женщине-мусульманке из-за ношения хиджаба, увеличилось: в 2013 г. — 50,9 %, в 2018 г. — 78,9 %, в 2024 г. — 91,3 %. Тем не менее при равных образовательных и интеллектуальных характеристиках светской женщины и женщины-мусульманки определенная часть респондентов сделала бы выбор в пользу светской женщины: в 2013 г. — 42,8 %, в 2018 г. — 34,4 %, в 2024 г. — 33,9 %).

Выводы

Проведенное исследование показало, что студенчество в Республике Татарстан в основном толерантно в вопросах межэтнических и межконфессиональных отношений. Большинство молодых людей интересуются культурой и традициями других народов, имеют друзей из других этнических и конфессиональных сообществ. Расхождения во мнениях опрошенных в 2013, 2018 и 2024 гг. составляют не более 10 %. Одинаковые ответы получены на вопросы «Какая сфера деятельности для светской женщины является приоритетной?», «У кого больше прав в получении высшего образования и успешном трудоустройстве?», «Какие ассоциации вызывает у Вас образ мусульманки?» и о поведении респондента в ситуации, если в общественном транспорте рядом сядет женщина в хиджабе.

Если при опросе в 2013 г. около 8 % респондентов испытывали неприязнь к женщине в хиджабе, то в 2018 и 2024 гг. отношение к ней стало толерантным практически у всех респондентов. Лишь небольшая часть опрошенных в 2018 г. испытывала бы обеспокоенность при ее присутствии, причем эта обеспокоенность ассоциировалась с навязанным СМИ образом женщины-шахидки. В опросе 2024 г. таких ассоциаций у молодых респондентов Республики Татарстан не наблюдалось.

Основная часть молодежи считает, что в Татарстане ограничений в правах для мусульманок, в отличие от светских женщин, не существует. Тем не менее от 30 до 40 % респондентов предпочли бы принять на работу светскую женщину, а не мусульманку, соблюдающую обряды ислама и носящую хиджаб, при их равных образовательных и профессиональных качествах.

Прав у современной мусульманки в семье, как считают респонденты, меньше, чем у мужчин. При этом молодые люди в основной массе отметили, что мусульманские семьи наиболее крепкие и стабильные.

Новые подходы к совершенствованию молодежной политики подразумевают дополнительное осмысление и научный анализ проблем. Так, проведенное исследование показало, что на первом этапе, в 2013 г., у большей части респондентов, хотя и отвечавших в рамках этноконфессиональной терпимости, интереса к обычаям и традициям других народов, наблюдалась тенденция к постепенному снижению чувства толерантности [Кадыров, 2015: 116]. На втором этапе, в 2018 г., эти показатели стабилизировались. Вероятнее всего, на укрепление толерантного отношения к представителям иных этносов и конфессий повлияли мероприятия по привлечению студенчества к добровольческой деятельности при подготовке и проведении международных мероприятий, развитие волонтерского движения среди молодежи Татарстана. На третьем этапе, в 2024 г., показатели этноконфессиональной толерантности молодежи республики укрепились. Это связано с увеличением числа студентов в вузах из зарубежных государств, более качественным обучением иностранным языкам, более широким привлечением студентов в качестве волонтеров к организации международных мероприятий, проводимых в Казани, увеличением туристских потоков на рынке внутреннего и въездного туризма Татарстана, усилением работы по патриотическому воспитанию в учебных заведениях. Перечисленные факторы способствуют расширению межкультурной коммуникации молодежи Татарстана.

Список источников

- Кадыров Р. В.* Проблемы единства многонационального народа Татарстана: современные тенденции и механизмы государственного регулирования // Вестник Казанского государственного университета культуры и искусств. 2015. № 4. С. 115—116.
- Кадыров Р. В.* Проблемы сохранения межэтнической толерантности в Республике Татарстан: социокультурный анализ студенческой молодежи // Толерантность — «оливковая ветвь» человечества на этапе исторического разлома: материалы Международного гуманитарного форума. Казань: Казан. гос. ун-т культуры, 2016. С. 150—152.
- Салихова А. Ф.* Государственное регулирование антиэкстремистской деятельности // Антитеррористическое и антиэкстремистское воспитание мусульманской молодежи. Казань: Иман, 2014. С. 105—117.
- Соболева А. С.* К вопросу об образе женщины-мусульманки в российском информационном пространстве // Статус женщины-мусульманки в поликонфессиональном обществе: история и современность. Уфа: Мир печати, 2016. С. 105—110.
- Фазлиев А. М., Саттарова А. И.* Актуализация этнокультурного наследия в процессе модернизации конфессиональной идентичности сельского населения Татарстана //

- Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Сер.: Гуманитарные науки. 2021. № 3. С. 21—25.
- Goffman E. *The Presentation of Self in Everyday Life*. Edinburgh: University of Edinburgh Social Sciences Research Centre, 1956. 162 p.
- Kymlicka W. *Multicultural Citizenship: a Liberal Theory of Minority Rights*. Oxford: Clarendon Press, 1995. 280 p.
- Taylor Ch. The politics of recognition // *Multiculturalism: Examining the Politics of Recognition*. Princeton: Princeton University Press, 1992. P. 25—74.

References

- Fazliev, A. M., Sattarova, A. I. (2021) Aktualizatsiia ètnokul'turnogo naslediiia v protsesse modernizatsii konfessional'noi identichnosti sel'skogo naseleniia Tatarstana [The mainstreaming of ethnocultural heritage in the modernization of confessional identity of rural population of Tatarstan], *Sovremennaiia nauka: aktual'nye problemy teorii i praktiki*, seriia Gumanitarnye nauki, no. 3, pp. 21—25.
- Goffman, E. (1956) *The Presentation of Self in Everyday Life*, Edinburgh: University of Edinburgh Social Sciences Research Centre.
- Kadyrov, R. V. (2015) Problemy edinstva mnogonatsional'nogo naroda Tatarstana: sovremennye tendentsii i mekhanizmy gosudarstvennogo regulirovaniia [Problems of the multinational people of Tatarstan current trends and mechanisms of state regulation], *Vestnik Kazanskogo gosudarstvennogo universiteta kul'tury i iskusstv*, no. 4, pp. 115—116.
- Kadyrov, R. V. (2016) Problemy sokhraneniia mezhètnicheskoi tolerantnosti v Respublike Tatarstan: sotsiokul'turnyi analiz studencheskoi molodèzhi [Problems of maintaining interethnic tolerance in the Republic of Tatarstan: a sociocultural analysis of students], in: *Tolerantnost' — "olivkovaia vetv'" chelovechestva na ètape istoricheskogo razloma: Materialy Mezhdunarodnogo gumanitarnogo foruma*, Kazan: Kazanskiĭ gosudarstvennyi universitet kul'tury, pp. 150—152.
- Kymlicka, W. (1995) *Multicultural Citizenship: A Liberal Theory of Minority Rights*, Oxford: Clarendon Press.
- Salikhova, A. F. (2014) Gosudarstvennoe regulirovanie antièkstremskoi deiatel'nosti [State regulation of anti-extremist activity], *Antiterroristicheskoe i antièkstremskoe vospitanie musul'manskoĭ molodèzhi*, Kazan: Iman, pp. 105—117.
- Soboleva, A. S. (2016) K voprosu ob obraze zhenshchiny-musul'manki v rossiiskom informatsionnom prostranstve [On the issue of the image of Muslim women in the Russian information space], *Status zhenshchiny-musul'manki v polikonfessional'nom obshchestve: istoriia i sovremennost'*, Ufa: Mir pechati, pp. 105—110.
- Taylor, Ch. (1992) The politics of recognition, in: *Multiculturalism: Examining the Politics of Recognition*, Princeton: Princeton University Press, pp. 25—74.

Статья поступила в редакцию 15.01.2025; одобрена после рецензирования 30.01.2025; принята к публикации 07.02.2025.

The article was submitted 15.01.2025; approved after reviewing 30.01.2025; accepted for publication 07.02.2025.

Информация об авторах / Information about the authors

Байамонте (Саттарова) Аделя Ильхамовна — кандидат исторических наук, доцент кафедры всемирного культурного наследия, Институт международных отношений, истории и востоковедения Казанского (Приволжского) федерального университета, г. Казань, Республика Татарстан, Россия, satadel@inbox.ru (Cand. Sc. (History), Associate Professor at the Department of World Cultural Heritage, Institute of International Relations, History and Oriental Studies of Kazan (Volga Region) Federal University, Kazan, Republic of Tatarstan, Russian Federation).

Фахрутдинов Раиль Равилович — доктор исторических наук, директор Института международных отношений, истории и востоковедения Казанского (Приволжского) федерального университета, г. Казань, Республика Татарстан, Россия, fahrutdinov.rail@mail.ru (Dr. Sc. (History), Director of the Institute of International Relations, History and Oriental Studies of Kazan (Volga Region) Federal University, Kazan, Republic of Tatarstan, Russian Federation).

Кадыров Рамиль Васильевич — кандидат исторических наук, доцент кафедры всемирного культурного наследия, Институт международных отношений, истории и востоковедения Казанского (Приволжского) федерального университета, г. Казань, Республика Татарстан, Россия, kind2002@mail.ru (Cand. Sc. (History), Associate Professor at the Department of World Cultural Heritage, Institute of International Relations, History and Oriental Studies of Kazan (Volga Region) Federal University, Kazan, Republic of Tatarstan, Russian Federation).

Женщина в российском обществе. 2025. № 1. С. 100–111.

Woman in Russian Society. 2025. No. 1. P. 100–111.

Научная статья

УДК 316.356.2:004

EDN: <https://elibrary.ru/mefgqm>

DOI: 10.21064/WinRS.2025.1.8

**АКСИОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ ДИСКУРСИВНОГО ПОЛЯ
СЕМЕЙНЫХ ОНЛАЙН-СООБЩЕСТВ
СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ**

*Наталья Николаевна Козлова¹, Сергей Валентинович Рассадин¹,
Ольга Геннадиевна Овчарова², Елена Николаевна Васильева¹*

¹ Тверской государственный университет,
г. Тверь, Россия, tveg-garh@mail.ru

² Российская государственная специализированная академия искусств,
г. Москва, Россия

Аннотация. Актуальность обращения к данной проблематике детерминирована масштабной трансформацией семейно-демографических параметров современного российского общества. Цель исследования состоит в выявлении аксиологических оснований дискурсивного поля тематических семейных онлайн-сообществ России. В качестве методологической основы использовались аксиологический и дискурсивный подходы. Эмпирическое исследование проводилось в августе — сентябре 2024 г. В качестве объекта анализа было выбрано три сообщества в социальной сети «ВКонтакте»: «Родители и педагоги! Наши дети», «Я МАМА!™ Дети. Семья», «Родители в теме. Клуб продвинутых мам и пап». Авторы пришли к выводу, что безусловной фундаментальной ценностью контента всех сообществ является фамилизм. Комплементарные фамилизму ценности детоцентризма, материнства, отцовства, связи поколений, взаимопомощи, милосердия, патриотизма, мира природы и другие выражены с разной степенью интенсивности. Контенты сообществ замкнуты на семью и околосемейную сферу, изолированы от публичной (политической) жизни. Семья представлена как микромир, основной задачей которого является забота о детях, обеспечение их безопасности от угроз большого мира. Пересечение семейной и политической сфер фиксируется в одной теме — национальной безопасности. Авторы приходят к выводу, что онлайн-сообщества следует квалифицировать как субъектов, которые активно производят и внедряют ценности фамилизма и детоцентризма, предлагают позитивную повестку для укрепления фамилистической культуры, российской семьи как социальной группы и института (на микро- и макроуровне).

Ключевые слова: аксиологический подход, семья, фамилизм, детоцентризм, онлайн-сообщества, патриотизм, традиционные ценности

Благодарности: исследование выполнено при финансовой поддержке АНО ЭИСИ в рамках научного проекта № FEMS-2024-0006 «Патриотические и семейные ценности как константы цивилизационного развития России» (2024).

Для цитирования: Козлова Н. Н., Рассадин С. В., Овчарова О. Г., Васильева Е. Н. Аксиологические основания дискурсивного поля семейных онлайн-сообществ современной России // Женщина в российском обществе. 2025. № 1. С. 100—111.

Original article

AXIOLOGICAL FOUNDATIONS OF THE DISCURSIVE FIELD OF ONLINE FAMILY COMMUNITIES IN MODERN RUSSIA

Nataliya N. Kozlova¹, Sergey V. Rassadin¹, Olga G. Ovcharova²,
Elena N. Vasilyeva¹

¹ Tver State University, Tver, Russian Federation, tver-rapn@mail.ru

² Russian State Specialized Academy of Arts, Moscow, Russian Federation

Abstract. The relevance of addressing this issue is determined by the large-scale transformation of family and demographic parameters of modern Russian society. The purpose of the study is to identify the axiological foundations of the discursive field of thematic family online communities in Russia. Axiological and discursive approaches were used as the methodological basis of the study. The empirical study was conducted in August and September 2024. Three online communities were chosen as the object of analysis: “Parents and teachers! Our children”, “I AM MOTHER!™ Children. Family”, “Parents are down with the kids. Club of modern moms and dads” (Russian social network “VKontakte”). The authors concluded that the absolute fundamental value of the content of these online communities is familism. The values of child-centrism, motherhood, paternity, connection between generations, mutual support, mercy, patriotism, the natural world and others that complement familism are expressed with varying degrees of intensity. The content of online communities is aimed at family and family-related topics, and is also isolated from public (political) life. Families are presented as microcosms, the main tasks of which are to care for children and ensure their safety from the threats of the big world. The intersection of the family and political spheres is captured in one topic, which is national security. The authors concluded that online communities should be qualified as entities that actively produce and implement the values of familism and child-centrism, and offer a positive agenda for strengthening familistic culture and the Russian family as a social group and social institution (at the micro and macro levels).

Key words: axiology, family, familism, child-centrism, online communities, patriotism, traditional values

Acknowledgments: this work was supported by the grant from the Expert Institute for Social Research, project № FEMS-2024-0006 “Patriotic and family values as constants of civilizational development in Russia” (2024).

For citation: Kozlova, N. N., Rassadin, S. V., Ovcharova, O. G., Vasilyeva, E. N. (2025) Axiologicheskie osnovaniia diskursivnogo polia semeinykh onlain-soobshchestv sovremennoy Rossii [Axiological foundations of the discursive field of online family communities in modern Russia], *Zhenshchina v rossiiskom obshchestve*, no. 1, pp. 100—111.

Постановка задачи, степень разработанности темы

Актуальность обращения к анализу аксиологических оснований дискурсивного поля российских семейных онлайн-сообществ фундируется масштабной трансформацией социальных институтов и практик в посттрадиционном обществе. Согласно артикулированному мнению экспертного сообщества, глубинные общественные изменения имплицитно обуславливают пертурбацию семьи на макро- и микроуровне социума. Семейная проблематика находится на острие дебатов как стейкхолдеров публичной сферы, так и представителей академического сообщества. В рамках современного глобалистского тренда на создание мультигендерного порядка доминируют нейтральные и/или позитивные оценки происходящих с семьей метаморфоз [Walker, 2000]. Значительная часть российских исследователей трактуют модификацию форм семейной организации и ее функционала с негативных позиций, выявляя такие проблемы, как рост числа разводов, неполных семей, одиноких матерей, незарегистрированных браков, внебрачных рождений [Ростовская и др., 2023; Антонов, 2023]. В последние годы российское государство предприняло значительные шаги по выработке стратегии государственной политики в отношении семьи, квинтэссенция которой нашла свое отражение в Концепции государственной семейной политики в Российской Федерации на период до 2025 года, утвержденной в 2014 г. [Об утверждении Концепции..., 2014]. Сущностным содержанием данной политики является фамелизм — приоритет семьи, семейного образа жизни в системе жизненных ценностей. «Крепкая семья» названа среди 17 ценностей в Указе Президента РФ 2022 г. «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» [Об утверждении Основ..., 2022]. Таким образом, государственная политика в отношении семьи артикулируется в системе координат идеологии традиционных ценностей. Согласно социологическим опросам, «крепкая семья» занимает ключевое место в ценностной системе координат россиян (октябрь 2023 г. — 68 %) вне зависимости от уровня образования, места проживания, пола, возраста и материального положения [Семья как ценность..., 2024]. Основной исследовательский вопрос заключается в том, как воспринимает российское общество государственную семейную политику и коррелирует ли в восприятии россиян фамелизм с другими традиционными ценностями. Для ответа на поставленный вопрос авторы данной статьи обратились к онлайн-сообществам, поскольку Интернет является одним из механизмов внедрения семейных ценностей в социум, а сами сообщества — субъектами гражданского общества, продуцирующими и транслирующими определенную семейную повестку. Изучение российскими экспертами пространства Интернета и онлайн-сообществ по теме семьи дает противоречивые выводы. Ряд экспертов отмечают негативное влияние Интернета на семейные ценности [Емельяненко и др., 2016]. С другой стороны, Н. П. Лукина и П. В. Сазонова подчеркивают, что в условиях информационного общества молодые семьи все больше ориентируются на межсетевые контакты и группы поддержки [Лукина, Сазонова, 2017]. Проведенный Ж. В. Черновой анализ блогов позволил социологу сделать вывод, что в рамках родительских сообществ циркулируют различного рода поддержки (эмоциональные, инструментальные), которые помогают участникам социализироваться в новой родительской роли, преодолеть социальную изоляцию, характерную

для периода «активного» материнства, в целом снизить социально-экономические риски родительства [Чернова, 2018].

Цель статьи — экспликация аксиологических оснований дискурсивного поля тематических семейных онлайн-сообществ России. Для достижения цели исследования планируется решение ряда задач: выявление субъектов визуального и текстового контента, анализ тематических кластеров и жанров, оформляющих репрезентацию ценностей.

В качестве методологической основы исследования использовались аксиологический и дискурсивный подходы. Аксиологический подход в социально-гуманитарном знании (П. А. Сорокин, Т. Парсонс и другие) позволяет изучать структуру ценностей социальных групп, их иерархию, связи. В случае нашего исследования актуальной представляется интерпретация ценности как значимого «для индивида либо группы явления духовной культуры или предмета материальной культуры, воспринимаемых субъектом оценки в качестве нормы, идеала, блага, пользы и выгоды» [Максименко, 2011: 290]. Дискурсивный подход, восходящий к трудам Т. ван Дейка, М. Фуко и других, применяется в данной работе для анализа сетевых лингвистических данных, где дискурс — «это социальный, психоэмоциональный и лингвокультурный фон, или контекст, функционирования определенных нарративов» [Малышева, Рябченко, 2022: 43], а нарратив — повествование о событии, представленное читателю, которое выступает «как феномен культуры и объект дискурсивной деятельности» [Обдалова, Левашкина, 2019: 332]. Авторы статьи опираются на работы исследователей дискурсивного поля в интернет-пространстве, согласно которым интернет-коммуникация является сложной комбинацией дискурсов, содержит в себе признаки разных дискурсов [Галичкина, 2004; Crystal, 2006]. Основным прикладным методом исследования был выбран анализ контента онлайн-сообществ, включающего в себя сообщения, тексты, видеоролики, фотографии.

Эмпирическое исследование и его результаты

Эмпирическое исследование дискурсивного поля проводилось в августе — сентябре 2024 г. По ключевым словам «семья», «дети», «родители», «мама», «папа», «многодетные», «дом», «традиции», «счастье» в Рунете нашлось 372 тыс. сообществ. Из них для анализа было выбрано три сообщества (группы в социальной сети «ВКонтакте»), у которых фиксировалось наибольшее количество подписчиков: «Родители и педагоги! Наши дети» (https://vk.com/roditeli_i), «Я МАМА!^{TM} Дети. Семья» (<https://m.vk.com/mama.online>), «Родители в теме. Клуб продвинутых мам и пап» (https://vk.com/mamas_and_papas). Каждое анализируемое сообщество состоит из собственной целевой аудитории, в информации о группе артикулируются цель и лозунг группы. Основным элементом дискурса являются нарративы, представленные в виде рассказанных в текстах, фото- и видеоматериалах историй о семейной жизни и связанных с ней событиях.

Группа «Родители и педагоги! Наши дети»

Сообщество было создано в марте 2011 г. и насчитывает 2,1 млн подписчиков. Цель группы — помощь родителям и педагогам: «Наше сообщество — для всех, кто хочет быть самыми лучшими Родителями для своих настоящих и будущих детей» (20.03.2011). Участниками в основном являются и женская, и мужская аудитории, половину постов контента составляют видео- и аудиоматериалы

с детьми, включенными в разные контексты. Основной нарратив сводится к историям про маленьких детей в жанре «сам себе режиссер». Мамы, папы, бабушки выкладывают собственные видео- или фотоматериалы, связанные с курьезными ситуациями, в которых оказались маленькие дети. Сюжеты детских историй охватывают широкий спектр жизни малыша: принятие пищи, сон, игры с другими детьми, участие в спортивных и музыкальных мероприятиях и др. Детоцентризм нарративов выражен в постах с сентенциями о том, что дети — «кулечки счастья» (01.09.2024), рождение ребенка — «счастье для всей семьи!» (21.09.2024) и т. д. Материалы преимущественно оформлены в развлекательном жанре (79,2 %) и привязаны к теме «Семья / Семейные истории» (79,9 %). В 21 % постов присутствуют представители животного мира как домашние питомцы или как часть окружающего мира, задающие дискурс гармоничных отношений между человеком и природой.

Доминирующая часть нарративов связана с повседневностью, направлена на укрепление межличностных отношений, учит «искусству мириться, не ссориться» (20.09.2024). Ценности любви, дружбы, взаимопомощи отражены в сентенциях, сопровождающих иллюстрации на открытках, в лирических стихах (27.09.2024), а также в небольших «пронзительных» рассказах о судьбах людей (28.09.2024). Часть данных нарративов можно отнести к проблемно-аналитическому жанру. В рассказах поднимаются проблемы ухода за детьми, их воспитания и образования, первой влюбленности детей и пр., но при этом авторы постов не обращаются к научному дискурсу с его специализированным терминологическим аппаратом, а делают выводы на уровне обыденно-житейского мировоззрения. Истины, выраженные в форме «народной мудрости», характерны для каждого седьмого поста, например: «Пусть с нами будут лишь те, кто вдохновляет, а не грузит» (30.08.2024), «Знаете, что один из самых счастливых периодов жизни человека — это когда у тебя уже есть дети, но еще есть родители» (01.09.2024) и т. п.

Подписчики выкладывают видеофрагменты с мультфильмами, фильмами, книгами, способными оказать позитивное морально-нравственное влияние на участников сообщества. Аксиологический ряд сообщества составляют милосердие и сострадание к людям с ограниченными возможностями (11.09.2024, 13.09.2024), к животным (06.09.2024, 17.09.2024). Мультфильмы «Ежик в тумане» (23.09.2024), «Карлсон, который живет на крыше» (30.09.2024) и другие продукты советской культуры актуализируют ценности преемственности поколений. Посты проникнуты ностальгией по советскому прошлому, которое в нарративах их авторов выступает как безопасное, а также по беззаботному детству, которое противопоставляется сложным будням современного взрослого человека. В частности, авторы постов отмечают преимущество советской системы образования перед российской, полагая, что «советский ребенок выходил из школы взрослым человеком, готовым к суровой советской жизни, но радостный, всезнающий и всеумеющий» (28.08.2024).

Помимо детей, в контенте в одинаковой мере представлены фигуры матери и отца (10,8 % постов), при этом матери и дети преимущественно связаны через дискурс заботы, а отцы и дети через игру. В данном сообществе мужчины репрезентируются исключительно в положительном ключе с упором на тему защиты, так как «папино плечо — самая надежная опора» (03.09.2024). Суть

всех публикаций на данную тему можно обозначить как ответственное родительство. Контент, субъектом которого являются женщины, более многообразен: беременность, роды, домашняя работа, покупки в магазине (29.08.2024, 31.08.2024). Женщины-матери отражены как воплощение заботы о других: «Мама думает о детях, об уюте и диете, а сама приучена Жизнь свою выкручивать!» (28.08.2024). Таковую уставшую мать авторы постов предлагают называть «момби» (30.08.2024). Фигура бабушки присутствует в 7,3 % постов, проникнутых идеей о том, что «бабушка плохому не научит» (22.09.2024).

Позитивная тональность постов сообщества задается и семейными историями известных людей (12,2 %), которые можно выразить сентенцией одного из них — «Краткая история маленькой семьи и большой любви» (20.09.2024). Авторы постов в рамках культурно-просветительского жанра повествуют о крепкой семье российского императора Александра III (28.08.2024), космонавта Ю. А. Гагарина (31.08.2024), актеров Е. В. Бероева и К. А. Алферовой (22.09.2024) и других. Среди VIP-персон присутствуют как представители российской культуры, так и зарубежных звезд — принцесса Диана (05.09.2024), Аль Пачино (23.09.2024) и другие. В видеоролике от 31 августа журналистка и многодетная мама М. Ситтель выступает с антиабортной проблематикой. В целом контент сообщества замкнут на семью и околосемейную сферу (присутствуют темы дружбы, работы), изолирован от публичной жизни, что четко выражено в одном из постов от 30 сентября 2024 г. цитатой Э. М. Ремарка: «У каждого должен быть свой маленький мирок, который будет защищать от большого мира». Организаторы сообщества обращаются к подписчикам с директивой «начни с себя», поскольку они считают, что мир мы творим сами (22.09.2024).

Тематический кластер сообщества также представлен культурой (10 %), образованием (7,4 %) и здравоохранением (1,9 %). Одна публикация затрагивает тему религии (21.09.2024). К сфере политики можно условно отнести шесть публикаций. Один из постов посвящен проблемам национальной безопасности — террористическому акту в Беслане 1 сентября 2004 г. (01.09.2024), второй пост — действиям бандформирований в Дагестане (открытие памятника М. Нурбагандову) (03.09.2024). Патриотические ценности содержит флешмоб под названием «Россия», в котором молодые девушки в русских народных костюмах исполняют танец (27.09.2024). В посте от 5 сентября авторы объясняют связь между тремя памятниками — «Родина-мать», «Тыл — фронту», Воину-Освободителю. В сообществе также размещены посты о событиях Великой Отечественной войны (13.09.2024, 24.09.2024).

Таким образом, ценностными основаниями анализируемого сообщества являются фамилизм, детоцентризм, ответственное родительство, частная жизнь, гармоничные отношения с природой. Посты сообщества создают насыщенный позитивный эмоциональный фон любви, дружбы, взаимопомощи. Доминирование развлекательного и культурно-просветительского жанров выполняет досуговую, коммуникативную, образовательную, гедонистическую функции. Широкий культурный контекст, соотносящийся с ценностями отечественного и зарубежных обществ, отражает запрос современных россиян. В контенте сообщества в одинаковой мере представлены фигуры матери и отца, преобладает тема заботы о детях в широком контексте — от ухода за малышами до развития их

умений и навыков и обеспечения их безопасности. Институт бабушки, характерный для советской фамилистической культуры, отмечен в данном сообществе: бабушки помогают заботиться о внуках и выступают символом ностальгии по советскому детству современных родителей. Патриотические ценности отражаются в гордости авторов постов за достижения отечественной культуры, за героические поступки граждан как в мирное, так и в военное время, связаны преимущественно с гражданским обществом, а не государством как политическим институтом. Непосредственная связь публичной и семейной жизни отсутствует, частная жизнь семьи лишь опосредованно сопряжена с внутренней политикой страны.

Сообщество «Я МАМА!™ Дети. Семья»

Сообщество было создано в 2011 г. под лозунгом «Мамы как пуговики: на них все держится» и в настоящий момент насчитывает 1,2 млн подписчиков. Как следует из названия сообщества, ключевой темой является материнство. За период с 1 августа по 30 сентября было выложено 119 постов.

Центральными темами контента выступают дети (86 %) и мамы (81 %). Важно отметить, что визуальный материал доминирует над вербальным, развлекательный жанр занимает 98 % контента. В отличие от предыдущего сообщества здесь акцент делается на неразрывной связи матери и ребенка. По сути, нарративы сообщества являются иллюстрацией высказывания известной своей красотой итальянской актрисы Моника Беллуччи, опубликованного в посте от 21 августа 2024 г.: «Что я буду делать, когда постарею и отражение в зеркале перестанет радовать? То же самое, что делала моя мама. Я не буду смотреть в зеркало, я буду смотреть на своих детей!» Мамочки восхищаются, умиляются, давая комментарии под контентом — «Это самый очаровательный цыпленок, которого можно встретить» (09.09.2024). В сообществе обсуждают проблемы женщин после родов (30.08.2024), здоровье младенцев (15.08.2024); мамочки дают друг другу различные советы (22.08.2024). Только одна публикация посвящена бабушкам, которых «мы начинаем ценить что-то только тогда, когда уже слишком поздно» (09.09.2024).

В рамках сообщества в неявном виде отражены нормы, требования к роли матери. Дискурс заботы о детях связывает материнство и детство. В сообществе осуждаются родители, которые не проявляют должного внимания к детям — обижают своих детей, пускают на самотек процесс воспитания и не прививают им социально значимых качеств (08.09.2024, 15.08.2024). Образцы «правильной» матери представлены в нарративах, которые можно объединить под названием «Яркие и сильные женщины». Среди известных персон фигурируют София Хаджипантели со своей матерью (06.09.2024), российская актриса Мария Куликова с сыном (02.09.2024) и другие. Месседж данных постов — быть в хорошей физической форме, не терять профессиональную квалификацию. Женщины в сообщениях рассказывают о своих возможностях, подчеркивая организационные способности, физическую выносливость, смекалку. Материалы развлекательного жанра представлены в числе прочего и в юмористическом ключе, который, на наш взгляд, позволяет подписчикам обозначать некоторые семейные проблемы: загруженность домашней работой, асимметрию семейных ролей и пр. В противовес собственной «нелегкой» жизни в развлекательно-гламурном жанре

изложены семейные истории «звезд» — певицы Н. Королевой (29.08.2024), шоумена М. Галустяна и других (10.08.2024, 18.08.2024).

За исследуемый период были опубликованы один пост на тему религии «Бог защищал вас и вашу семью» (17.08.2024) и один пост по поводу событий в публично-политической сфере. Последний отсылает к террористическому акту, который произошел 22 марта 2024 г. в Москве на концерте группы «Пикник» в «Крокус Сити Холле». Авторы поста педалируют не столько проблему национальной безопасности, сколько то, какую ценность имела семья для погибшего человека.

В целом данное сообщество выполняет коммуникативную и досуговую функции, компенсируя дефицит общения в период ухода за ребенком. Общение направлено на обмен опытом материнства, на построение позитивной эмоциональной связи между мамочками. Аксиологическими основаниями дискурса сообщества являются материнство и детство, матери признаются центром, точкой средоточия всех членов семьи. Публичные ценности практически не представлены в онлайн-сообществе.

Сообщество «Родители в теме. Клуб продвинутых мам и пап»

Данное сообщество было создано «для обмена опытом родителей» в 2014 г. и на данный момент насчитывает 620 438 подписчиков. С 1 августа по 30 сентября 2024 г. было опубликовано 512 постов. Аксиологическим основанием дискурсивного поля данного контента является детоцентризм, который артикулирован в многочисленных постах: «Любовь к детям — наслаждение созерцать их поведение. Каждый человек — всегда чей-нибудь ребенок» (01.08.2024), «Без детей нельзя было бы так любить человечество» (Ф. М. Достоевский) (23.09.2024) и т. д. В данном сообществе представлена «небольшая порция милшества» (08.08.2024), тогда как значительную часть контента составляют экспертные статьи (21,8 %), которые предлагают полезные советы родителям. Полнотекстовые статьи написаны в просвещенческом жанре и, с одной стороны, представляют материал на высоком профессиональном уровне, с другой — излагают его доступным языком, позволяющим легко освоить предлагаемые рекомендации и стать продвинутым родителем. Спектр советов затрагивает медицинские, психологические и другие сферы: «Как защищать ребенка от вирусов?» (27.09.2024), «Шнуровка ботинок», «Ребенок и айфон» (26.09.2024) и др. Отдельные советы направлены на развитие активности детей дошкольного и школьного возраста (10.09.2024), внимание акцентируется на важности раннего образовательного старта. Различные гламурные эксперименты на детях — окраска волос, татуаж — осуждаются пользователями сообщества (11.09.2024).

Вторым центром притяжения контента являются мамы — им посвящено 62,7 % сюжетов. Женщины-матери самолегитимизируют свою социальную функцию, показывают свою ключевую роль в семье под лозунгом «Мир держится на плечах женщин, а не на трех китах» (30.09.2024). Женщины подчеркивают свою как духовную, так и физическую силу: «Все мамы обладают особой суперсилой», «Правда каждой мамы: женщины очень сильные духом и могут все» (01.08.2024), отмечают, что отдают «все лучшее детям» (24.09.2024). Участники сообщества выделяют проблемные зоны семейной жизни, к которым относится домашняя уборка: «Я, как Золушка, целыми днями убираю, готовлю, стираю»

(27.09.2024), жизнь с детьми в однокомнатной квартире: «Всем жителям однушки и у кого есть дети посвящается» (24.09.2024), муж, который не помогает по хозяйству: «...кастрюлю купи — а он Луну» (23.09.2024). В ответ на жалобы женщин один из мужчин-подписчиков опубликовал пост о бабушках: «Бабули успевали все: скотина, огород, нас внуков брали на лето, стряпали пироги и всегда готовили вкусные угощения» (29.09.2024), показывая тем самым, что настоящие женщины-хозяйки — матери способны управлять временем и работать в условиях многозадачности. Эксперты сообщества также дают советы мамам, чтобы они смогли быть «на высоте материнства» (17.08.2024): как организовать личное пространство мамы (23.09.2024), что делать, если мамы чувствуют профессиональное выгорание (03.08.2024), как нужно маме себя хвалить (30.09.2024). Анализ сообщества дает возможность сделать вывод, что роль мамы профессионализируется, из статуса «любительской» мамы можно благодаря правильной организации семейной жизни перейти в статус «профессиональной».

В сообществе «Родители в теме. Клуб продвинутых мам и пап» сюжетов, связанных с папами, значительно больше, чем в двух анализируемых выше группах. При этом в основном отцы показаны в позитивном контексте: «С папой уверенно и весело» (26.09.2024), «...у папы свой подход» (29.09.2024). В контенте присутствуют материалы известных отцов-шоуменов П. Воли (12.08.2024) и М. Галустяна (14.08.2024). Незначительный сегмент контента (10 %) представлен материалами про отцов в ироничном ключе: муж, по сути, является еще одним ребенком, заботы о котором ложатся на плечи его жены (02.08.2024).

В целом использование в названии сообщества слова «продвинутые» оправдывает себя, поскольку в контенте предлагаются социальные технологии для достижения и поддержания ключевой ценности — семейного благополучия. Фон всех нарративов эмоционально окрашен, проникнут любовью к детям, снисхождением к мужу, осознанием и принятием «креста материнства» (А. М. Коллонтай).

Заключение

В результате анализа тематических семейных онлайн-сообществ можно сделать вывод, что безусловной фундаментальной ценностью контента всех сообществ является фамилизм. Комплементарные фамилизму ценности детоцентризма, материнства, отцовства, связи поколений, взаимопомощи, милосердия, патриотизма, мира природы и другие выражены с разной степенью интенсивности. В постах сообществ фамилизм легитимируется как первичная универсальная и самая крепкая социальная связь, основанная на гуманистических принципах. Доминирование визуального контента, развлекательных и культурно-просветительских жанров позволяет сообществам выполнять психотерапевтическую, досуговую, образовательную, коммуникативную, гедонистическую функции, формировать ценности ответственного родительства. В сообществах «Родители и педагоги! Наши дети», «Родители в теме. Клуб продвинутых мам и пап» ценности материнства и отцовства сбалансированы, тогда как в сообществе «Я МАМА!™ Дети. Семья» преобладает ценность материнства. В фигуре бабушки выражены идеальное материнство, ценности связи поколений, ностальгия по советскому детству, но их роль в процессе заботы и воспитания детей становится меньше, данные функции выполняют новые сетевые контакты, которые

помогают справляться с семейными проблемами. Незначительное количество постов в информационном жанре свидетельствует о том, что отсутствует характеристика внешней по отношению к семье среды. Темы политики, экономики, международных отношений в сообществах являются скорее исключением, чем правилом. Контент данных сообществ замкнут на семью и околосемейную сферу, изолирован от публичной (политической) жизни. Сосредоточенность на семье с обсуждением проблем домашнего хозяйства, обустройства домашнего быта, заботы о детях отражают секулярные сообщества. Семья представлена как микромир, основной задачей которого является забота о детях, обеспечение их безопасности от угроз большого мира. Нарративы сообществ отражают «мягкий» патриотизм, соотнесенный с любовью к своей семье, к близким людям, т. е. с гражданским обществом. Пересечение семейной и политической сфер фиксируется в одной теме — национальной безопасности. При этом повседневность семейной жизни не является локальной и ограниченной конкретным хронотопом — семья вписана в широкий контекст отечественной и зарубежной культуры, достижений поколений, которые необходимо освоить детям в процессе социализации. Поэтому наряду с ценностями патриотизма присутствуют и ценности космополитизма. Авторы постов выражают солидарность с гражданами любых государств, для которых семья является ценностью, выступает как универсальная ценность.

Таким образом, подводя итог характеристике подвергнутых анализу онлайн-сообществ, следует квалифицировать их как субъектов, которые активно производят и внедряют ценности фамилизма и детоцентризма, предлагают позитивную повестку для укрепления фамилистической культуры, российской семьи как социальной группы и института (на микро- и макроуровне).

Список источников

- Антонов А. И. Исторический упадок фамилистической цивилизации: возможен ли крах семьецентрической системы общества к концу XXI века? // Российское общество сегодня: ценности, институты, процессы. XVII Ковалевские чтения: материалы Всероссийской научной конференции, Санкт-Петербург, 16—18 ноября 2023 г. СПб.: Сциентиа, 2023. С. 69—70.
- Галичкина Е. Н. Характеристики компьютерного дискурса // Вестник Оренбургского государственного университета. 2004. № 10. С. 55—59.
- Емельяненко В. Д., Андропова А. С., Фахрадян А. К. Интернет и ценностно-мировоззренческие основания семьи // Альманах современной науки и образования. 2016. № 2. С. 33—39.
- Лукина Н. П., Сазонова П. В. Аксиологические проекции современных семейно-гендерных практик // Вестник Томского государственного университета. 2017. № 420. С. 184—191.
- Максименко А. А. Социологическая интерпретация понятия «ценность» // Вестник Костромского государственного университета им. Н. А. Некрасова. 2011. Т. 17, № 2. С. 284—291.
- Мальшиева О. П., Рябченко Н. А. Сетевые лингвистические данные и дискурсивное управление: президентские выборы в США 2020 года // Вестник Волгоградского государственного университета. Сер. 2, Языкознание. 2022. Т. 21, № 3. С. 39—53.
- Об утверждении Концепции государственной семейной политики в РФ на период до 2025 г.: распоряжение Правительства РФ от 25 августа 2014 г. № 1618-р. URL:

- <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/70627660/> (дата обращения: 24.09.2024).
- Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей: Указ Президента РФ от 9 ноября 2022 г. № 809. URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/405579061/> (дата обращения: 24.09.2024).
- Обдалова О. А., Левашкина З. Н. Понятие «нарратив» как феномен культуры и объект дискурсивной деятельности // *Язык и культура*. 2019. № 48. С. 332—348.
- Ростовская Т. К., Хасбулатова О. А., Смирнова И. Н. Одинокие матери в российском обществе: штрихи к социальному портрету // *Женщина в российском обществе*. 2023. № 1. С. 32—42.
- Семья как ценность: идеальная семья в представлениях россиян — многолетняя, уделяющая большое внимание воспитанию детей и передаче традиций // ВЦИОМ. Новости. 2024. 24 января. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/semja-kak-cennost> (дата обращения: 12.08.2024).
- Чернова Ж. В. Репрезентации отцовства: социологический анализ блогов // *Интеракция. Интервью. Интерпретация*. 2018. Т. 10, № 15. С. 6—23.
- Crystal D. *Language and the Internet*. Cambridge: Cambridge University Press, 2006. 272 p.
- Walker A. J. Refracted knowledge: viewing families through the prism of social science // *Journal of Marriage and the Family*. 2000. Vol. 62, № 3. P. 595—608.

References

- Antonov, A. I. (2023) Istoricheskiĭ upadok familisticheskoi tsivilizatsii: vozmozhn li krakh sem'etsentricheskoi sistemy obshchestva k kontsu XXI veka? [The historical decline of familistic civilization: is the collapse of the family-centric system of society possible by the end of the 21st century?], in: *Rossiiskoe obshchestvo segodnia: tsennosti, instituty, protsessy: XVII Kovalevskie chteniia: Materialy Vserossiiskoi nauchnoi konferentsii*, Sankt-Peterburg, 16—18 noiabria, St. Petersburg: Stsientia, pp. 69—70.
- Chernova, Zh. V. (2018) Rerezentatsii ottsovstva: sotsiologicheskii analiz blogov [Representation of fatherhood: blogs' sociological analysis], *Interaktsiia. Interv'iu. Interpretatsiia*, vol. 10, no. 15, pp. 6—23.
- Crystal, D. (2006) *Language and the Internet*, Cambridge: Cambridge University Press.
- Emelyanenko, V. D., Andronova, A. S., Fakhradyan, A. K. (2016) Internet i tsennostno-mirovozzrencheskie osnovaniia sem'i [The Internet and the family's value and worldview foundations], *Al'manakh sovremennoi nauki i obrazovaniia*, no. 2, pp. 33—39.
- Galichkina, E. N. (2004) Kharakteristiki komp'iuternogo diskursa [Characteristics of computer discourse], *Vestnik Orenburgskogo gosudarstvennogo universiteta*, no. 10, pp. 55—59.
- Lukina, N. P., Sazonova, P. V. (2017) Aksiologicheskie proektsii sovremennykh semeino-gendernykh praktik [Axiological projections of modern family-gender practices], *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta*, no. 420, pp. 184—191.
- Maksimenko, A. A. (2011) Sotsiologicheskaiia interpretatsiia poniatiiia "tsennost'" [Sociological interpretation of value conception], *Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta imeni N. A. Nekrasova*, vol. 17, no. 2, pp. 284—291.
- Malysheva, O. P., Ryabchenko, N. A. (2022) Setevye lingvisticheskie dannye i diskursivnoe upravlenie: prezidentskie vybory v SShA 2020 goda [Networked linguistic data and discourse management: the 2020 US presidential election], *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta*, seriia 2, Iazykoznanie, vol. 21, no. 3, pp. 39—53.

- Obdalova, O. A., Levashkina, Z. N. (2019) Poniatie “narrative” kak fenomen kul’tury i ob’ekt diskursivnoi deiatel’nosti [“Narrative” as a cultural phenomenon and an object of discursive activity], *Iazyk i kul’tura*, no. 48, pp. 332—348.
- Rostovskaya, T. K., Khasbulatova, O. A., Smirnova, I. N. (2023) Odinokie materi v rossiiskom obshchestve: shtriki k sotsial’nomu portretu [Single mothers in Russian society: strokes to a social portrait], *Zhenshchina v rossiiskom obshchestve*, no. 1, pp. 32—42.
- Sem’ia kak tsennost’: Ideal’naia sem’ia v predstavleniakh rossiian — mnogodetnaia, udeliaushchaia bol’shoe vnimanie vospitaniiu detei i peredache traditsii (2024) [Family as a value: The ideal family in the minds of Russians is one with many children, paying great attention to raising children and passing on traditions], *VTsIOM. Novosti*, 24 ianvaria, available from <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheski-obzor/semja-kak-cennost> (accessed 12.08.2024).
- Walker, A. J. (2000) Refracted knowledge: viewing families through the prism of social science, *Journal of Marriage and the Family*, vol. 62, no. 3, pp. 595—608.

Статья поступила в редакцию 13.01.2025; одобрена после рецензирования 27.01.2025; принята к публикации 03.02.2025.

The article was submitted 13.01.2025; approved after reviewing 27.01.2025; accepted for publication 03.02.2025.

Информация об авторах / Information about the authors

Козлова Наталия Николаевна — доктор политических наук, доцент, заведующая кафедрой политологии, Тверской государственной университет, г. Тверь, Россия, tver-rapn@mail.ru (Dr. Sc. (Political Science), Associate Professor, Head of the Department of Political Science, Tver State University, Tver, Russian Federation).

Рассадин Сергей Валентинович — кандидат философских наук, доцент кафедры политологии, Тверской государственной университет, г. Тверь, Россия, s_r08@mail.ru (Cand. Sc. (Philosophy), Associate Professor at the Department of Political Science, Tver State University, Tver, Russian Federation).

Овчарова Ольга Геннадиевна — доктор политических наук, доцент, профессор кафедры гуманитарных дисциплин, Российская государственная специализированная академия искусств, г. Москва, Россия, ovcharovao@yandex.ru (Dr. Sc. (Political Science), Associate Professor, Professor at the Department of Humanities, Russian State Specialized Academy of Arts, Moscow, Russian Federation).

Васильева Елена Николаевна — кандидат филологических наук, доцент кафедры международных отношений, Тверской государственной университет, г. Тверь, Россия, vasilieva-elnik@yandex.ru (Cand. Sc. (Philology), Associate Professor at the Department of International Relations, Tver State University, Tver, Russian Federation).

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ HISTORICAL SCIENCES

Женщина в российском обществе. 2025. № 1. С. 112—119.

Woman in Russian Society. 2025. No. 1. P. 112—119.

Научная статья

УДК 614.2(091)(470.57)"1942/90"

EDN: <https://elibrary.ru/jitexk>

DOI: 10.21064/WinRS.2025.1.9

ОХРАНА ЗДОРОВЬЯ ЖЕНЩИНЫ-МАТЕРИ И РЕБЕНКА В ПОСЛЕВОЕННОЙ БАШКИРИИ

Рима Нугамановна Сулейманова

Институт истории, языка и литературы,
Уфимский федеральный исследовательский центр, Российская академия наук,
г. Уфа, Республика Башкортостан, Россия, rsulejman@mail.ru

Аннотация. На основе исторических источников рассматривается деятельность органов управления Башкирии по охране здоровья женщины-матери и ребенка в период Великой Отечественной войны и в послевоенный период. С привлечением различных источников исследованы состояние и развитие здравоохранения и медицинского обслуживания женского и детского населения, влияние на них последствий Великой Отечественной войны, результативность принятия мер по укреплению здоровья женщин и детей. Рассмотрены положительные результаты в деятельности местных органов и учреждений здравоохранения, а также проблемные вопросы в их работе. Сделан вывод о вкладе органов здравоохранения Башкирии в охрану материнства и детства в послевоенный период.

Ключевые слова: здоровье женщины-матери и ребенка, медицинское обслуживание, органы здравоохранения, послевоенный период, регион

Благодарности: исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 25-28-00153 «“В единстве — благополучие”: защита семьи и сохранение традиционных семейных ценностей в многонациональной Республике Башкортостан (1945—2025 гг.)», <https://rscf.ru/project/25-28-00153/>.

Для цитирования: Сулейманова Р. Н. Охрана здоровья женщины-матери и ребенка в послевоенной Башкирии // *Женщина в российском обществе. 2025. № 1. С. 112—119.*

Original article

MATERNAL AND CHILD HEALTH IN THE POST-WAR BASHKIR AUTONOMOUS SOVIET SOCIALIST REPUBLIC

Rima N. Suleimanova

Institute of History, Language and Literature,
Ufa Federal Research Centre, Russian Academy of Sciences,
Ufa, Republic of Bashkortostan, Russian Federation, rnsulejman@mail.ru

Abstract. Based on historical sources, the article examines the activities of the governing bodies of the Bashkir Autonomous Soviet Socialist Republic to protect the health of mothers and children during the Great Patriotic War and in the post-war period. Using various sources, the author examined the state and development of healthcare, the state and development of medical care for women and children, the impact of the Great Patriotic War on them and the effectiveness of measures to improve the health of women and children. Positive results in the activities of local authorities and healthcare institutions, as well as problematic issues in their work, are considered. The author analyzes the contribution of the health authorities of the Bashkir Autonomous Soviet Socialist Republic to the protection of maternal and child health in the post-war period.

Key words: maternal and child health, medical care, health authorities, post-war period, region

Acknowledgments: this work was supported by the Russian Science Foundation under grant № 25-28-00153 “«In unity there is prosperity»: protecting the family and preserving traditional family values in the multinational Republic of Bashkortostan (1945—2025)”, <https://rscf.ru/en/project/25-28-00153/>.

For citation: Suleimanova, R. N. (2025) Okhrana zdorov'ia zhenshchiny-materi i rebënka v poslevoennoï Bashkirii [Maternal and child health in the post-war Bashkir Autonomous Soviet Socialist Republic], *Zhenshchina v rossiïskom obshchestve*, no. 1, pp. 112—119.

В период Великой Отечественной войны и послевоенные годы советское государство уделяло большое внимание вопросам укрепления здоровья населения, охране материнства и детства. С началом войны эти задачи были поставлены перед органами здравоохранения наряду с решением не менее важных задач по организации военных госпиталей, сохранению санитарно-эпидемиологического благополучия тыла. В послевоенный период работа органов управления была направлена не только на восстановление здоровья демобилизовавшихся военнослужащих, но и на повышение естественного прироста населения, развитие сети детских и родовспомогательных учреждений. В статье на примере одного из регионов СССР — Башкирии представлен анализ работы органов здравоохранения и лечебных учреждений республики в обозначенный исторический период, когда решались задачи в области охраны материнства и детства, медицинского обслуживания и укрепления здоровья женщины-матери и ребенка, улучшения демографических показателей.

Проблемы государственной демографической политики на различных этапах истории не теряют актуальности и вызывают интерес историков, демографов, социологов. Среди актуальных остаются вопросы охраны материнства и детства, здоровья детей в военные и послевоенные годы на общероссийском и региональном уровнях [Мананникова, 1973; Население... , 2001; Мерзлякова, 1995; Усольцева, 2005]. Проблемы семейной политики в СССР, в том числе и в Башкирской республике, в названный период нашли отражение в ряде научных работ [Хасбулатова, 2015; Хасбулатова, Смирнова, 2024]. В обобщающих трудах по истории региона [История Башкортостана... , 2005], истории Башкирии в годы Великой Отечественной войны, развитию здравоохранения в республике данная тема получила частичное освещение [Лукманов, 1958; Шерстенников, 1966; История здравоохранения... , 1981; Ахмадиев, 1984]. Обращение к этой теме в истории Башкирии было вызвано не только значимостью проблемы, но и недостаточностью научных исследований.

Укрепление здоровья матери и ребенка, поддержка материнства и детства обеспечиваются в государстве развитием общей сети женских и детских консультаций, родильных домов, детских больниц, фельдшерских и фельдшерско-акушерских пунктов, детских яслей и садов, сезонных яслей и оздоровительных площадок, молочных кухонь, санаториев и пионерских лагерей. Исследование показало, что последствия Великой Отечественной войны, так называемое демографическое эхо войны, реализация комплекса мероприятий, предусмотренных в Указе Президиума Верховного Совета СССР от 8 июля 1944 г., оказали серьезное влияние не только на положение и здоровье женщины-матери и ребенка, но и на демографические процессы в целом.

В Башкирии последствия войны отразились на общей демографической обстановке, что привело к ухудшению процессов воспроизводства населения, сокращению его численности (прежде всего мужского населения), падению рождаемости, росту смертности. Общая численность населения за военные годы сократилась на 20,9 %, или почти на 700 тыс. человек. Показатель естественного прироста на 1000 человек населения составил в 1945 г. 26 ‰ против 3,8 ‰ в довоенный период [История Башкортостана... , 2005: 262; НА РБ, ф. 472, оп. 20, д. 556, л. 3]. Снижение детской смертности, как общей, так и до одного года, за военный период было связано со снижением рождаемости, но также и со снижением заболеваемости детей¹. Положительную роль сыграло проведение органами здравоохранения оздоровительных мероприятий, улучшение работы детских консультаций и молочных кухонь. В то же время показатели заболеваемости и смертности населения оставались негативными, что было обусловлено ухудшением материального положения людей и недостаточным медицинским обслуживанием [НА РБ, ф. 444, оп. 2, д. 7, л. 14].

На заседании Верховного Совета БАССР 5 июля 1945 г. руководитель медицинского ведомства С. З. Лукманов отмечал большую работу органов охраны материнства и детства, которая проводилась в «чрезвычайных условиях»: была сохранена практически вся сеть женских и детских консультаций, родовспомогательных учреждений, улучшено качество обслуживания, возросли показатели охвата родовспоможением и обеспеченности родильными койками (на 10 тыс.

¹ Красная Башкирия. 1946. 20 января.

населения), число молочных кухонь, осуществлялись меры по укреплению детского здоровья. Было указано и на имевшиеся недостатки [Восьмая сессия... , 1945: 55—58; НА РБ, ф. 444, оп. 1, д. 115, л. 116, 118]. Документальные и статистические источники свидетельствуют, что, несмотря на трудности военного времени, в республике удалось не только сохранить систему охраны материнства, но и добиться некоторого улучшения ряда показателей в этой области и демографической обстановки в целом.

В послевоенные годы перед органами здравоохранения встали новые, более ответственные задачи, в том числе по охране материнства и детства. Они заключались в «изжитии накопившихся недостатков и создании лучших условий в работе учреждений по охране материнства и младенчества» [Девятая сессия... , 1946: 22]. Решение этих задач происходило в непростой период перехода республики к мирной жизни и выполнению заданий на четвертую пятилетку.

Особое значение придавалось проблемам повышения естественного прироста населения, напрямую зависевшего от работы детских и родовспомогательных учреждений, требовавшего немалых финансовых затрат. В этот период бюджетные средства республики в основном распределялись по статьям народно-хозяйственного назначения. Но ввиду важности задачи необходимые средства на ее решение были выделены. Так, на поддержку здравоохранения в республике в 1946 г. было направлено 9,3 млн рублей против 6,4 млн рублей в 1940 г. Значительно возросли ассигнования на лечебно-профилактическую помощь детям и родовспоможение² [Народное хозяйство... , 1967: 266—267].

С целью улучшения общей ситуации в отрасли и медицинском обслуживании населения потребовалось проведение кардинальных изменений в системе здравоохранения, касающихся реорганизации отрасли, подготовки и повышения квалификации кадров, увеличения сети детских и родовспомогательных учреждений. При Министерстве здравоохранения начали работать Медицинский совет, Санитарно-эпидемический совет, Совет по родовспоможению, Совет по лечебной и профилактической помощи детям, Межведомственная комиссия по борьбе с абортными. Проводились Всебашкирский съезд врачей, отраслевые республиканские совещания, в том числе по родовспоможению и детскому здравоохранению, что создавало возможности для обмена опытом и повышения профессионального уровня медицинских работников [НА РБ, ф. 444, оп. 2, д. 7, л. 16].

В результате в указанный период наблюдалось расширение сети лечебно-профилактических и родовспомогательных учреждений, заметно снизились показатели заболеваемости и смертности детей. Органам управления удалось избежать тяжелых последствий таких распространенных детских инфекционных заболеваний, как корь, скарлатина, рахит, туберкулез, дизентерия, оспа и др.³ [История здравоохранения... , 1981: 89, 90]. Выделение бюджетных ассигнований на здравоохранение позволило увеличить число больничных учреждений, фельдшерских и фельдшерско-акушерских пунктов, женских, детских консультаций и поликлиник, молочных кухонь и детских дошкольных учреждений. Выросло число коек для беременных женщин и рожениц в лечебных учреждениях, а также их охват медицинской помощью. В 1945 г. медицинское обслуживание

² Там же. 7 сентября.

³ Там же. 20 января.

беременных женщин составило 62,9 % от их общего числа, что значительно превышало довоенный уровень⁴ [НА РБ, ф. 444, оп. 2, д. 113, л. 34]. Существенно выросли показатели рождаемости. В 1945 г. родилось свыше 39,4 тыс. детей, в 1949 г. уже более 93,5 тыс. [НА РБ, ф. 472, оп. 20, д. 556, л. 3]. Этому способствовали такие факторы, как демобилизация военнослужащих из рядов действующей армии, их возвращение домой, стабилизация внутривойсковой и экономической обстановки в стране. Однако значительного снижения показателей материнской и младенческой смертности, числа внебольничных аборт, отрицательно сказывавшихся на женском здоровье, добиться пока не удалось. Еще ощущались последствия массового использования женского труда в народном хозяйстве в годы войны, которые проявились в росте гинекологических заболеваний. В отчетах Министерства здравоохранения отмечалось недостаточное число в медицинских учреждениях гинекологических коек в сравнении с родильными, что отрицательно влияло на общую ситуацию в системе родовспоможения в республике [НА РБ, ф. 444, оп. 2, д. 7, л. 15].

Таким образом, в послевоенные годы органы здравоохранения и медицинские учреждения Башкирии не смогли выполнить все поставленные задачи. Вместе с тем в обозначенный органами государственной власти период определенные результаты были достигнуты, в республике удалось стабилизировать демографическую обстановку.

В 1950 г. Башкирия завершила выполнение заданий четвертой пятилетки и приступила к плановым заданиям следующей пятилетки. Перед органами здравоохранения республики были поставлены новые, более сложные задачи: достичь улучшения работы врачебных, лечебно-профилактических и родовспомогательных учреждений, повысить качество оказываемой лечебной помощи в городе и на селе, а также уровень квалификации медицинских работников. На эти цели в 1950 г. правительством было выделено 19,1 млн рублей, в 1955 г. — свыше 60 млн рублей. В результате, по данным документальных и статистических источников, это позволило расширить сеть медицинских и лечебно-профилактических учреждений, в том числе по охране материнства и детства, а также увеличить число больничных коек. В 1953 г. в республике функционировало 240 больничных учреждений на 13,7 тыс. коек, 88 женских, детских консультаций и детских поликлиник, молочных кухонь, 1754 койки для беременных женщин и рожениц. Улучшились показатели обеспечения квалифицированными кадрами лечебно-профилактических и родовспомогательных учреждений, в том числе врачами-педиатрами, гинекологами, акушерками и патронажными сестрами, что было особенно важно для сельской местности [Лукманов, 1958: 28; Основные показатели... , 1967: 18; Народное хозяйство... , 1967: 260, 267]. Охват медицинской помощью беременных женщин и рожениц составил в 1951 г. 76 %, в 1953 г. — почти 78 %, однако в сельской местности — всего 46 % [НА РБ, ф. 444, оп. 2, д. 26, л. 1; ф. 394, оп. 6, д. 123, л. 115].

Принятые руководством республики меры позволили добиться значительного снижения уровня заболеваемости и смертности населения, в том числе детского, что подтверждается документальными и статистическими источниками.

⁴ Там же.

Так, в 1950 г. в республике было зафиксировано рождение свыше 86,6 тыс. детей, в 1954 г. — уже почти 104 тыс. [НА РБ, ф. 472, оп. 20, д. 556, л. 3], что привело к улучшению демографической обстановки. В 1955 г. показатель естественного прироста на 1000 человек населения составлял 26 ‰ против 3,8 ‰ в 1945 г. [Народное хозяйство... , 1964: 22; Народное хозяйство... , 1967: 15].

Достигнутые результаты способствовали улучшению охраны материнства и детства, укреплению здоровья женщины-матери и ребенка, в целом населения Башкирии в эти годы. Уже к середине 1950-х гг. в республике значительно снизился уровень заболеваемости и смертности, удалось окончательно избавить население от трахомы, дифтерии, существенно снизить заболеваемость рядом инфекций — полиомиелитом, дифтерией, коклюшем, кишечными инфекциями [Основные показатели... , 1967: 10, 13].

Органы здравоохранения республики стали уделять больше внимания повышению качества лечебной помощи населению, особенно в сельской местности. Ставились задачи по улучшению обеспечения беременных женщин, рожениц и детей необходимым продовольствием, снабжению новорожденных предметами ухода и питания. На их решение были направлены принятые республиканскими органами постановления, в их числе «О мероприятиях по расширению сети детских учреждений и улучшению медицинского и бытового обслуживания женщин и детей», «О состоянии снабжения продуктами питания и детским питанием беременных женщин и кормящих матерей» и др. Однако выполнение намеченных мероприятий шло еще медленными темпами, об этом свидетельствуют документальные источники [НА РБ, ф. 444, оп. 2, д. 26, л. 1, 88; д. 237, л. 172; ф. 394, оп. 6, д. 123, л. 115]. Женщины обращались с письмами в редакции местных газет, о чем говорят названия статей: «Многодетным матерям — должное внимание», «О беспорядках в родильном доме», «Подпольный аборт», «Обида матери-героини» и пр.⁵

Анализ показывает, что в указанный исторический период внимание республиканских органов управления к охране материнства и детства значительно возросло. Это позволило дать определенный импульс развитию здравоохранения в целом, улучшить деятельность медицинских и лечебно-профилактических учреждений, в том числе в области охраны материнства и детства.

Итак, опираясь на документальные и статистические источники, можно сделать вывод, что в послевоенные годы органами здравоохранения и лечебными учреждениями Башкирии при поддержке и соответствующем контроле со стороны республиканских и центральных органов была проведена значительная работа по укреплению здоровья, обеспечению медицинским обслуживанием женщины-матери и ребенка, что привело к улучшению показателей рождаемости, снижению смертности, в том числе детской и материнской, к существенной стабилизации демографической ситуации. В то же время не все поставленные перед органами здравоохранения республики задачи были решены. Предстояла большая работа по дальнейшему улучшению медицинского обслуживания женщин и детей, устранению формального подхода к охране материнства и детства, укреплению здоровья женщины-матери и ребенка.

⁵ См., напр.: Советская Башкирия. 1956. 25 мая.

Список источников

- Ахмадиев Т. Х. Башкирская АССР в годы Великой Отечественной войны. Уфа: Башкнигоиздат, 1984. 280 с.
- Восьмая сессия Верховного Совета Башкирской АССР (5—7 июля 1945 года): стенографический отчет. Уфа, 1945. 279 с.
- Девятая сессия Верховного Совета Башкирской АССР (5—8 июля 1946 года): стенографический отчет. Уфа: Башгосиздат, 1946. 246 с.
- История Башкортостана, 1917-й — 1990-е годы: в 2 т. / отв. ред. Р. Н. Сулейманова. Уфа: Гилем, 2005. Т. 2: 1945—1990. 313 с.
- История здравоохранения и медицинской науки в Башкирской АССР (1917—1980 гг.). Уфа: Башкнигоиздат, 1981. 408 с.
- Лукманов С. З. Развитие здравоохранения Башкирской АССР. Уфа: Башкнигоиздат, 1958. 36 с.
- Мананикова Н. В. Охрана здоровья детей в СССР. М.: Медицина, 1973. 280 с.
- Мерзлякова Г. В. Мать и дитя: испытание войной // Урал в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг.: тезисы докладов научно-практической конференции. Екатеринбург: Урал. гос. ун-т им. А. М. Горького, 1995. С. 146—150.
- НА РБ (Национальный архив Республики Башкортостан).
- Народное хозяйство Башкирской АССР: статистический сборник. Уфа: Статистика, 1967. 279 с.
- Народное хозяйство и культурное строительство Башкирской АССР: статистический сборник. Уфа: Статистика, 1964. 264 с.
- Население России в XX веке: исторические очерки: в 3 т. М.: РОССПЭН, 2001. Т. 2. 416 с.
- Основные показатели развития здравоохранения Башкирии (1913—1966 гг.). Уфа: [б. и.], 1967. 47 с.
- Усольцева Н. Л. Охрана материнства и детства на Южном Урале в годы Великой Отечественной войны // Тыл фронту!: материалы Международной научной конференции. Челябинск: Челяб. гос. ун-т, 2005. С. 223—226.
- Хасбулатова О. А. Социальная политика СССР в период Великой Отечественной войны 1941—1945 гг.: гендерный аспект // Женщина в российском обществе. 2015. № 2. С. 3—10.
- Хасбулатова О. А., Смирнова И. Н. Семейная политика в СССР (1936—1955): историко-социологический анализ // Женщина в российском обществе. 2024. № 2. С. 43—54.
- Шерстенников Н. А. Здравоохранение Башкирской АССР в годы Великой Отечественной войны // Советское здравоохранение. 1966. № 9. С. 69—72.

References

- Akhmadiev, T. Kh. (1984) *Bashkirskaiia ASSR v gody Velikoï Otechestvennoï voïny* [Bashkir Autonomous Soviet Socialist Republic during the Great Patriotic War], Ufa: Bashkniгоizdat.
- Istoriia zdravookhraneniia i meditsinskoï nauki v Bashkirskoï ASSR (1917—1980 gg.)* (1981) [History of healthcare and medical science in the Bashkir Autonomous Soviet Socialist Republic (1917—1980)], Ufa: Bashkniгоizdat.
- Khasbulatova, O. A. (2015) *Sotsial'naiia politika SSSR v period Velikoï Otechestvennoï voïny 1941—1945 gg.: gendernyi aspekt* [Social policy of the USSR during the Great Patriotic War of 1941—1945: a gender aspect], *Zhenshchina v rossiiskom obshchestve*, no. 2, pp. 3—10.

- Khasbulatova, O. A., Smirnova, I. N. (2024) Semeĭnaia politika v SSSR (1936—1955): istoriko-sotsiologicheskii analiz [Family policy in the USSR (1936—1955): a socio-historical analysis], *Zhenshchina v rossiiskom obshchestve*, no. 2, pp. 43—54.
- Lukmanov, S. Z. (1958) *Razvitie zdravookhraneniia Bashkirskoi ASSR* [Development of healthcare in the Bashkir Autonomous Soviet Socialist Republic], Ufa: Bashknigoizdat.
- Manannikova, N. V. (1973) *Okhrana zdorov'ia detei v SSSR* [Children's health protection in the USSR], Moscow: Meditsina.
- Merzlyakova, G. V. (1995) Mat' i ditiia: ispytanie voĭnoi [Mother and child: the test of war], *Ural v Velikoi Otechestvennoi voĭne 1941—1945 gg.: Tezisy dokladov nauchno-prakticheskoi konferentsii*, Yekaterinburg: Ural'skii gosudarstvennyi universitet imeni A. M. Gor'kogo, pp. 146—150.
- Narodnoe khoziaĭstvo Bashkirskoi ASSR: Statisticheskii sbornik* (1967) [National economy of the Bashkir Autonomous Soviet Socialist Republic: A statistical collection], Ufa: Statistika.
- Narodnoe khoziaĭstvo i kul'turnoe stroitel'stvo Bashkirskoi ASSR: Statisticheskii sbornik* (1964) [National economy and cultural construction of the Bashkir Autonomous Soviet Socialist Republic: A statistical collection], Ufa: Statistika.
- Naselenie Rossii v XX veke: Istoricheskie ocherki: in 3 vols* (2001) [Population of Russia in the 20th century: Historical essays: in 3 vols], vol. 2, Moscow, ROSSPĖN.
- Osnovnye pokazateli razvitiia zdravookhraneniia Bashkirii (1913—1966 gg.)* (1967) [Main indicators of health care development in the Bashkir Autonomous Soviet Socialist Republic (1913—1966)], Ufa.
- Sherstennikov, N. A. (1966) Zdravookhranenie Bashkirskoi ASSR v gody Velikoi Otechestvennoi voĭny [Healthcare of the Bashkir Autonomous Soviet Socialist Republic during the Great Patriotic War], *Sovetskoe zdravookhranenie*, no. 9, pp. 69—72.
- Suleimanova, R. N. (ed.) (2005) *Istoriia Bashkortostana, 1917-ĭ — 1990-e gody: in 2 vols* [History of Bashkortostan, 1917—1990s: in 2 vols], vol. 2: 1945—1990, Ufa: Gilem.
- Usoltseva, N. L. (2005) Okhrana materinstva i detstva na Iuzhnom Urale v gody Velikoi Otechestvennoi voĭny [Protection of maternal and child health in the Southern Urals during the Great Patriotic War], *Tyl frontu!:* Materialy Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii, Cheliabinsk: Cheliabinskii gosudarstvennyi universitet, pp. 223—226.

Статья поступила в редакцию 10.01.2025; одобрена после рецензирования 24.01.2025; принята к публикации 30.01.2025.

The article was submitted 10.01.2025; approved after reviewing 24.01.2025; accepted for publication 30.01.2025.

Информация об авторе / Information about the author

Сулейманова Рима Нугамановна — доктор исторических наук, профессор, заведующая отделом новейшей истории Башкортостана, Институт истории, языка и литературы Уфимского федерального исследовательского центра РАН, г. Уфа, Республика Башкортостан, Россия, rnsulejman@mail.ru (Dr. Sc. (History), Professor, Head of the Department of Recent History of the Republic of Bashkortostan, Institute of History, Language and Literature, Ufa Federal Research Centre of the Russian Academy of Sciences, Ufa, Republic of Bashkortostan, Russian Federation).

Женщина в российском обществе. 2025. № 1. С. 120—128.

Woman in Russian Society. 2025. No. 1. P. 120—128.

Научная статья

УДК 364-055.2

EDN: <https://elibrary.ru/eyiqsu>

DOI: 10.21064/WinRS.2025.1.10

**ТРУДОВАЯ ПОМОЩЬ
В ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ЖЕНСКИХ ОРГАНИЗАЦИЙ
КОНЦА XIX — НАЧАЛА XX в.**

Ольга Анатольевна Хасбулатова

Ивановский государственный университет,
г. Иваново, Россия, oax37@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена анализу одного из направлений деятельности женских организаций в Российской империи конца XIX — начала XX в., которое получило название «трудовая помощь». По формам и содержанию социальной поддержки женщин она выходила за рамки общепринятой благотворительности. Это были не пожертвования граждан. Для реализации своих благотворительных проектов активистки женских организаций использовали технологии предпринимательской деятельности, включая в сферу своего влияния тысячи малоимущих женщин. Благодаря трудовой помощи деятельницы женского движения помогали женщинам стать экономически самостоятельными и получить профессию. Технологии опоры на собственные силы и взаимоподдержки не теряют своей актуальности в современном женском движении.

Ключевые слова: начало XX в., российское женское движение, трудовая помощь как технология социальной поддержки женщин, дома трудолюбия, женские мастерские, профессиональные женские курсы, самопомощь

Для цитирования: Хасбулатова О. А. Трудовая помощь в деятельности женских организаций конца XIX — начала XX в. // Женщина в российском обществе. 2025. № 1. С. 120—128.

Original article

EMPLOYEE ASSISTANCE IN THE ACTIVITIES OF WOMEN'S ORGANIZATIONS OF THE LATE 19th AND EARLY 20th c.

Olga A. Khasbulatova

Ivanovo State University, Ivanovo, Russian Federation, oax37@mail.ru

Abstract. The article is devoted to the analysis of one of the areas of activity of women's organizations in the Russian Empire of the late 19th and early 20th c., which was called "employee assistance". In terms of the forms and content of social support for women, it went beyond the scope of generally accepted charity. This was not financial assistance. To implement their charitable projects, activists of women's organizations used the involvement of women in entrepreneurial activities, involving thousands of low-income women. Thanks to employee assistance, activists of the women's movement helped women become economically independent and acquire a profession. Self-reliance and mutual support in the activities of women's organizations do not lose their relevance in the modern women's movement.

Key words: early 20th c., Russian women's movement, employee assistance and its role in social support for women, houses of diligence, women's workshops, professional women's courses, self-help

For citation: Khasbulatova, O. A. (2025) *Trudovaia pomoshch' v deiatel'nosti zhen'skikh organizatsii kontsa 19 — nachala 20 v.* [Employee assistance in the activities of women's organizations of the late 19th and early 20th c.], *Zhenshchina v rossiiskom obshchestve*, no. 1, pp. 120—128.

Введение

Период конца XIX — начала XX в. вошел в историю Российской империи как время активного вовлечения женщин в профессиональную и общественную деятельность, создания сети женских групп и организаций с фиксированным и нефиксированным членством, которые активно действовали в обществе с целью удовлетворения потребности в самопомощи, достижения фактического равноправия мужчин и женщин в различных сферах жизни. Высокий уровень эксплуатации, дискриминация по признаку пола, тяжелые условия труда меняли мировоззрение женщин, усиливали их недовольство своей судьбой. Исторические источники, труды ученых убедительно показывают, что в обозначенный исторический период государственная политика Российской империи отрицала роль женщины как самостоятельной личности и субъекта общественного развития, что вызвало к жизни женское движение трудовой помощи [Безобразов, 1895; Законы о женщинах, 1899; Труды Первого Всероссийского женского съезда... , 1909; Хвостов, 1914].

Консервативно-патриархальная политика в отношении женщин способствовала зарождению и развитию женского движения во второй половине

XIX — начале XX в. В общей структуре женских организаций, действовавших в городах российского государства, выделялись благотворительные, профессиональные женские организации, которые выполняли функцию социальной самозащиты и поддержки женщин из неимущих слоев общества. В статье на основе документальных источников представлена характеристика движения трудовой помощи как одного из ведущих направлений женского движения в названный исторический период. Методологический инструментарий исследования включает исторический, проблемно-хронологический, ретроспективный методы, приемы исторического описания, периодизации, конкретно-исторического анализа. Их применение позволяет проследить тенденции развития движения трудовой помощи, определить направления структурирования данного социального феномена, степень его влияния на формирование у широких слоев женщин стремления к самопомощи, самостоятельной деятельности и нравственному развитию, а также сформулировать концептуальные основы деятельности женских организаций во второй половине XIX — начале XX в.

Движение трудовой помощи во второй половине XIX в.

Этап первоначального становления женского движения в России относится к периоду 1859—1894 гг. Создаваемые в это время общества преследовали цели благотворительности, просвещения женщин, поддержки их стремления включиться в профессиональную деятельность. Идейная платформа движения трудовой помощи формировалась постепенно и вобрала многие демократические воззрения второй половины XIX в. В работе «О подчинении женщины» Д. С. Милль писал, что за женщиной должно быть признано право на самостоятельность и самоуважение — «качества, необходимые для индивидуального благополучия и социального благоустройства» [Милль, 1869: 105]. По мере накопления социального опыта по поддержке различных групп женщин в их стремлении к образованию, экономической независимости, профессиональному труду ученые стали вкладывать в данный термин более широкий смысл. В историческом обзоре становления женского движения М. В. Кечеджи-Шаповалов выделил движение трудовой помощи в самостоятельный раздел, назвав его движением самозащиты [Кечеджи-Шаповалов, 1902]. Сборник женского равноправия профессор В. М. Хвостов вкладывал в понятие достоинства женской личности такие характеристики, как «независимое поведение, право на самоопределение, личную свободу» [Хвостов, 1914: 381]. В отчете Санкт-Петербургского дома трудолюбия для образованных женщин отмечалось, что «целесообразнейшая, единственно рациональная форма благотворительности должна состоять в предоставлении нуждающимся оплачиваемого труда, а не милости, не даровой помощи...» [Женское дело, 1899: 116].

За период с 1859 по 1917 г. трудовая помощь женских обществ прошла интенсивный путь развития, от небольших артелей до крупных коммерческих структур. В 1860-х гг. первыми формами приобщения женщин к профессиональному труду были различные ассоциации: общества взаимопомощи, производственные артели, бытовые коммуны. В 1859 г. в Санкт-Петербурге были

образованы Общество дешевых квартир и других пособий нуждающимся жителям Санкт-Петербурга и Общество для оказания материальной помощи беднейшему населению. Это были первые женские организации, положившие начало одному из ведущих направлений женского движения — движению трудовой помощи. Их основательницами стали представительницы высших слоев общества, поборницы равноправия полов М. В. Трубникова, В. Н. Ростовцева, А. П. Философова, Н. В. Стасова. Устроительницы Общества дешевых квартир и других пособий нуждающимся жителям Санкт-Петербурга, чтобы материально поддержать женщин, открыли мастерскую для работниц, магазин женских рукоделий, школу и рукодельню для детей. Для реализации плана действий общество получило разрешение на лотерею в 50 тыс. рублей. На средства от лотереи был построен дом в четыре этажа, с паровым отоплением, кухней, прачечной и сушилкой, три этажа в котором были оборудованы под общежитие для неимущих женщин. Заказы на шитье, получаемые активом общества, поддерживали женщин материально. В 1871 г. А. П. Философовой, Ю. Ф. Гамбургер и Н. В. Стасовой удалось отвоевать на торгах в военном министерстве огромный подряд на 100 тыс. штук военной амуниции. При этом Ю. Ф. Гамбургер внесла в залог собственные акции. Заказ был выполнен за три года и позволил обеспечить работой 500 женщин [Стасов, 1899: 151].

Интересной формой трудовой помощи женской интеллигенции явилась первая и единственная в России Женская издательская артель, которая была открыта в Санкт-Петербурге в 1863 г. В артели работали 54 женщины, которые сами переводили, иллюстрировали и переплетали книги. Бумагу для производственных нужд жертвовали жены фабрикантов [там же: 143]. Подобные артели по другим профессиям также получили широкое распространение среди женщин неимущих слоев.

Начиная с 1860-х гг. жизненным ориентиром женских организаций становится опора на собственные силы, самопомощь, что нашло отражение в названиях обществ: Общество женского труда (1862), Женское общество переводчиц, Женская издательская артель (1863), мастерская по обучению рукоделию взрослых работниц, рукодельня для детей, магазин женских рукоделий (1864), Артель женщин-типографшиц (1876).

Под самопомощью деятельницы женского движения понимали самоорганизацию в союзы и общества для поддержки женщин, стремящихся к самостоятельности, а также личную инициативу женщин по материальному самообеспечению и саморазвитию. Опора на собственные силы, самоподдержка стали установкой женских организаций. В обозначенный исторический период социальную базу для организаций трудовой помощи составляли девушки и женщины из обедневших дворянских семей, разночинских слоев, работницы и прислуга. В конце XIX в. активистки движения трудовой помощи на основе полученного опыта значительно расширили сферу трудовой деятельности. Структура движения приобрела многоуровневый характер, в его деятельность внедрялись методы централизации и координации.

В 1876 г. в Петербурге женщины, занимавшиеся рукоделием, создали артельную мастерскую, целью которой являлось «добывание средств к жизни самостоятельным трудом». При обществе были открыты магазин готового платья,

классы рисования, благотворительная школа по обучению рукоделию, ссудо-сберегательная касса. Артельщицы получали на руки половину заработной платы, вторая половина шла на оплату жилья и питания. Общество объединяло 135 женщин [Кечеджи-Шаповалов, 1902: 184].

В 1896 г. в Санкт-Петербурге был открыт Дом трудолюбия для образованных женщин, его членами стали 227 нуждающихся женщин и девушек. Дом располагал помещением из 8 комнат. Женщины не только пользовались жильем, но и получали работу: занимались перепиской бумаг, корректурой, оттисками, переводами, изящным рукоделием, шитьем [Хвостов, 1914: 87].

Не менее популярными были общества взаимопомощи, создаваемые по профессиональному признаку. В 1897 г. было создано Санкт-Петербургское общество попечения о молодых работницах, его организаторами выступили представительницы либерально-демократического женского движения. Целью общества являлось повышение нравственного уровня трудящихся девушек, защита их от «дурного обращения», устройство общежитий, библиотек, дешевых квартир. В первые годы в трех общежитиях 100 девушек проживали за плату 3—5 руб. в месяц, они пользовались обедом из двух блюд за 15 коп., обучались грамоте, шитью и кройке. За десять лет работы руководству удалось открыть 3 библиотеки, 4 общежития, 2 ссудо-сберегательные кассы. За этот период услугами общежития воспользовались 4040 девушек, в основном из рабочей и ремесленной среды. Около 300 работниц посещали воскресные собрания, где они два часа учились грамоте, шитью и рукоделию, четыре часа занимались чтением и играми, ставили спектакли. По свидетельству очевидцев, девушки очень дорожили воскресными собраниями [Труды Первого Всероссийского женского съезда... , 1909: 81—85]. В 1898 г. была образована Санкт-Петербургская артель кассирш, продавщиц, бухгалтеров и конторщиц. В члены артели женщины принимались на общем собрании. Вступившая в артель женщина делала взнос в размере 225 руб. В первый год работы в артели насчитывалось 20 женщин. В 1908 г. службой на торговых и промышленных предприятиях было занято 250 женщин [там же: 397].

Традиции опоры на собственные силы в начале XX в.

В начале XX в. сфера деятельности обществ взаимопомощи расширилась. В 1900 г. открылось Санкт-Петербургское общество взаимопомощи акушерок. Акушерки, не имеющие работы, могли получить в обществе ссуду и рекомендацию для земских и сельских больниц. Руководительницы общества организовали постоянное дежурство акушерок при женской аптеке на Невском проспекте. В 1901 г. в Москве открылась касса взаимопомощи невест. При скромных взносах девушки получали возможность обеспечить себе приданое от 200 руб. до 2000 руб. При кассе был учрежден благотворительный капитал для взносов за осиротевших невест, дочерей членов кассы [Кечеджи-Шаповалов, 1902: 185—186].

В общества взаимопомощи стали объединяться представительницы интеллигентных профессий. Изучение отчетов женских организаций трудовой помощи

свидетельствует о разнонаправленности их работы. В Москве были созданы общества воспитательниц и учительниц, взаимной помощи женщин-врачей, Союз обществ помощников врачей. В Московском обществе улучшения участи женщины были образованы бюро, комиссия по трудовой помощи, образовательная, спасательная комиссии, совет общежития. В отчете за 1901 г. Московское общество улучшения участи женщины отмечало, что услугами его общежития пользовались 97 женщин; в воскресной школе при обществе обучалось 197 человек, в основном крестьянки и мещанки, ученицы швейных мастерских, ремесленницы, работницы, прислуга, домохозяйки [Отчет Комитета Московского общества... , 1902: 12—13, 21—23].

Процесс наращивания функций можно проследить на примере Русского женского взаимоблаготворительного общества. В его уставе трудовая помощь обозначалась в виде: а) предоставления лицам женского пола удобного помещения для пребывания в свободное от занятий время, б) приискания мест для занятий, в) доставления пищи, медицинской помощи, г) назначения денежных пособий, д) устройства касс взаимной помощи, читальни и т. д. В соответствии с уставом с 1906 г. в обществе действовали комиссия по трудовой помощи, бюро по приисканию рабочих мест для женщин, с 1906 г. — отдел избирательных прав, с 1908 г. — юридическая комиссия, кассы взаимопомощи [Труды Первого Всероссийского женского съезда... , 1909: 51—53]. Интересен опыт женщин-ремесленниц Санкт-Петербурга, которые в начале XX в. создали свой банк для получения женщинами дешевого кредита.

Привлекает внимание такое направление деятельности женских организаций, как содействие трудоустройству. Объединения для достижения этой цели назывались бюро по приисканию мест и занятий для женщин. Так, Русское женское благотворительное общество в первый год своей работы бесплатно помогло с трудоустройством 158 женщинам [там же: 586]. К началу XX в. только в Москве и Петербурге насчитывалось 9 таких бюро. Принцип их деятельности можно проследить на примере Московского общества улучшения участи женщины, куда в течение 1901 г. обратились 316 женщин с просьбой помочь с трудоустройством. Членам общества удалось трудоустроить 64 женщин. В отчете общества отмечалось, что перечень профессий, востребованных в тот период, был ограничен двумя: прислуга и портниха [Отчет Комитета Московского общества... , 1902: 18]. В 1902 г. количество трудоустроенных женщин составляло уже 50 % от числа обратившихся женщин [Отчет о деятельности Общества улучшения участи женщины... , 1904: 42].

Формы, которые приобретали общества взаимопомощи, были разнообразны. Так, на средства госпожи Д. Д. Мининой на Васильевском острове Санкт-Петербурга был открыт женский рабочий зал, где за небольшую плату женщины, не имеющие возможности работать дома, могли пользоваться пишущими, швейными и чулочными машинами. В бесплатной мастерской А. А. Селивановой малосостоятельные женщины изучали народные ремесла. В Санкт-Петербургском профессиональном пансионе велась подготовка девушек к самостоятельному труду на всех поприщах деловой жизни [Труды Первого Всероссийского женского съезда... , 1909: 141].

Следует отметить, что в рассматриваемый период на государственном уровне отсутствовала правовая база для реализации перечисленных видов трудовой деятельности. Однако отсутствие юридического статуса не мешало женским организациям приобретать недвижимость, общежития и школы для работниц, помещения для высших женских курсов. В результате трудовая помощь, включающая в сферу своего влияния тысячи нуждающихся женщин, выступала средством формирования навыков предпринимательской деятельности у активных участниц женского движения. Женские общества, занимающиеся помощью трудом, ставили задачу не только поднять «материальное благополучие неимущих классов, но также способствовать их нравственному развитию» [там же: 144].

Изучение исторических источников позволяет выделить ряд специфических черт движения трудовой помощи. Главной целью коммерческих организаций, которые создавались женскими обществами, являлось получение прибыли ради поддержки женщин в их стремлении к самостоятельности, профессиональной самореализации. В основу концепции движения трудовой помощи было положено понятие самопомощи, которое лидеры женского движения трактовали как поддержку женщин, стремящихся к самостоятельной деятельности. В широком смысле слова под самопомощью понималась самоорганизация в союзы и общества для поддержки женщин.

Содержание и результаты движения трудовой помощи позволяют выделить его как самостоятельное направление в деятельности женских организаций в обозначенный исторический период. Формы социальной поддержки женщин по содержанию и организации выходили за рамки общепринятой благотворительности. Для реализации своих проектов активистки женских организаций использовали не сбор средств, не пожертвования граждан, а организацию коммерческих предприятий: устройство магазинов, потребительских обществ, пекарен, мастерских, типографий [там же: 32]. Созданию необходимой для самопомощи экономической базы способствовало присутствие среди активных деятельниц женского движения материально обеспеченных женщин, которые вкладывали значительные средства в приобретение обществами земельных участков, зданий, в оборудование швейных мастерских, в материальную поддержку нуждающихся женщин. В целом в начале XX в. женское движение трудовой помощи по масштабам и результативности представляло довольно крупную подсистему профессиональной сферы России.

Результаты исследования

Исторический опыт российского женского движения конца XIX — начала XX в. позволяет сделать вывод, что идея самозащиты в значительной степени детерминировала выбор средств борьбы за права женщин, мотивировала многочисленные гражданские инициативы, формировала такие типы социального поведения, как опора на собственные силы, самопомощь и взаимопомощь. Основными направлениями работы женских организаций были материальная поддержка малоимущих девушек и женщин, профессиональное обучение,

трудоустройство безработных, организация взаимопомощи трудящихся женщин. В основу движения трудовой помощи были положены принципы экономической независимости благодаря самостоятельной профессиональной деятельности, взаимоподдержка, саморазвитие и самопомощь. Изучение исторических источников убеждает в том, что главной целью организаций взаимопомощи было не получение прибыли, а поддержка женщин в их стремлении приобрести экономическую независимость. С учетом сложившегося исторического опыта эти традиции могут быть востребованы современными женскими организациями и наполнены содержанием, адекватно отражающим потребности и интересы современных женщин.

Список источников

- Безобразов П. В. О правах женщины. М.: Тип. П. В. Безобразова, 1895. 162 с.
- Женское дело: ежемесячный литературный журнал. 1899. Кн. 8.
- Законы о женщинах: (сборник всех постановлений действующего законодательства, относящихся до лиц женского пола) / изд. Я. А. Кантоновича. СПб., 1899. 272 с.
- Кечеджи-Шаповалов М. В. Женское движение в России и за границей. СПб.: Тип. С.-Петербург. о-ва печ. дела в России Е. Евдокимова, 1902. 210 с.
- Милль Д. С. О подчинении женщины // Милль Д. С. О подчинении женщины. Шерр И. Исторические женские типы. СПб.: Тип. А. Моригеровского, 1869.
- Отчет Комитета Московского общества улучшения участи женщины за 1901 год. М.: Тип. А. В. Васильева и К^о, 1902. 68 с.
- Отчет о деятельности Общества улучшения участи женщины в Москве за 1902—1903 гг. М.: Тип. Н. М. Михайлова, 1904. 106 с.
- Стасов В. В. Надежда Васильевна Стасова: воспоминания и очерки. СПб.: Тип. М. Меркушева, 1899. 507 с.
- Труды Первого Всероссийского женского съезда при Русском женском обществе в Санкт-Петербурге, 10—16 декабря 1908 г. СПб., 1909. 927 с.
- Хвостов В. М. Женщина и человеческое достоинство: исторические судьбы женщины. Природа женщины. Женский вопрос / изд. Г. А. Лемана, Б. Д. Плетнева. М., 1914. 510 с.

References

- Bezobrazov, P. V. (1895) *O pravakh zhenshchiny* [About women's rights], Moscow: Tipografiia P. V. Bezobrazova.
- Kechedzhi-Shapovalov, M. V. (1902) *Zhenskoe dvizhenie v Rossii i za granitseĭ* [Women's movement in Russia and abroad], St. Petersburg: Tipografiia Sankt-Peterburgskogo obshchestva pechatnogo dela v Rossii E. Evdokimova.
- Mill', D. S. (1869) O podchinenii zhenshchiny [The subjection of women], in: Mill', D. S., *O podchinenii zhenshchiny*; Sherr, I., *Istoricheskie zhenskie tipy*, St. Petersburg: Tipografiia A. Morigerovskogo.
- Stasov, V. V. (1899) *Nadezhda Vasil'evna Stasova: Vospominaniia i ocherki* [Nadezhda Vasilievna Stasova: Memoirs and essays], St. Petersburg: Tipografiia M. Merkusheva.
- Trudy Perвого Vserossiiskogo zhenskogo s'ezda pri Russkom zhenskom obshchestve v Sankt-Peterburge, 10—16 dekabria 1908 g.* (1909) [Proceedings of the First All-Russian

Women's Congress at the Russian Women's Society in Sankt-Petersburg, December 10—16, 1908], St. Petersburg.

Khvostov, V. M. (1914) Zhenshchina i chelovecheskoe dostoinstvo: Istoricheskie sud'by zhenshchiny. Priroda zhenshchiny. Zhenskiĭ vopros [Woman and human dignity: Historical destinies of women. The nature of women. The woman question], Moscow.

Статья поступила в редакцию 10.02.2025; одобрена после рецензирования 24.02.2025; принята к публикации 03.03.2025.

The article was submitted 10.02.2025; approved after reviewing 24.02.2025; accepted for publication 03.03.2025.

Информация об авторе / Information about the author

Хасбулатова Ольга Анатольевна — доктор исторических наук, профессор кафедры социологии, социальной работы и управления персоналом, Ивановский государственный университет, г. Иваново, Россия, oax37@mail.ru (Dr. Sc. (History), Professor at the Department of Sociology, Social Work and Personnel Management, Ivanovo State University, Ivanovo, Russian Federation).

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ

---

1. К публикации принимаются статьи, рецензии, материалы круглых столов (рекомендуемый объем статьи 20—25 тыс. знаков, в исключительных случаях до 40—45 тыс. знаков; объем рецензии 10—15 тыс. знаков) в редакторе Microsoft Word шрифтом Times New Roman, кегль 14. При создании диаграмм и графиков необходимо использовать приложения Microsoft Graph и Microsoft Excel.

2. Материалы принимаются в электронном виде по адресу, указанному на сайте журнала (<http://www.womaninrussiansociety.ru>), а также по адресу: wings@bk.ru.

3. Комплект документов должен состоять из двух файлов, сохраненных в формате RTF:

1) собственно статьи (приводятся название статьи, имя, отчество и фамилия автора, текст, список источников). Приветствуется членение статей на смысловые части (разделы). Статьи, содержащие данные эмпирических исследований, должны включать разделы «Постановка задачи / выдвигание гипотезы», «Методы исследования», «Результаты исследования»;

2) приложения, в котором должны быть следующие составляющие (в соответствии с ГОСТ Р 7.0.7—2021):

- сведения об авторе / авторах (фамилия, имя и отчество, ученая степень и ученое звание, место работы и должность, контактные данные (телефон и электронная почта);
- аннотация, отражающая основное содержание статьи (10—15 строк);
- ключевые слова (не более 10);
- фамилия, имя и отчество автора (или же только фамилия и имя) в транслитерации (в латинском алфавите). Следует пользоваться системой транслитерации, принятой Библиотекой Конгресса США. Правила перевода с кириллицы на латиницу см. на сайте журнала;
- название статьи на английском языке;
- аннотация статьи на английском языке. Она должна быть содержательнее и объемнее (до 0,5—1 страницы) аннотации на русском языке. Просим обеспечить квалифицированный перевод и приложить оригинал на русском языке, который был переведен (для удобства работы проверяющего переводчика);
- ключевые слова на английском языке;
- место работы, ученая степень и должность на английском языке.

4. Список источников к статье должен быть выполнен в двух вариантах.

В первом варианте («Список источников») библиографическое описание источников оформляется в соответствии с российскими ГОСТ 7.1—2003, 7.0.5—2008. В алфавитном порядке указываются только использованные в статье источники (сначала на русском языке, затем на иностранном). Пункты списка, в каждом из которых приводится одна работа, не нумеруются. Ссылки на список даются в тексте статьи в квадратных скобках, где указывается фамилия автора, далее, через запятую, год издания работы и, после двоеточия, страница. Образцы оформления ссылок см. на сайте журнала.

Второй вариант списка использованной литературы («References») выполняется в латинском алфавите.

В References включаются: монографии, статьи, сборники, тезисы, диссертации, авторефераты диссертаций; не включаются: архивы, газеты, указы, постановления, приказы, небольшие интернет-материалы.

Для русскоязычных источников (и других источников, изданных во всех алфавитах, кроме латинского) сначала приводится транслитерация названия, затем в квадратных скобках — его перевод на английский язык (в этих случаях транслитерируются и названия издательств). Если описание начинается со статьи или главы, то на английский язык переводятся их названия, а названия журналов и монографий, где они размещаются, только транслитерируются.

Названия работ, изданных на латинице, дублируются в двух списках. Порядок источников диктуется латинским алфавитом.

Образцы оформления см. на сайте журнала.

5. Направление в редакцию ранее опубликованных и принятых к печати в других изданиях работ не допускается.

СОДЕРЖАНИЕ

<i>К читателям</i>	3
--------------------------	---

СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

Синельников А. Б. Особенности эгоизма у женатых мужчин и замужних женщин	4
Швецова А. В. Виртуальная песочница: цифровые практики современных матерей	23
Ребрей С. М. Роль женщин в российской науке: традиционные и новые методы измерения	34
Ростовская Т. К., Кучмаева О. В. Концептуальные аспекты национального проекта «Семья»	49
Титаренко Л. Г. Восприятие белорусскими женщинами своего социального статуса и ценностей труда и семьи	62
Певная М. В., Телепаева Д. Ф., Гаврилик О. Н., Минченко Д. В. Женское лицо студенческого волонтерства в России и Республике Беларусь	77
Байамонте (Саттарова) А. И., Фахрутдинов Р. Р., Кадыров Р. В. Женщина в хиджабе: социокультурный анализ взглядов студенческой молодежи Татарстана	91
Козлова Н. Н., Рассадин С. В., Овчарова О. Г., Васильева Е. Н. Аксиологические основания дискурсивного поля семейных онлайн-сообществ современной России	100

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ

Сулейманова Р. Н. Охрана здоровья женщины-матери и ребенка в послевоенной Башкирии	112
Хасбулатова О. А. Трудовая помощь в деятельности женских организаций конца XIX — начала XX в.	120
<i>Информация для авторов</i>	129

CONTENTS

<i>To readers</i>	3
-------------------------	---

SOCIOLOGICAL SCIENCES

Sinelnikov A. B. Characteristics of selfishness in married men and married women	4
Shvetsova A. V. Virtual sandbox: digital practices of modern mothers	23
Rebrey S. M. The role of women in Russian science: traditional and new methods of measurement	34
Rostovskaya T. K., Kuchmaeva O. V. Conceptual aspects of the national project “Family”	49
Titarenko L. G. Belarusian women’s perception of their social status and work and family values	62
Pevnaya M. V., Telepaeva D. F., Haurlyk O. N., Minchenko D. V. Volunteering among female students in Russia and the Republic of Belarus	77
Bayamonte (Sattarova) A. I., Fakhrutdinov R. R., Kadyrov R. V. Tatarstan students’ views on women wearing hijab: a sociocultural analysis	91
Kozlova N. N., Rassadin S. V., Ovcharova O. G., Vasilyeva E. N. Axiological foundations of the discursive field of online family communities in modern Russia	100

HISTORICAL SCIENCES

Suleimanova R. N. Maternal and child health in the post-war Bashkir Autonomous Soviet Socialist Republic	112
Khasbulatova O. A. Employee assistance in the activities of women’s organizations of the late 19th and early 20th c.	120
<i>Information for the authors</i>	129

ЖЕНЩИНА В РОССИЙСКОМ ОБЩЕСТВЕ

Российский научный журнал

№ 1 — 2025

[12+]

Директор издательства *Л. В. Михеева*
Редакторы *О. В. Боронина, О. В. Батова*
Технический редактор *И. С. Сибирева*
Компьютерная верстка *Т. Б. Земсковой*

Дата размещения на сайте 20.03.2025.
Формат 70×108 1/16. Уч.-изд. л. 9,0. 2,40 МБ

Отпечатано в издательстве «Ивановский государственный университет»

✉ 153025 Ивановская обл., г. Иваново, ул. Ермака, 39
☎ (4932) 93-43-41. E-mail: publisher@ivanovo.ac.ru

Выходит 4 раза в год с 1996 года

Распространяется по подписке и
по предварительным заявкам ученых
и библиотек

 ЖЕНЩИНА
В РОССИЙСКОМ
ОБЩЕСТВЕ